Валё Пер, Шёвалль Май

Человек, который «испарился»

I

Комната была маленькая и бедная. Окно без занавесок, за ним грязно-серый брандмауэр с торчащей металлической арматурой и рекламой маргарина «Пеллерин». Среднее стекло в левой створке окна отсутствовало, его заменял кусок картона. Цветастые обои отсырели, и их покрывал такой слой сажи, что узора почти не было видно. Местами обои начали отслаиваться от штукатурки; их пытались подлатать с помощью клейкой ленты и кусков оберточной бумаги.

В комнате была печь, шесть предметов мебели и одна картина. У печи стоял картонный ящик с пеплом и пузатый кофейник. Кровать располагалась изножьем к печи, а постельное белье состояло из десятисантиметрового слоя старых газет, истрепанного стеганого одеяла и канифасовой подушки. На картине была изображена обнаженная светловолосая женщина, опирающаяся на мраморную балюстраду; картина висела справа от печи, так, чтобы тот, кто лежал в постели, видел ее перед тем как заснуть и сразу после пробуждения. Казалось, кто-то пытался немного подправить картину карандашом.

В другой части комнаты, ближе к окну, стоял круглый стол и два гнутых стула, один без спинки. На столе среди прочего можно было видеть три пустые бутылки из-под вермута, одну из-под лимонада и две кофейные чашки. Пепельница была перевернута вверх дном, и среди окурков, пивных пробок и сгоревших спичек валялось несколько грязных кусков сахара, открытый перочинный нож и кусок сосиски. Осколки третьей чашки находились на полу. На затоптанном потертом линолеуме между столом и постелью лежал на боку мертвый мужчина.

Вероятнее всего, это был именно тот человек, который дорисовывал картину и пытался залатать обои с помощью клейкой ленты и оберточной бумаги. Он лежал, поджав под себя ноги, прижав локти к бокам и прикрыв руками голову, словно хотел защитить ее от удара. На нем были майка и истрепанные брюки, на ногах — толстые дырявые шерстяные носки. Голова и верхняя часть туловища были скрыты под большим упавшим буфетом. Третий стул валялся возле трупа. Сиденье было окровавлено, а на спинке отчетливо виднелись отпечатки пальцев. Пол был усыпан множеством осколков. Часть из них была от застекленной дверцы буфета, а остальные — от наполовину разбитой винной бутылки, валявшейся на куче грязного белья у стены. То, что осталось от бутылки, было покрыто слоем засохшей крови. Кто-то поставил на нем пальцем белый кружок.

Фотография была по-своему почти безупречной, потому что ее сделали при помощи лучшего полицейского широкоугольного объектива, и каждая деталь вырисовывалась, как на гравюре.

Мартин Бек отложил в сторону фотографию и увеличительное стекло и подошел к окну. На дворе в разгаре было шведское лето, и, более того, было даже тепло. На газоне Кристинебергского парка загорали несколько девушек в бикини. Они лежали на спине, раскинув руки и ноги. Девушки были молодые и худенькие, или скорее, как говорят, стройные; они могли себе позволить лежать вот так, что даже было привлекательно. Присмотревшись к ним повнимательнее, он наконец узнал их. Это были две машинистки из его собственного отдела. Следовательно, уже перевалило за двенадцать. Утром они надевали

купальники, летние платья и босоножки и отправлялись на работу. В обеденный перерыв снимали платья и выбегали в парк загорать. Весьма практично.

Он слышал, как у него за спиной кто-то открыл дверь и вошел в кабинет. Он, не оглядываясь, узнал, кто это. Стенстрём. Стенстрём по-прежнему оставался в отделе самым младшим, а после него, очевидно, придет целое поколение криминальных ассистентов, которые не будут догадываться, что нужно стучать в дверь, подумал Мартин Бек.

— Ну как продвигается дело? — спросил он.

— Не очень хорошо, — сказал Стенстрём. — Когда я был там четверть часа назад, он по-прежнему все отрицал.

Мартин Бек повернулся, возвратился к столу и еще раз посмотрел на фотографию. На потолке над постелью с газетами, разорванным стеганым одеялом и канифасовой подушкой виднелись контуры какого-то старого пятна от лопнувшей трубы. Оно смахивало на морского конька, а при желании его можно было принять за русалку. Он подумал, приходили ли подобные фантазии в голову мужчине, лежащему на полу.

— Но это ничего не значит, — с усердием поспешно добавил Стенстрём, — все равно их присоединят к техническим вещественным доказательствам.

Мартин Бек не ответил. Вместо этого он показал на подшивку документов, которые Стенстрём положил ему на стол, и сказал:

— Что это?

— Протоколы допросов. Из округа Сундбюберг.

— Отнеси их обратно. Я с завтрашнего дня в отпуске. Отдай Колльбергу. Отдай кому хочешь.

Мартин Бек убрал фотографию и поднялся этажом выше. Он открыл дверь и оказался у Колльберга и Меландера.

Здесь было намного жарче, чем у него в кабинете, поскольку окна у них были закрыты и шторы задернуты. Колльберг и подозреваемый молча сидели за столом друг против друга. Долговязый Меландер стоял у окна с трубкой в зубах, скрестив руки на груди. Он внимательно смотрел на подозреваемого. На стуле у двери сидел полицейский в форменных брюках и светло-синей рубашке. Фуражка покачивалась у него на правом колене. Никто ничего не говорил, и единственным звуком было шуршание магнитофонной ленты. Мартин Бек встал сбоку за спиной у Колльберга и присоединился к общему молчанию. Они слышали, как в окно снаружи бьется оса. Колльберг был без пиджака и с расстегнутым воротничком, но, несмотря на это, рубашка у него между лопатками совершенно промокла. Влажное пятно постепенно меняло форму, сползая широкой полосой вниз по позвоночнику.

Мужчина по другую сторону стола был маленький и уже начал лысеть. Одет небрежно, пальцы, сжимавшие поручни кресла, неухоженные, с грязными обломанными ногтями. Исхудавшее, нездоровое лицо, казалось, выражало готовность просить прощения по любому поводу. Подбородок у него дрожал, глаза бегали. Мужчина начал всхлипывать, по его щекам скатились две слезинки.

— Ага, — строго сказал Колльберг, — ты так молотил его по голове бутылкой, что она разбилась у тебя в руке.

Мужчина кивнул.

— А потом, когда он уже лежал на полу, колотил по нему стулом. Сколько раз ты его ударил?

— Не знаю. Не много. Не много, но сильно.

— Вот именно. А потом повалил на него буфет и ушел. А что в это время делал третий из вашей компании — Рагнар Ларссон? Он не пытался как-то вмешаться, я имею в виду, воспрепятствовать тебе в этом?

— Нет, он ничего не делал. Ни во что не вмешивался.

— Не начинай снова лгать.

— Он спал. Он был пьян.

— Пожалуйста, говори чуточку громче.

— Он лежал на постели и спал. Он ничего не видел.

— Несомненно, пока не проснулся, а потом взял и пошел в полицию. Так мы узнали об этом. Однако кое-что мне непонятно до сих пор. Почему вы подрались? Вы ведь никогда в жизни не видели друг друга до тех пор, пока не встретились в том притоне. Разве не так?

— Он сказал, что я тупой фашист.

— Это слышит любой полицейский несколько раз в неделю. Меня уже сотни людей называли фашистом, гестаповцем и еще гораздо хуже, однако я из-за этого никого не убил.

— Он сидел напротив меня и все время повторял, что я тупой фашист, тупой фашист, тьфу. Он вообще больше ничего не говорил. А потом он начал петь.

— Петь?

— Да, чтобы поиздеваться и разозлить меня. Песни про Гитлера.

— Ага. А ты дал ему для этого какой-то повод?

— Я сказал, что моя мама была немка. Но это было до того.

— До того как вы начали пить?

— Да… Я сказал лишь, что не имеет значения, кто у человека мама.

— И когда он хотел пойти в кухню, ты схватил бутылку и ударил его сзади по голове?

— Да…

— Он упал?

— Как подкошенный. У него потекла кровь. И я сказал: ты нацистская свинья, я сейчас покажу тебе.

— И ты продолжил избивать его?

— Я… я испугался. Он был сильнее меня и… Вы не понимаете… все словно кружится вокруг, все видится в красном цвете… Я вообще не соображал, что, собственно, делаю.

У него затряслись плечи.

— Пока достаточно, — сказал Колльберг и выключил магнитофон. — Покормите его и спросите у доктора, можно ли дать ему какое-нибудь снотворное.

Полицейский у двери медленно встал, надел фуражку, взял убийцу за руку и вывел из кабинета.

— Ну, пока. Увидимся завтра, — рассеянно бросил Колльберг.

И так же механически записал на листе бумаги, лежащем перед ним: признание сопровождалось плачем.

— Приятный молодой человек, — сказал он.

— Пять раз осужден за преступления, связанные с насилием, — сухо произнес Меландер. — И каждый раз упорно все отрицал. Я очень хорошо его помню.

— Ты настоящая живая картотека, — заметил Колльберг.

Он тяжело встал и устремил взгляд на Мартина Бека.

— Что ты здесь, собственно, делаешь? — спросил он. — Собирайся и уезжай в отпуск, а заботы о преступности в нижних слоях общества переложи на нас. Куда ты, собственно, намерен поехать? На острова?

Мартин Бек кивнул.

— Ты прекрасно поступаешь, — сказал Колльберг. — Наш брат сперва отправляется в Мамаю и там поджаривается. Потом возвращается домой и здесь варится. Жизнь — нелегкая штука. А телефон там есть, а?

— Нет.

— Сенсация. Ну, я иду принимать душ. А тебе лучше исчезнуть как можно скорее.

Мартин Бек задумался. У предложения Колльберга решительно были свои преимущества. Кроме всего прочего, ему удалось бы уехать на день раньше. Он пожал плечами.

— Хорошо, в таком случае, я ухожу. Пока, ребята. Увидимся через месяц.

II

Отпуска у большинства людей уже закончились, и раскаленные августовские улицы Стокгольма снова начали заполнять неудачники, проведшие дождливый июль в палатках, кемпинговых прицепчиках и пансионатах. В последнее время метро снова было набито битком, однако на этот раз Мартин Бек ехал посреди рабочего дня и оказался в вагоне почти в одиночестве. Он сидел у окна, смотрел на пыльные зеленые листья снаружи и радовался, что у него тоже наконец-то начинается отпуск.

Его семья уже почти целый месяц отдыхала на островах. В этом году им повезло, так как удалось поселиться в домике, стоящем особняком на маленьком островке посреди архипелага в морском заливе к востоку от Стокгольма. Домик принадлежал какой-то дальней родственнице его жены, а поскольку родственница уехала на лето за границу, они могли оставаться в нем до начала школьного учебного года.

Мартин Бек вошел в пустую квартиру, сразу же направился в кухню, достал из холодильника бутылку пива, выключил холодильник и положил формочку со льдом в мойку. Он выпил пива, не отходя от мойки, и взял бутылку с собой в спальню. Разделся и в нижнем белье вышел на балкон. Уселся на солнышке, положил ноги на перила, и медленно допил остаток пива из бутылки. Жара стояла почти невыносимая, и, опорожнив бутылку, он встал и вернулся в относительную прохладу квартиры.

Он взглянул на часы. Пароход отплывает через два часа. Островок находился в центральной части архипелага, и сообщение с городом обеспечивал один из последних, доживающих свой век, пароходиков. Мартин Бек считал, что во всем отпуске это наибольший выигрыш.

Он пошел в кухню и поставил пивную бутылку на пол в кладовке. Он уже отнес туда все, что могло испортиться, и на всякий случай еще раз осмотрел кладовку, не забыл ли чего, а потом закрыл дверь. Вытер воду, натекшую из холодильника, еще раз оглядел кухню и пошел в спальню укладывать багаж.

Бо́льшую часть вещей он уже отвез на островок в прошлую субботу. Жена дала ему список вещей, которые он должен был взять для нее и детей, и когда он все уложил, у него были две полные большие сумки. Кроме того, ему еще предстояло получить в универсаме внушительный пакет с едой, поэтому он решил поехать в порт на такси.

На пароходе было мало пассажиров. Мартин Бек поставил сумки и пакет с едой и вышел посидеть на палубе.

Над городом дрожало марево, ветра почти не было. Зелень на площади Карла XII немного увяла, а вымпел на флагштоке Гранд-отеля обвис и не шевелился. Мартин Бек смотрел на часы и нетерпеливо ждал, когда команда затащит на борт выдвижной трап.

Почувствовав, как задрожала палуба под ногами, он встал и перешел на корму. Пароходик медленно отваливал от набережной. Мартин Бек перегнулся через перила и смотрел, как винты взбивают бело-зеленую водяную пену. Хрипло взревела сирена, а когда пароходик направил свой вздрагивающий корпус в залив Сальтшен, Мартин Бек уже стоял,

облокотившись на поручень на носу, и подставлял лицо слабому ветерку. У него было ощущение беззаботной свободы, и на мгновение его охватили те же чувства, как тогда, когда он был школьником и у него начинались каникулы.

В пароходном ресторане он пообедал и снова устроился на палубе. До того, как пароходик начал медленно причаливать к пристани, где Мартин Бек должен был сойти, он миновал их островок, и Мартин Бек увидел домик и несколько пестрых шезлонгов, а внизу у воды — свою жену. Она сидела на корточках у самого края воды и — в этом он был уверен — чистила картошку. Он встал и помахал ей, но вряд ли его было видно на таком большом расстоянии, против низкого послеполуденного солнца.

Дети приплыли за ним на лодке. Мартин Бек очень любил грести и, вопреки протестам сына, завладел веслами и сам отвез детей через пролив между причалом и островком. Девочку звали Ингрид, но все называли ее Малышкой, хотя ей уже исполнилось пятнадцать; сейчас она сидела на корме и рассказывала о вечеринке с танцами в каком-то амбаре. Рольфу было тринадцать, он презирал девчонок и рассказывал о том, какую большую щуку ему удалось поймать. Мартин Бек рассеянно слушал и с удовольствием медленно греб.

Сбросив наконец городскую одежду, он нырнул в воду и несколько минут плавал возле мостков, потом надел рабочие брюки и старый свитер. После ужина они сидели с женой перед домиком, разговаривали и смотрели, как на противоположной стороне зеркально блестящего пролива садится солнце. Потом он пошел прилечь, но до этого они с сыном поставили в воду несколько сетей.

Впервые за долгое время он уснул мгновенно.

Когда он проснулся, солнце стояло еще низко, а на траве блестела роса. Он тихонько выскользнул наружу и уселся на скале перед домиком. Похоже, что день будет таким же прекрасным, как предыдущий, однако солнце еще не начало пригревать, так что долго он так не высидел и через несколько минут пошел сварить кофе, а потом расположился на веранде. В семь он оделся и отправился будить сына; тот было запротестовал, но все же встал. Они сели в лодку и поплыли проверять сети. В сетях не оказалось ничего, кроме водорослей. Когда они вернулись, все уже были на ногах, а завтрак стоял на столе.

После завтрака Мартин Бек пошел в сарайчик и принялся развешивать и чистить сети. Это занятие требовало большого терпения, и он решил, что заботы о снабжении семьи рыбой на будущее предоставит сыну.

Он уже почти закончил чистить последнюю сеть, когда услышал за спиной стук мотора, оглянулся и увидел, что мыс огибает рыбацкая лодка и направляется прямо к нему. Он тут же узнал мужчину в лодке. Его звали Нюгрен, на соседнем островке у него была маленькая верфь, и он являлся их ближайшим соседом. Поскольку у них на островке не было пресной воды, то за водой они ездили к нему. Кроме того, он имел телефон.

Нюгрен выключил мотор и крикнул:

— Вам кто-то звонил. Вы должны позвонить как можно скорее. Я записал номер на листке бумаги возле телефона.

— Не знаете, кто это был? — спросил Мартин Бек, хотя это ему уже было ясно.

— Это я тоже записал. Мне сейчас нужно в Шерхольм, а Эльза ушла собирать землянику, но дверь в кухню открыта.

Нюгрен снова запустил мотор и, стоя на корме, направил лодку в широкий пролив. Он помахал рукой перед тем, как скрыться за мысом.

Мартин Бек некоторое время смотрел ему вслед. Потом пошел на причал, отвязал лодку и поплыл к причалу Нюгрена. Он греб и думал, проклиная все на свете, что в этом весь Колльберг: едва только забудешь о его существовании, он тут как тут.

На листке бумаги под настенным телефоном в кухне у Нюгрена было неразборчиво нацарапано: Хаммар 54—00—00.

Мартин Бек набрал номер и, пока ждал соединения, у него впервые появилось предчувствие, что его предали.

— Хаммар, — сказал Хаммар.

— Это Бек. Что случилось?

— Послушай, Мартин, мне ужасно неприятно, но, к сожалению, я вынужден попросить тебя вернуться как можно скорее. Возможно, тебе не удастся отгулять отпуск до конца.

Хаммар несколько секунд помолчал.

— Я имею в виду, если ты, конечно, захочешь.

— Не удастся отгулять отпуск до конца? Я практически еще и одного дня не пробыл в отпуске.

— Мне действительно очень неприятно, Мартин, но я не стал бы просить тебя, если бы в этом не было крайней необходимости. Ты можешь приехать еще сегодня?

— Сегодня? А что, собственно, случилось?

— Было бы хорошо, если бы ты успел приехать еще сегодня. Дело в том, что это очень важно. Ты обо всем узнаешь, когда приедешь.

— Пароход отправляется через час, — сказал Мартин Бек и посмотрел в засиженное мухами окно на сверкающую под солнцем водную гладь. — Неужели это в самом деле так важно? Разве Колльберг или, например, Меландер…

— Нет. За это должен будешь взяться ты. Похоже на то, что кое-кто исчез.

III

Когда Мартин Бек открывал дверь в кабинет шефа, было без десяти час и он пробыл в отпуске ровно двадцать четыре часа.

Старший криминальный комиссар Хаммар был коренастый мужчина с бычьей шеей и густыми седоватыми волосами. Он неподвижно сидел в своем вращающемся кресле, положив руки на стол, и сосредоточенно занимался тем, что — как утверждали злые языки — было его самым любимым занятием, другими словами, ничегонеделанием.

— А, это ты, — кисло сказал он. — Самое время. Через полчаса тебе нужно быть в МИДе.

— В министерстве иностранных дел?

— Именно так. У тебя встреча вот с ним. Хаммар брезгливо держал визитную карточку за один уголок кончиками указательного и большого пальцев, словно это был лист салата с толстым червем. Мартин Бек прочел фамилию. Она абсолютно ничего ему не говорила.

— Высокопоставленная особа, — произнес Хаммар, — утверждают, что он в очень близких отношениях с министром.

Он помолчал и добавил:

— Я о нем тоже никогда в жизни не слышал.

Хаммару было пятьдесят девять лет, и в полиции он служил с 1927 года. Политиков он недолюбливал.

— Ты не выглядишь таким обиженным, каким мог бы выглядеть, — сказал Хаммар.

Мартин Бек с минуту поразмышлял над его словами и пришел к выводу, что слишком сбит с толку для того, чтобы разъяриться.

— А в чем, собственно, дело?

— Об этом мы поговорим после того, как ты вернешься от этого господина.

— Ты сказал, что кто-то исчез.

Хаммар с измученным выражением лица посмотрел в окно, потом пожал плечами и сказал:

— Все это совершеннейшая чушь. Честно говоря, я получил приказ… приказано не давать тебе подробной информации, пока ты не побываешь в министерстве иностранных дел.

— Так, значит, мы теперь выполняем их приказы тоже?

— Существует, как известно, целый ряд министерств… — задумчиво произнес Хаммар.

На минутку его взгляд затерялся в летней зелени. Потом он продолжил:

— С той поры, когда я начинал, у нас было множество министров внутренних дел и министров социальных проблем. Бо́льшая часть из них знала о полиции столько же, сколько мне известно о колорадском жуке. Другими словами, только то, что она существует. Ну, до свидания, — ни с того, ни с сего попрощался он.

До свидания, — сказал Мартин Бек.

Когда он уже был в дверях, Хаммар словно очнулся и сказал:

— Мартин.

— Да.

— Одну вещь я все же должен тебе сказать. Можешь не браться за это дело, если не захочешь.

Мужчина, который был близок к министру, оказался высоким, угловатым и рыжим. Он посмотрел на Мартина Бека водянистыми глазами, потом вскочил и, вытянув вперед правую руку, и церемонно вышел из-за стола.

— Рад, — заявил он, — рад, что вы нашли время.

Они долго и от души трясли друг другу руки. Мартин Бек ничего не говорил.

Государственный деятель вернулся к своему вращающемуся креслу, схватил погасшую трубку и впился в мундштук большими желтыми лошадиными зубами. Потом упал в кресло, откинулся в нем, прикрыл пальцем чубук трубки, чиркнул спичкой и холодным испытующим взглядом посмотрел на посетителя сквозь клуб дыма.

— Будем на «ты», а? — наконец объявил он. — Важный разговор я всегда начинаю с этого первого шага. Он способствует прямоте и откровенности. Потом все идет намного лучше. Меня зовут Мартин.

— Меня тоже, — тихо сказал Мартин Бек и добавил: — К сожалению. Если только это не усложнит нам жизнь.

Государственный деятель оцепенел. Он строго посмотрел на Мартина Бека, словно подозревал, что тот над ним насмехается. Потом расхохотался.

— Да, конечно. Это шутка. Ха-ха-ха!

Он осекся и бросился к телефону. Нервно нажимал на кнопки и бормотал:

— Да, да, ужасно смешная шутка.

В его голосе не было ни искорки веселья.

— Принесите мне документы по делу Альфа Матссона, — прорычал он в трубку.

Вошла дама среднего возраста с папкой в руке. Она подошла к нему и положила папку на стол перед ним. Он не удостоил ее ни единым взглядом. Когда дама закрыла за собой дверь, он устремил на Мартина Бека холодные, лишенные всякой индивидуальности рыбьи

глаза и одновременно медленно открыл папку. В ней был всего один лист бумаги, исчерченный какими-то карандашными пометками.

— Речь идет об очень деликатном и чертовски неприятном деле, — наконец сказал он.

— Ага, — произнес Мартин Бек. — Каком?

— Вы знаете Альфа Матссона?

Мартин Бек покачал головой.

— Нет? А ведь он довольно известен. Журналист. Главным образом пишет в еженедельниках. А также для телевидения. И для кино. Талантливый автор. Прошу.

Он выдвинул ящик и принялся копаться в нем, потом обшарил другой ящик, а затем поднял бумагу, покрывавшую столешницу, и нашел то, что искал.

— Не выношу беспорядка, — заявил он и бросил злой взгляд в сторону двери.

Мартин Бек изучал найденный предмет, который, как выяснилось, оказался красиво заполненным формуляром с некоторыми данными о человеке по имени Альф Матссон. Он действительно был журналистом, работающим в крупном еженедельнике, одном из тех, которые сам Мартин Бек никогда не читал, но которые с тихим отвращением и чувством несправедливости видел в руках у своих детей. Кроме того, он узнал, что Альф Сикстен Матссон родился в Гётеборге в 1934 году. На формуляре была обычная фотография для паспорта.

Мартин Бек наклонил голову набок и смотрел на молодого мужчину с усами, короткой ухоженной темной бородкой и круглыми очками в металлической оправе. Лицо настолько было лишено всякого выражения, что казалось, будто оно принадлежит роботу, а фотографию, очевидно, сделали в каком-то автомате. Мартин Бек отложил картотечный формуляр в сторону и вопросительно посмотрел на рыжего мужчину перед собой.

— Альф Матссон исчез, — делая ударение на каждом слове, сказал тот.

— Ага. И поиски оказались безрезультатными?

— Его не искали и искать не будут, — заявил государственный деятель и уставился куда-то в пустоту.

Мартин Бек только теперь понял, что водянистый взгляд должен заключать в себе стальную решимость, И наморщил лоб.

— Как давно он исчез?

— Десять дней назад.

Ответ вовсе не удивил его. Если бы мужчина, сидящий перед ним, сказал: «десять минут» или «десять лет», это тоже не произвело бы на него никакого впечатления. Единственное, что сейчас удивляло Мартина Бека, так это то, почему он, собственно, сидит здесь, а не на веслах в своей лодке возле островка. Он взглянул на часы. Возможно, ему повезет и он еще успеет на вечерний пароход, отплывающий обратно.

— Десять дней — не слишком долгий срок, — спокойно заметил он.

Из соседней комнаты пришел еще один чиновник и с ходу вступил в разговор. Очевидно, он подслушивал под дверью, подумал Мартин Бек, или здесь есть какое-нибудь окошечко.

— В данном случае этого более чем достаточно, — заявил вновь пришедший. — Дело в том, что обстоятельства его исчезновения в высшей степени странны. Альф Матссон улетел 22 июля в Будапешт. Его отправила туда редакция, чтобы он написал репортаж. В понедельник он должен был позвонить в редакцию, сюда в Стокгольм, и продиктовать свою еженедельную статью на актуальную тему. Он не позвонил. Кстати, необходимо подчеркнуть, что Альф Матссон, как говорят журналисты, надежный поставщик. Другими словами, он всегда придерживается сроков и все рукописи представляет согласно договоренности. Через два дня из редакции позвонили в Будапешт и им сообщили, что он действительно там живет,

но именно в эту минуту его нет на месте. Секретарь редакции попросил оставить ему записку, чтобы он немедленно, как только вернется, позвонил в Стокгольм. Они подождали еще два дня. И снова в понедельник он должен был позвонить в редакцию, сюда, в Стокгольме. Жена о нем тоже ничего не знала. Впрочем, в этом нет ничего необычного, так как они в данный момент разводятся. В субботу главный редактор журнала позвонил нам. Они еще раз переговорили с гостиницей и узнали, что после их прошлого разговора Матссона никто не видел, но его вещи по-прежнему находятся у него в номере, а паспорт — в бюро регистрации. В понедельник, первого августа, мы связались с нашим посольством в Венгрии. О Матссоне им ничего не было известно, но они якобы «вступили в контакт» с венгерской полицией, которая, по их мнению, «не проявила интереса к этому делу». Во вторник нас навестил герр главный редактор. Это был очень неприятный разговор.

Рыжий явно хотел играть главную роль. Он с кислым видом вцепился зубами в трубку и сказал:

— Да. Чертовски неприятный. И тут же добавил для ясности:

— Это мой секретарь.

— Так вот, — сказал секретарь, — результатом этой беседы было то, что мы вступили в неофициальный контакт с управлением полиции и поэтому сегодня вы находитесь здесь. Позвольте мне тоже вас поприветствовать.

Они подали друг другу руки. Мартин Бек по-прежнему не до конца все понимал. Он задумчиво тер основание носа.

— Не сердитесь, но я, к сожалению, по-прежнему не понимаю, — сказал он. — Почему из редакции об этом просто не сообщили в полицию?

— Вы все поймете через минуту. Главный редактор, он же ответственный редактор, не хочет сообщать об этом деле в полицию и не хочет требовать официального розыска, потому что тогда об этом деле сразу станет известно другим еженедельникам и газетам. Матссон является корреспондентом этого еженедельника и, хотя он исчез в зарубежной командировке, в редакции считают — другой вопрос, правы они или нет, — что это их внутреннее дело. Главный редактор, по-видимому, немного обеспокоен, поскольку не знает, что с Матссоном, однако, с другой стороны, он вовсе не скрывал, что надеется заполучить бомбу, как они выражаются, — мы бы назвали это сенсацией — другими словами, материал, который поможет журналу увеличить тираж тысяч на сто. Если вы знакомы со стилем этого журнала, то наверняка знаете, что… что у них попросту нет корреспондентов. А то, что произошло в Венгрии, естественно, очень интересно.

— За железным занавесом, — гробовым тоном произнес рыжий.

— Такими выражениями мы не пользуемся, — сказал секретарь. — Надеюсь, теперь уже вам в основном понятно, о чем идет речь. Если все это дело попадет в газеты и о нем узнает публика, это будет плохо, даже если, с другой стороны, можно было бы ожидать, что эту историю не раздуют и она разрешится относительно простым способом. Однако если все это еженедельник оставит для себя и использует в рекламных или пропагандистских целях, один Господь Бог знает, что… ну, в общем, это могло бы нанести вред нашим важным контактам, на установление которых мы, как и другая сторона, потратили много времени и энергии. У главного редактора был при себе экземпляр готовой статьи, когда он навещал нас здесь в понедельник. Это вовсе не развлекательное чтиво. Если бы они напечатали статью, это означало бы, в определенном смысле, катастрофу. Честно говоря, они решили напечатать статью уже на этой неделе. Нам пришлось прибегнуть к вершинам красноречия и попытаться апеллировать к их этике, чтобы воспрепятствовать публикации статьи. В конце концов все закончилось тем, что главный редактор предъявил нам ультиматум. Если Матссон не даст знать о себе сам или если мы в течение недели не найдем его… бомба взорвется.

Мартин Бек почесывал в волосах надо лбом.

— Очевидно, редакция все же ведет розыск собственными силами? — сказал он.

Секретарь без всякого выражения посмотрел на своего начальника, который в настоящий момент был полностью поглощен тем, что пускал клубы дыма к потолку.

— У меня создалось впечатление, что редакция не проявляет особого рвения в этом вопросе. Что какие-либо дальнейшие шаги в этом направлении впоследствии предприниматься не будут. У них нет ни малейшего сомнения в том, где находится Матссон.

— Значит, несмотря на большие сомнения, этот человек, по-видимому, исчез, — сказал Мартин Бек.

— Вот именно. И это очень беспокоит.

— Но ведь он не мог вот так взять и испариться, — вмешался в разговор рыжий.

Мартин Бек оперся левым локтем на стол, сжал кулак и суставами пальцев тер основание носа. Пароходик, остров и маленький причал с каждой минутой все отдалялись, превращаясь в мираж.

— А какое отношение все это имеет ко мне? — спросил он.

— Ну, это была наша идея, но мы, естественно, не знали, что это будете именно вы. Мы это дело объяснить не сможем, а о десятидневной отсрочке я уже вообще не говорю. Что бы ни случилось, если этот человек прячется по какой-либо причине, если он что-то сделал, если с ним что-то произошло… или еще что-нибудь — в любом случае это дело полиции. Очевидно, вас кто-то порекомендовал. Теперь речь идет только о том, согласитесь ли вы взяться за это дело. То, что вы сегодня пришли к нам сюда, уже само по себе означает, что можно будет освободить вас от всех остальных ваших служебных обязанностей.

Мартину Беку с трудом удалось подавить приступ смеха. Оба министерских чиновника смотрели на него строгими глазами. Очевидно, они считали его поведение не соответствующим серьезности момента.

— Да, конечно, освободить, — сказал он и вспомнил о сетях и весельной лодке. — Но что, по вашему мнению, я могу сделать?

Государственные деятели пожали плечами.

— Очевидно, вам нужно поехать туда и выяснить все на месте. Найти его. Если хотите, можете отправиться завтра. По нашей линии мы все уладили. Затраты мы вам компенсируем, но никакой официальной миссии у вас не будет. Естественно, мы окажем вам максимально возможную помощь. Там вы можете связаться с местной полицией, если захотите; это на ваше усмотрение, можете и не входить в контакт с ней. Причем вы можете уехать уже завтра, как я говорил.

Мартин Бек задумался.

— Нет, не раньше чем послезавтра.

— Это тоже возможно.

— В течение дня я сообщу вам о своем решении.

— Постарайтесь не размышлять слишком долго.

— До часу я позвоню вам. До свидания.

Рыжий вскочил и побежал вокруг стола. Левой рукой он хлопнул Мартина Бека по спине, а правой пожал ему руку.

— Ну, в таком случае, пока, Мартин. Прояви все, на что ты способен. Это важное дело.

— Да, важное, — сказал секретарь.

— Да, — добавил рыжий, — чтобы у нас на шее не оказалось еще одного дела Валленберга о шпионаже.[1]

— Это именно те слова, которые здесь нельзя произносить, — заметил секретарь с усталым отчаянием в голосе.

Мартин Бек кивнул и вышел из кабинета.

— Значит, ты хочешь туда отправиться? — сказал Хаммар.

— Еще не знаю. Я не знаю венгерского.

— Его в полиции никто не знает. Это мы тоже учитывали. Но говорят, что там вполне можно объясниться по-немецки и по-английски.

— Это какая-то странная история.

— Дурацкая, — заявил Хаммар. — Но мне известно нечто такое, о чем в министерстве иностранных дел не знают. Он числится в нашей картотеке.

— Матссон?

— Да. В бывшем третьем отделе, в секретном хранилище.

— Контрразведка?

— Вот именно. Отдел безопасности государственной полиции. Три месяца назад они немного присматривали за Матссоном.

Раздался громкий стук в дверь, и в кабинет заглянул Колльберг. Он в изумлении вытаращил глаза на Мартина Бека.

— Что ты здесь делаешь?

— Наслаждаюсь отпуском.

— О чем же в таком случае вы тут шепчетесь? Мне уйти? Так же тихонечко и незаметно, как я пришел?

— Да, — сказал Хаммар. — Вернее, нет. Я этими тайнами уже сыт по горло. Входи и закрой за собой дверь.

Он вытащил из ящика стола толстую папку со скоросшивателем.

— Это была всего лишь обычная проверка, — сказал он, — никаких других мер не предпринимали. Однако для того, кто должен заниматься этим делом, здесь найдется кое-что интересное.

— Черт возьми, чем это вы здесь занимаетесь? — спросил Колльберг. — Вы что, стали тайными агентами?

— Если не замолчишь, придется тебя выставить отсюда, — сказал Мартин Бек. — Почему Матссоном занималась контрразведка?

— У паспортной полиции имеются свои методы. Так, например, в аэропорту Арланда они записывают имена людей, путешествующих в европейские страны, где требуются визы. А какая-то сообразительная голова заглянула в их списки и удивилась тому, что этот Матссон путешествует слишком часто. Варшава, Прага, Будапешт, София, Бухарест, Констанца, Белград. Ему часто требовался паспорт. Поэтому отдел безопасности тихонечко провел маленькое расследование. Например, они отправились в редакцию того еженедельника, где он работает, и задали там кое-какие вопросы.

— И что же в редакции ответили?

— Конечно, в редакции ответили, что все в полном порядке. Альфу Матссону часто требуется паспорт. А почему бы и нет? Это наш эксперт по вопросам Восточной Европы. Таков был результат — ничего, достойного внимания. Однако все же что-то здесь не в порядке. Возьми и прочти это сам. Можешь остаться с этой папкой у меня в кабинете, потому что я ухожу домой. А вечером я иду в кино на фильм о Джеймсе Бонде. Ведите здесь себя хорошо.

Мартин Бек открыл папку и начал читать. Дочитав первую страницу до конца, он подвинул ее к Колльбергу, тот взял лист бумаги кончиками пальцев и развернул его к себе. Мартин Бек вопросительно посмотрел на него.

— Я ужасно потею, — сказал Колльберг. — Боюсь испачкать эти их сверхсекретные документы.

Мартин Бек кивнул. Сам он потел только тогда, когда у него был насморк.

В последующие полчаса они молчали.

В общем-то картотека не содержала ничего достойного внимания, но была составлена с необычайной тщательностью. Альф Матссон родился не в Гётеборге и не в 1934 году, а в Мёльндале в 1933 году. Начинал он журналистом в провинциальной газете в 1952 году и работал репортером в разных провинциальных изданиях, пока не попал в Стокгольм в качестве спортивного журналиста в 1955 году. В этом качестве он предпринял ряд поездок за границу, среди прочих на олимпиады в Мельбурне в 1956 году и в Риме в 1960 году. Ряд его бывших шефов подтвердил, что он талантливый журналист «с быстрым и свежим пером». Из ежедневной прессы он ушел в 1961 году в еженедельник, где и работал до последнего времени. В последние четыре года специализировался, главным образом, на зарубежных репортажах с разнообразной тематикой, от политики и экономики до спорта и идолов поп-музыки. Образование среднее, бегло говорит по-английски и по-немецки, кое-как по-испански и немножко знает французский и русский. Заработная плата составляет около сорока тысяч в год. Женат дважды, первый раз в 1954 году, развод в следующем году, вторично в 1961 году. Двое детей, девочка от первого брака, мальчик от второго.

С похвальным старанием автор картотечных данных описал кое-какие теневые стороны жизни герра редактора. Несколько раз тот забывал уплатить алименты на содержание своего старшего ребенка. Первая жена характеризовала его как «пьянчугу и жестокого насильника». Замечание в скобках гласило, что свидетельница не производила впечатления человека, которому вполне можно доверять. Намеков на то, что Матссон пьет, там, впрочем, было много, и среди прочих замечание одного его бывшего коллеги, который заявил, что «он мировой парень, но когда напьется, становится неприятным». Лишь один из этих намеков удалось подтвердить документально. 6 января 1966 года полицейский патруль в Мальмё отвез его в муниципальную больницу с колотой раной в руке. Рану он получил в драке с неким Бенгтом Йёнсоном, к которому случайно зашел в гости. Этим делом занималась также криминальная полиция, однако обвинение предъявлено не было, так как Матссон не захотел писать заявление в полицию. Два полицейских, Кристианссон и Квант, заявили, что Матссона и Йёнсона задержали в пьяном виде, поэтому дело было зарегистрировано в отделе по борьбе с пьянством.

Его нынешний шеф, некий редактор Эриксон, высказывался осторожно. Матссон у них является «специалистом по восточноевропейским проблемам» (зачем еженедельнику такого калибра понадобился подобный специалист, это уже, очевидно, другое дело), и редакция не видит никаких причин, по которым она должна излагать полиции подробности о работе своего отдела репортажей. Матссон, как было написано ниже в отзыве, «очень интересуется восточноевропейскими проблемами и хорошо разбирается в них, часто проявляет инициативу и обращается с собственными предложениями, а несколько раз проявил честолюбивое желание пожертвовать своим свободным временем без требования финансового возмещения и написать репортажи, которые ему кажутся особенно интересными».

Какой-то предыдущий читатель досье тоже проявил честолюбие и последнюю фразу подчеркнул красным карандашом. Вряд ли это сделал Хаммар. Он с уважением относился к тому, что написали другие люди.

Список опубликованных статей Матссона, как оказалось, состоит почти исключительно из интервью с известными спортсменами, спортивных репортажей, заметок о кинозвездах и о самых разнообразных областях индустрии развлечений.

В досье излагались и другие факты в том же духе. Дочитав его до конца, Колльберг сказал:

— На редкость неинтересный человек.

— Если не считать одной странной подробности.

— Ты имеешь в виду то, что он исчез?

— Вот именно, — ответил Мартин Бек.

Он потянулся к телефону, набрал номер министерства иностранных дел, и Колльберг с изумлением услышал, как он говорит:

— Это Мартин? Привет, Мартин, это Мартин.

Мартин Бек долго слушал с выражением невероятного страдания на лице. Потом он сказал:

— Да, я еду.

IV

Дом был старый, без лифта. Фамилия «Матссон» значилась в списке жильцов в самом верху, и когда Мартин Бек вскарабкался по крутой лестнице на пятый этаж, он запыхался и у него колотилось сердце. Он минуту подождал и потом позвонил.

Дверь открыла маленькая светловолосая женщина с упрямым ртом. На ней были брюки и шерстяной свитер. По оценке Мартина Бека, ей было около тридцати.

— Входите, — сказала она и придержала дверь. Он узнал ее голос по телефонному разговору, который состоялся у них около часа назад. Из кухни выбежал мальчик лет двух-трех. В руке он держал недоеденный пирожок. Мальчик подошел к Мартину Беку и протянул к нему измазанную маслом пухленькую ручку.

— Привет, — сказал он.

Потом повернулся и убежал в комнату. Женщина пошла вслед за малышом и подняла его из единственного удобного кресла, куда он уже успел усесться и блаженно мурлыкал какую-то песенку. Как только она подняла его, он немедленно начал верещать; она унесла его в соседнюю комнату и закрыла дверь. Потом села на диван и закурила сигарету.

— Вы хотели спросить меня об Альфе. Что-нибудь случилось?

Мартин Бек несколько мгновений колебался, потом сел в кресло.

— Насколько нам известно, нет. Просто дело в том, что вот уже некоторое время он не дает о себе знать. Ни в редакцию, ни вам, если я хорошо вас понял. Вы случайно не знаете, где он может находиться?

— Не имею понятия. В конце концов, в том, что он не позвонил мне, нет ничего странного. В последний раз он был здесь четыре недели назад, а до этого не давал знать о себе целый месяц.

Мартин Бек посмотрел на закрытую дверь.

— А как же малыш? Он не…

— С тех пор как мы разъехались, он не проявляет слишком большого интереса к своему сыну, — с некоторой горечью сказала она. — Ежемесячно высылает нам деньги. Но разве можно требовать от человека большего, не так ли?

— Он прилично зарабатывает?

— Да. Точную сумму я вам не назову, но денег у него всегда хватает. К тому же он вовсе не скряга. Мне никогда не приходилось экономить, хотя сам он тоже тратил кучу денег. На

рестораны, автомобили и так далее. Я теперь нашла место, так что сама тоже кое-что зарабатываю.

— Как давно вы находитесь в разводе?

— Мы не разведены. Развод официально еще не оформлен. Но вот уже почти восемь месяцев, как он переехал. Нашел себе квартиру. Впрочем, раньше его тоже так часто не было дома, что особой разницы в этом нет.

— Вам, конечно, известны его привычки. Вы наверняка знаете, с кем он встречается и где обычно бывает.

— Теперь уже нет. Честно говоря, теперь я вообще не знаю, чем он занимается. Раньше он встречался, главным образом, со своими коллегами. С журналистами и так далее. Они часто захаживали в один ресторан, который называется «У кружки». Но теперь я уже не знаю. Может, он нашел что-нибудь другое. Говорят, этот ресторан недавно закрыли или он куда-то переехал.

Она смяла сигарету в пепельнице, подошла к двери и несколько секунд прислушивалась. Потом открыла дверь и вышла в соседнюю комнату. Через минуту она вернулась и так же осторожно снова прикрыла за собой дверь.

— Спит.

— Замечательный мальчуган, — сказал Мартин Бек.

— Ничего, нормальный.

Они немного помолчали, потом она сказала:

— Но ведь Альф уехал в Будапешт, чтобы подготовить какой-то репортаж. По крайней мере я где-то слышала об этом. Он не мог застрять там? Или уехать куда-нибудь в другое место?

— У него была такая привычка? Когда он выезжал в командировки?

— Да нет, — медленно сказала она. — Нет, этого он никогда не делал. Он не очень порядочный и к тому же много пьет, но к работе, по крайней мере тогда, когда мы жили вместе, относился как следует. Например, всегда сдавал рукописи точно в срок. Когда он жил здесь, то часто засиживался до глубокой ночи и писал, чтобы подготовить материал вовремя.

Она посмотрела на Мартина Бека. Впервые за время беседы он заметил в ее глазах некоторое беспокойство.

— Это странно. То, что он не дал знать о себе в редакцию. А что, если с ним в самом деле что-то случилось?

— Вы не имеете ни малейшего представления, что могло с ним приключиться?

Она покачала головой.

— Нет. Не имею понятия.

— Вы говорили, что он пьет. Много?

— Да, по крайней мере тогда. В последнее время, перед тем как переехать, он часто приходил домой пьяный. Если вообще приходил домой. В уголках ее рта снова появились горькие складки.

— А на его работу это не влияло?

— Как ни странно, нет. По крайней мере, не очень. Когда он начал работать в этом еженедельнике, ему часто давали особые задания. Репортажи и тому подобное. Но в промежутках у него было немного работы и нередко он вообще ничего не делал. В редакцию ему тоже не нужно было часто ходить. Именно поэтому он и начал пить. Иногда просиживал в ресторане по нескольку дней подряд.

— Понимаю, — сказал Мартин Бек. — Вы не могли бы назвать мне имена тех людей, с которыми он обычно встречался?

Она назвала ему имена трех журналистов. Мартин Бек не знал их и записал имена на квитанции такси, которую нашарил в кармане. Она посмотрела на него и сказала:

— Я всегда думала, что у полицейских есть такие маленькие черные блокнотики и они туда все записывают. Но так бывает, наверное, только в книжках и в кино.

Мартин Бек встал.

— Если он даст вам знать о себе, может, вы будете так любезны и позвоните мне? — сказала она.

Естественно, — ответил Мартин Бек.

В прихожей он спросил:

— Так где, вы сказали, он живет?

— На Флеминггатан. Номер тридцать четвертый. Но я этого не говорила.

— У вас есть ключ от этой квартиры?

— Ну что вы. Я вообще никогда там не была.

На куске картона, прикрепленном к двери, было написано черными чернилами: «Матссон». Замок был обычной конструкции, и Мартину Беку не составило абсолютно никакого труда справиться с ним. На коврике за дверью накопилась куча почты, состоящая из рекламных объявлений, открытки из Мадрида, которую подписала какая-то особа по имени Биббан, английского журнала для автомобилистов и счета за электричество на сумму двадцать восемь крон и двадцать пять эре.

Квартира была из двух комнат, кухни, прихожей и туалета. Ванная отсутствовала, но зато имелись два больших шкафа, встроенные в стену. Воздух был тяжелый и спертый.

В большей комнате, окна которой выходили на улицу, были постель, ночной столик, книжный шкаф, низкий круглый столик со столешницей из матового стекла, несколько кресел, письменный стол и два стула. На ночном столике стоял проигрыватель, а на полке под столиком было множество долгоиграющих пластинок. На конверте первой пластинки Мартин Бек прочел: «Блю Монк». Название ничего ему не говорило. На письменном столе лежала писчая бумага обычного формата, утренняя газета за 20 июля, квитанция такси на шесть крон и пятьдесят эре, датированная восемнадцатым июля, немецко-шведский словарь, увеличительное стекло и отпечатанный на ротаторе устав какого-то молодежного клуба. Кроме того, здесь были телефон, телефонный справочник и две пепельницы. В ящиках стола лежали старые номера газет, репортажные фотоснимки, квитанции, несколько писем и открыток, а также множество копий самых разнообразных рукописей.

В комнате с окнами во двор не было ничего, кроме узкого дивана с выцветшим красным покрывалом, стула и подставки для ног, выполняющей функции ночного столика. Занавески на окнах отсутствовали.

Мартин Бек открыл дверки двух встроенных шкафов. В одном лежал только мешок для грязного белья, а на полках — рубашки и нижнее белье, по большей части еще в пакетах из прачечной. В другом шкафу висели три твидовых пиджака, один темно-коричневый фланелевый костюм, три пары брюк и одно зимнее пальто. Три вешалки были пустые. На полу стояла пара крепких коричневых ботинок с резиновыми подошвами, одна пара легких черных туфель, одна пара сапог и еще одна пара сапог с высокими голенищами. На антресолях шкафа лежал большой чемодан, на антресолях другого шкафа было пусто.

Мартин Бек пошел в кухню. Он не увидел грязной посуды, но в сушилке стояла одна пол-литровая бутылки и два вымытых бокала. В кладовке было пусто, за исключением нескольких пустых винных бутылок и банок консервов. Мартин Бек вспомнил свою собственную кладовку, в которую он, очевидно, убрал все совершенно зря.

Он еще раз прошелся по квартире. Постель была застелена, пепельницы пусты, в ящиках письменного стола никаких ценностей не оказалось — ни паспорта, ни денег, ни сберегательных книжек, ничего. Все это вместе отнюдь не свидетельствовало о том, что Альф Матссон был дома с тех пор, как четырнадцать дней назад вышел из квартиры и уехал в Будапешт.

Мартин Бек вышел из квартиры Матссона и несколько минут ждал на безлюдной остановке такси на Флеминггатан, но, как обычно, в обеденное время не было ни одного свободного такси, и он в конце концов уехал с Санкт-Эриксгатан на трамвае.

Уже был второй час дня, когда он вошел в ресторан «У кружки». Все столики были заняты, а загнанные официантки вообще не обращали на него никакого внимания.

Метрдотеля нигде не было видно. Мартин Бек вышел из обеденного зала и направился в буфет в противоположном конце коридора. В углу у двери как раз вставал из за круглого столика какой-то толстый господин в твидовом пиджаке и складывал газету. Мартин Бек тут же сел за этот столик. Здесь тоже все столики были заняты, но некоторые посетители уже расплачивались.

Он сделал заказ и спросил метрдотеля, нет ли здесь случайно кого-либо из трех журналистов, имена которых ему удалось узнать.

— Вон там сидит герр редактор Молин, а остальных я сегодня еще не видел. Но они наверняка придут.

Мартин Бек посмотрел на стол, на который указал взглядом метрдотель, и увидел пятерых мужчин среднего возраста, которые разговаривали и выпивали.

— А кто из этих господ редактор Молин?

— Вон тот, с усами и бородой, — сказал метрдотель и ушел.

Мартин Бек озабоченно смотрел на компанию за столом. Усы и борода были у троих.

Официантка принесла ему еду и пиво, он воспользовался возможностью и спросил у нее:

— Простите, вы не знаете, кто из этих господ напротив герр редактор Молин?

— Конечно знаю. Вот тот, с усами и бородой.

Она увидела отчаяние в его взгляде и добавила:

— Тот, что у окна.

Мартин Бек ел очень медленно. Мужчина по фамилии Молин заказал еще одно пиво. Мартин Бек ждал. Заведение начало пустеть. Молин вскоре допил пиво и принялся за следующий бокал. Мартин Бек закончил есть, заказал кофе и ждал.

Наконец мужчина с усами и бородой встал со своего места у окна и направился к выходу. Когда он проходил мимо столика Мартина Бека, тот произнес:

— Герр редактор Молии?

Мужчина остановился.

— Момент, — извинился он и вышел из буфета в коридор.

Через минуту он вернулся, тяжело и сыто засопел и спросил Мартина Бека:

— Мы знакомы?

— Нет, еще нет. Но, может, вы не откажетесь немного посидеть здесь и выпить со мной пива. Я бы хотел спросить вас кое о чем.

Он сам понимал, что выразился неудачно, что от его слов за километр несло полицией. Однако это подействовало. Молин сел. У него были светлые редкие волосы, зачесанные на лысину. Усы и борода светло-рыжие, ухоженные. Он выглядел лет на тридцать пять и уже начал толстеть. Редактор помахал официантке.

— Душенька! Принеси мне один особый.

Официантка кивнула и посмотрела на Мартина Бека.

— Мне тоже, — сказал он.

Оказалось, что «особый» — это пузатый бокал, намного больше кружки, из которой Мартин Бек пил за едой.

Молин сделал большой глоток и вытер усы платком.

— Ну? — сказал он. — Так о чем вы хотели поговорить со мной? О том, что у кого-то нечиста совесть?

— Об Альфе Матссоне, — ответил Мартин Бек. — Вы ведь друзья?

Это тоже прозвучало не лучшем образом, он попытался исправиться и сказал:

— Во всяком случае, коллеги?

— Да. А что с ним? Он задолжал вам деньги?

Молин бросил подозрительный и надменный взгляд ни Мартина Бека.

— В таком случае вынужден предупредить вас, что я вовсе не банк, оплачивающий чужие долги.

По-видимому, нужно выражаться осторожнее и не забывать, что имеешь дело с журналистом, подумал Мартин Бек.

— Ну что вы, вовсе нет, — заверил он Молина.

— Так что же вам нужно от Альфа?

— Мы с Альфом знакомы уже довольно давно. Мы вместе были… когда-то мы вместе работали. И вот несколько недель назад я случайно встретил его и он обещал, что поможет мне найти место, однако с тех пор так и не дал о себе знать. Он очень хорошо отзывался о вас, поэтому я подумал, что вы, вероятно, знаете, где я мог бы найти его.

Немного устав от этого ораторского пассажа, Мартин Бек склонился над своим «особым». Молин последовал его примеру.

— Черт побери! Так ты, значит, старый коллега Альфа! Вот оно что! А я уж было начал ломать себе голову. Наверное, он все еще в Венгрии. В городе его точно нет. Он бы показался здесь.

— В Венгрии? А что он там делает?

— Поехал туда в командировку от своего журнала. Но ему уже, собственно, следовало бы вернуться. Он говорил, что едет дня на три, не больше.

— Ты с ним разговаривал перед отъездом?

— Да. Накануне вечером. Мы целый день просидели здесь, а вечером заглянули еще в парочку заведений.

— Вдвоем?

— С нами были и другие, но я уже точно не помню, кто именно. Думаю, Пелле Кронквист и Стикан Лунд, эти двое наверняка. Мы здорово надрались. Да, Оке и Пиа тоже были с нами. Знаешь Оке?

Мартин Бек подумал, что этот разговор совершенно ничего ему не дает.

Оке… Оке… не знаю. Какой Оке?

Оке Гюннарссон, — сказал Молин и повернулся к столику, за которым сидел раньше. Двое из его бывших соседей но столу воспользовались удобным случаем и исчезли. Теперь там остались только двое, оба сидели молча, каждый со своим пивом.

— Он сидит вон там, напротив, — сказал Молин. — Вон тот, с бородой и усами.

Один из компаньонов с усами и бородой ушел, так что не оставалось сомнений в том, кто из них Гюннарссон. Он выглядел вполне приятно.

— Нет, — сказал Мартин Бек. — По-моему, я его не знаю. Где он работает?

Молин назвал какой-то журнал, о котором Мартин Бек никогда в жизни не слышал, но, по-видимому, этот журнал имел какое-то отношение к автолюбителям.

— Оке — парень что надо. Помню, он в тот вечер тоже порядочно надрался. Но вообще-то он редко напивается, знает меру.

— И с тех пор ты уже больше не видел Альфа?

— Черт возьми, это самый настоящий допрос. Кстати, случайно не хочешь спросить, как я себя чувствую?

— Естественно. Как ты себя чувствуешь?

— Ужасно. Отвратительное похмелье. Нечистая совесть.

Полное лицо Молина нахмурилось. Он влил в себя одним глотком остаток из своего особого бокала, словно хотел покончить со всеми остатками радости на этом свете. Потом вытащил из кармана платок и с хмурым видом тщательно вытер усы, потому что на них остались клочья пены.

— Для усатых им следовало бы завести специальные бокалы, — пробурчал он. — Вот оно, нынешнее обслуживание, человека и в упор не видят.

Через минуту он добавил:

— Нет, с тех пор как Альф уехал, я его не видел. Помню, как в последний вечер он лил виски с содовой на одну красотку в ресторане «Операкелларен». Ну, а утром он уехал в Будапешт, бедняжка. Это не шутки, сидеть в самолете и тащиться через пол-Европы, когда у человека похмелье. Может, ему хоть чуточку повезло и он не летел в самолете авиакомпании САС.

— И с тех пор он не давал о себе знать?

— Мы не имеем привычки писать письма, когда делаем репортаж, — с достоинством ответил Молин. — А ты, собственно, чем занимаешься, где ты работаешь? В Вестнике детских садиков? Ну так как, выпьем еще по одному особому?

Спустя полчаса и после двух особых Мартину Беку удалось вырваться от герра редактора Молина, но перед этим ему пришлось одолжить тому десять крон. Уходи, он услышал за спиной голос:

— Душенька, иди-ка сюда! Принеси мне еще один особый.

V

Турбовинтовой «Ил-18», принадлежащий Чехословацким авиалиниям, круто взмыл вверх над Копенгагеном, островом Сальтхольм и серебристым Эресунном.

Мартин Бек сидел у иллюминатора и видел внизу остров Вен с холмиками, кирхой и миниатюрным портом. До того, как самолет повернул на юг, он еще успел заметить, как мимо мола проплывает буксир.

Он любил путешествовать, но на этот раз радость от путешествия совершенно заглушило раздражение из-за сорвавшегося отпуска. К тому же его жена, очевидно, не понимала, что в общем-то выбора у него не было. Он позвонил ей позавчера вечером и попытался объяснить это, однако попытка оказалась не очень удачной.

— Тебе совершенно безразличны дети и я, — сказала она.

И тут же добавила:

— Наверное, есть и другие полицейские, кроме тебя, разве не так? Почему все должен делать только ты?

Он пытался убедить ее, что предпочел бы оказаться на островке, однако она вела себя совершенно неразумно. Кроме того, несколько раз она продемонстрировала, что ей не хватает элементарной логики.

— Значит, ты едешь развлекаться в Будапешт, а я с детьми буду торчать в одиночестве на этом острове?

— Я не еду развлекаться.

— Ах, прошу тебя, прекрати!

В конце концов она с грохотом швырнула трубку, оборвав его на полуфразе. Он знал, что она постепенно успокоится, но не решился позвонить еще раз.

Теперь он находился на высоте пять тысяч метров. Он откинул спинку кресла назад, закурил, и мысли об островке и семье начали медленно падать на дно его сознания.

Пока они ждали в Шёнефельде, он выпил пива в зале для транзитных пассажиров. Обратил внимание, что пиво называется «Радебергер». Пиво оказалось прекрасным, но он подумал, что вряд ли ему представится возможность запомнить это название. Официант развлекал его берлинским произношением. Мартин Бек плохо понимал официанта и удрученно думал о том, как это будет выглядеть в Будапеште.

В проволочной корзинке у двери лежали какие-то брошюрки на немецком языке. Он наугад вытащил одну из них, чтобы ему было что читать во время ожидания. Кроме того, он чувствовал, что ему нужно освежить немецкий.

Брошюрку издал союз журналистов, и она рассказывала о концерне Шпрингера, одном из самых больших издательств газет и журналов в Западной Германии, и о его шефе, Акселе Шпрингере, который когда-то писал для Геббельса. В брошюрке приводились примеры фашистской и агрессивной политики издательства, а также имена ведущих сотрудников издательства с нацистским прошлым.

Когда объявили его рейс, Мартин Бек констатировал, что прочел уже почти всю брошюрку и что это не составило для него никакого труда. Он сунул ее в карман и пошел к самолету.

После часового пребывания в воздухе самолет снова совершил промежуточную посадку, на этот раз в Праге, городе, в котором Мартин Бек давно хотел побывать. Теперь ему пришлось довольствоваться мимолетным взглядом на множество башен, мосты и Влтаву с высоты птичьего полета. Остановка была короткой, так что он даже не успел бы доехать из аэропорта в город.

Его рыжий тезка из министерства иностранных дел принес извинения за то, что это не самый короткий маршрут в Будапешт, но Мартин Бек не возражал против промежуточных посадок, хотя на пути от Берлина до Праги не видел ничего, кроме зданий аэропортов и залов для транзитных пассажиров.

В Будапеште Мартин Бек никогда не был и, когда самолет снова взлетел, прочел несколько брошюрок, которые ему дал секретарь рыжего. Одна рассказывала о географии Венгрии, и он узнал из нее, что в Будапеште два миллиона жителей. Как он может найти Альфа Матссона, если тому вздумалось исчезнуть в таком большом городе?

Он обдумывал, что ему, собственно, известно об Альфе Матссоне. Немного, однако он решил, что в самом деле больше ничего узнать о нем не мог, потому что больше ничего и не было. Он вспомнил замечание Колльбсрга: «На редкость неинтересный человек». Почему такому человеку, как Альф Матссон, внезапно захотелось исчезнуть? В том случае, конечно, если он исчез добровольно. Какая-нибудь женщина? Трудно поверить, что ему захотелось ради чего-то подобного пожертвовать хорошо оплачиваемым местом и работой, которая ему, судя по всему, нравилась. Правда, он еще женат, но может делать все, что ему захочется. У него есть квартира, работа, деньги и друзья. В самом деле, трудно представить себе какую-нибудь разумную причину, по которой он добровольно отказывался от всего этого.

Мартин Бек вытащил копию досье, составленного в отделе безопасности. Полиция заинтересовалась Альфом Матссоном только из-за его частых поездок в страны Восточной

Европы. «За железный занавес», как сказал рыжий. В конце концов, он был журналистом и, если ему нравится делать репортажи о странах Восточной Европы, в этом нет ничего странного. Но даже если у него и было что-то на совести, почему ему понадобилось немедленно исчезнуть? Отдел безопасности изучил все это дело и положил его в архив. «Еще одно дело Валленберга», — сказал человек в министерстве иностранных дел и, несомненно, имел в виду: «Его ликвидировали коммунисты». «Он слишком часто ходит смотреть фильмы о Джеймсе Бонде», — сказал бы Колльберг, если бы присутствовал при этом.

Мартин Бек сложил копию и положил ее в портфель. Он посмотрел в иллюминатор. Уже совсем стемнело, но было ясно, светили звезды, а далеко внизу под ними виднелись огоньки деревень и хуторов, а также жемчужные нитки уличного освещения в городах.

Возможно, Матссон где-то пьянствует и чихать хотел на газеты и все остальное, а когда протрезвеет, окажется на мели, будет каяться и, вероятно, даст о себе знать. Однако это тоже было не очень правдоподобно. Да, верно, иногда он напивается, но никогда не доводит себя до такого состояния, чтобы не соображать, что делает, и никогда не забывает о своей работе.

Возможно, он совершил самоубийство или с ним случилось какое-то несчастье; может, он упал в Дунай и утонул или на него напал грабитель и убийца. Можно ли считаться с такой возможностью? Вряд ли. Мартин Бек вспомнил, как где-то прочел, что уровень преступности в Будапеште ниже, чем в любом другом большом городе мира.

Возможно, он сейчас сидит в гостиничном ресторане и преспокойно ужинает, а Мартин Бек сможет следующим рейсом вернуться домой и продолжить отпуск.

Загорелась надпись на английском и русском языках: «Не курить. Пожалуйста пристегните ремни».

Когда самолет произвел посадку, Мартин Бек взял портфель и направился к находящемуся неподалеку зданию аэропорта. Воздух был влажный и теплый, несмотря на поздний вечер.

Ему довольно долго пришлось ждать свой единственный чемодан, но паспортные и таможенные формальности были улажены в мгновение ока. Он пересек огромный зал с рядами магазинов по обе стороны и вышел на ступеньки перед зданием. Похоже было, что аэропорт находится довольно далеко от города. Мартин Бек нигде не видел никаких огней, кроме огней аэропорта. Пока он стоял перед зданием и оглядывался по сторонам, две пожилые дамы завладели одним-единственным такси на стоянке у входа.

Прошло довольно много времени, прежде чем появилось еще одно такси, и когда они проезжали через пригород мимо темных фабричных зданий, Мартин Бек почувствовал, что он проголодался. О гостинице, где ему предстояло жить, он не знал ничего, кроме того, что там жил Альф Матссон до того, как исчез, однако надеялся, что ему удастся там перекусить.

Автомобиль, судя по всему, уже въезжал в центральную часть города. Они ехали по широким улицам и пересекали большие открытые площади. Людей было мало, улицы по большей части были пустынными и очень темными. Некоторое время они ехали по широкому проспекту с освещенными витринами магазинов, а потом снова оказались на узких и темных улочках. Мартин Бек не имел понятия, в какой части города он находится, но все это время видел реку.

Автомобиль остановился перед освещенным входом в гостиницу. Мартин Бек подался вперед и посмотрел на таксометр, потом расплатился. Казалось, что это очень дорого, больше сотни в венгерской валюте. Он забыл, какое соотношение между форинтом и шведской кроной, но подумал, что довольно большое.

Пожилой мужчина с седыми усами и в зеленой униформе открыл дверцу такси и взял чемодан. Мартин Бек двинулся вслед за ним к вращающейся двери. Вестибюль был большой и высокий. Бюро регистрации находилось в левом углу, по диагонали. Ночной портье говорил

по-английски. Мартин Бек дал ему паспорт и спросил, где здесь можно поужинать. Портье показал на застекленную дверь в тыльной части вестибюля и сказал, что ресторан открыт до двенадцати часов. Потом дал ключ от номера ожидающему лифтеру, тот взял чемодан Мартина Бека и направился впереди него к лифту. Медленно и с громким скрипом лифт поднялся на второй этаж. Лифтер был такой же старый, как и лифт, если не старше, и Мартин Бек безуспешно попытался отобрать у него свой чемодан. Они шли по длиннющему коридору и дважды повернули налево. Старик отпер огромную двустворчатую дверь и поставил чемодан внутрь.

Номер был очень большой. До потолка как минимум четыре метра. Здесь стояла темная тяжелая мебель из красного дерева. Ванная была просторная, с огромными старомодными кранами и переносным душем.

На высоких окнах, изнутри снабженных жалюзи, висели тяжелые белые кружевные занавески. Мартин Бек открыл жалюзи на одном из окон и посмотрел наружу. Прямо под ним светил желто-зеленым светом газоразрядный уличный фонарь. Далеко впереди он видел какие-то огни, но только спустя несколько секунд понял, что между ним и огоньками течет река.

Он открыл окно и выглянул наружу. Внизу, перед каменной балюстрадой с цветочными горшками, стояли столики и стулья. Из ресторана падала полоса света на уличное кафе, и он слышал, как оркестр играет какой-то вальс Штрауса. Между рекой и гостиницей тянулась аллея с газоразрядными фонарями и трамвайными рельсами, а за аллеей находилась широкая набережная со скамейками и большими цветочными вазами. Через реку были переброшены два моста, один слева и один справа.

Он оставил окно открытым и пошел вниз поесть. Открыл застекленную дверь в вестибюле и вошел в салон. Глубокие кресла, низкие столики, а вдоль одной стены сплошной ряд зеркал. Несколько ступенек вели в ресторан; где-то в дальнем конце располагался оркестр, который он слышал из своего номера на втором этаже.

Зал ресторана был огромен. Два тяжелых массивных столба из красного дерева подпирали балкон, который с трех сторон тянулся вдоль стен где-то высоко под потолком. У двери стояли три официанта в красно-коричневых пиджаках с черными лацканами. Все они начали кланяться и здороваться, а четвертый официант уже мчался к нему и подвел его к столику у окна и недалеко от оркестра.

Мартин Бек долго смотрел в меню, прежде чем обнаружил листок с текстом по-немецки, и начал читать. Через некоторое время седоватый официант с ласковым лицом боксера наклонился к нему и сказал:

— Вери гут фишзупе, джентльмен.

Мартин Бек сразу решил, что уху он закажет.

— Палинки? — спросил официант.

— Что это? — сказал Мартин Бек по-немецки, а потом по-английски.

— Вери гут аперитиф, — объяснил официант.

Мартин Бек выпил аперитив.

— Палинка, — объяснил официант, — это венгерская абрикосовая водка.

Он съел уху, красную, очень наперченную, в самом деле чудесную.

Потом съел телячью отбивную с острым перечным соусом и картофелем и выпил чешского пива.

Выпив очень крепкий кофе и еще палинки, он почувствовал себя очень сонным и направился прямиком к себе в помер.

Он закрыл окно и жалюзи и забрался в постель. Она скрипела. Ему казалось, что она скрипит приветливо, и он мгновенно уснул.

VI

Мартина Бека разбудил хриплый протяжный трубный звук. Он беспомощно глядел по сторонам и пытался сориентироваться в полутьме, а звук тем временем дважды повторился. Мартин Бек перевернулся на бок и взял с ночного столика свои часы. Было уже без десяти минут девять. Огромная постель приветливо скрипела. Возможно, подумал он, так же величественно она когда-то скрипела под Конрадом фон Гётцендорфом.[2] Сквозь высокие жалюзи внутрь пытался проникнуть дневной свет. В номере было уже довольно жарко.

Он встал, пошел в ванную и долго откашливался, как всегда по утрам. Выпил минеральной воды, надел халат, открыл жалюзи и окно. Контраст между полутьмой в номере и ярким ослепительным солнечным светом снаружи был поразительным. Так же как и вид из окна.

Перед ним спокойно и тихо с севера на юг тек Дунай, вовсе не голубой, но зато широкий, могучий и, несомненно, очень красивый. На противоположном берегу реки возвышались два холма с закругленными вершинами, на которых стояли статуя и замок, обнесенный крепостной стеной. Городская застройка карабкалась вверх по пологим склонам холмов очень нерешительно, однако вдали синели другие склоны, усеянные домиками. Так, значит, это и есть та самая знаменитая Буда; теперь он действительно находится почти в самом сердце среднеевропейской культуры. Мартин Бек окидывал взглядом панораму и рассеянно слушал, как вокруг него шумит своими крыльями история. Здесь заложили римляне могучую крепость Аквинкум, отсюда стреляла артиллерия Габсбургов по Пешту во время освободительной революции в 1849 году. Здесь весной 1945 года целый месяц оборонялись фашисты Салаши и эсэсовские части группенфюрера Пфеффер-Вильденбруха с бессмысленным, катастрофическим героизмом, о котором старые фашисты — Мартин Бек иногда встречал их в Швеции — вспоминали с огромной гордостью.

Прямо под ним стоял на якоре у набережной белый колесный пароход. Красно-сине-белый чехословацкий флаг висел в безветренной духоте, а на палубе лежали в шезлонгах туристы и загорали. Он увидел нечто такое, что привело его в волнение. Это был югославский колесный буксир, медленно идущий против течения. Он был большой и старый, с двумя косыми асимметричными трубами, и тащил за собой шесть доверху нагруженных барж. На последней барже между рулевой рубкой и грузовой лебедкой была натянута веревка. Молодая женщина в голубой спецовке и с платком на голове спокойно вынимала белье из корзины, тщательно развешивала его на веревке и совершенно не обращала внимания на красоту на обоих берегах. Слева возвышалась элегантная и легкая длинная арка моста. Казалось, она ведет прямо к холму со статуей стройной бронзовой женщины с пальмовыми листьями над головой. На мосту было полно автомобилей, трамваев и пешеходов. Справа, в северном направлении, буксир уже подошел к другому мосту и снова трижды хрипло протрубил, чтобы предупредить о том, сколько барж он тащит, наклонил обе трубы, одну вперед, другую назад, и проскользнул под низкой мостовой аркой. Прямо под окнами поворачивал к берегу маленький пароходик, пятьдесят метров он шел боком по течению и закончил маневр идеальной швартовкой у понтона. Из пароходика выплеснулось невероятное множество народу, и такое же множество тут же поднялось на борт.

Воздух был сухой и теплый. Солнце уже стояло высоко. Мартин Бек выглянул из окна, несколько минут переводил взгляд с севера на юг и обратно и вспоминал, что он прочел о городе в брошюрке, которую изучал в самолете.

«Будапешт — главный город Венгерской народной республики. Официальной датой основания города является 1872 год, когда объединились города Буда, Пешт и Обуда, однако археологи обнаружили здесь поселение, которому несколько тысяч лет. На месте современного Будапешта находился также главный город римской провинции Паннония Аквинкум. Сейчас в городе почти два миллиона жителей, и он разделен на двадцать три района».

Несомненно, большой город. Мартин Бек вспомнил ставшее почти классическим замечание легендарного Густава Лидберга, когда он причалил в Нью-Йорке в 1899 году в погоне за фальшивомонетчиком Скогом: «В этом муравейнике находится господин Кто, адрес Где?»

Ну, Нью-Йорк теперь уже гораздо больше этого города; впрочем, с другой стороны, шеф тайной полиции располагал неограниченным временем. А у него в распоряжении всего одна неделя.

Мартин Бек оставил в покое историю и пошел принять душ. Потом он надел светло-серые териленовые[3] брюки, летнюю рубашку навыпуск и сандалеты. Он критически изучал этот отнюдь не официальный костюм в зеркале на дверце огромного шкафа, когда дверцы из красного дерева ни с того ни с сего с ужасным скрипом медленно и угрожающе открылись, как в каком-нибудь старом фильме Арне Матссона. У него еще громко билось сердце, когда коротко и яростно зазвонил телефон.

— Тут один господин хочет поговорить с вами. Он ждет внизу в салоне. Это господин из Швеции.

— Это мистер Матссон?

— Конечно, — мило ответила девушка из бюро приема.

Естественно, это он, думал Мартин Бек, когда шел вниз по лестнице. Что ж, это будет достойное завершение странной истории.

Это был не Альф Матссон, а какой-то молодой человек из посольства, одетый исключительно корректно: темный костюм, черные полуботинки, белая рубашка и светло-серый галстук. Он скользнул взглядом по Мартину Беку. На мгновение в его глазах промелькнуло удивление, но, действительно, всего лишь промелькнуло.

— Вы, конечно, понимаете, что нам сообщили о характере вашего задания. Вероятно, нам нужно поговорить об этом деле.

Они уселись в салоне и начали разговаривать об этом деле.

— Здесь есть гостиницы получше этой, — сказал молодой человек из посольства.

— В самом деле?

— Да, более современные. Более изысканные. С бассейном.

— Гм.

— Это ночное заведение тоже не представляет собой ничего особенного.

— Гм.

— Если же говорить об этом… об Альфе Матссоне… Молодой человек понизил голос и оглядел салон, где было совершенно пустынно, если не считать какого-то африканца, дремлющего в дальнем углу.

— Он дал знать вам о себе?

— Нет, вовсе нет. Нам наверняка известно только то, что двадцать второго вечером он прошел паспортный контроль в Ферихедь, это будапештский аэропорт. Ночь он провел в одной молодежной гостинице на противоположном берегу реки в Буде, она называется «Ифьюшаг»[4]. Утром он переехал сюда. Через полчаса ушел и унес с собой ключ от номера. С тех пор его никто не видел.

— Что говорит полиция?

— Ничего.

— Ничего?

— Она не проявляет интереса к этому делу. С формальной точки зрения их позиция понятна. У Матссона была виза, и он зарегистрировался в гостинице. У полиции нет

оснований заниматься им до его отъезда, если он, конечно, не превысит разрешенный срок пребывания в стране.

— Уехать из Венгрии он не мог?

— Совершенно исключено. Даже если бы ему удалось пересечь границу нелегально — куда бы он поехал? Без паспорта? Кроме того, мы запросили наши посольства в Праге, Белграде, Бухаресте и Вене. И даже, на всякий случай, в Москве. Нигде ничего не знают.

— Его шеф утверждал, что цель поездки — интервью с боксером Ласло Паппом и визит в будапештский еврейский музей.

— Его не было ни там, ни там. Мы незаметно провели небольшое расследование. Он написал письмо директору музея доктору Шошу, однако не навестил его. Мы также разговаривали с матерью Паппа. Она никогда в жизни не слышала фамилии Матссон, и к тому же Паппа вообще нет в Будапеште.

— Багаж по-прежнему находится у него в номере?

— Его вещи все еще в гостинице. Однако они не в номере. Он заказал номер на три ночи. Администрация гостиницы по нашей просьбе придерживала номер, но потом багаж вынесли в канцелярию. Это напротив бюро регистрации. Он даже не распаковал багаж. Счет мы оплатили.

Он немного помолчал, словно о чем-то размышлял. Потом со смертельно серьезным видом сказал:

— Мы, естественно, будем требовать частичной компенсации у работодателя.

— Либо у наследников умершего, — сказал Мартин Бек.

— Да, если бы оказалось, что дело зашло так далеко.

— Где его паспорт?

— У меня, — сказал молодой человек из посольства. Он расстегнул молнию «дипломата», достал паспорт, дал его Мартину Беку и вынул авторучку из нагрудного кармана.

— Пожалуйста. Будьте добры, подтвердите, что вы взяли паспорт.

Мартин Бек расписался. Молодой человек взял у него квитанцию и авторучку.

— Так значит, с этим все. Что же еще? Ах да, гостиничный счет. Пусть это вас не волнует. Мы получили распоряжение возместить вам все затраты. Это несколько неортодоксально, по моему мнению. Вы будете получать суточные согласно инструкции. Ну, а если вам понадобятся наличные, вы сможете получить их по первому требованию в нашем консульском отделе.

— Благодарю.

— Ну, теперь все. Вы можете осмотреть его вещи. Я отдал необходимые распоряжения.

Молодой человек встал.

— Кстати, вы живете в номере Матссона, — как бы между прочим заметил он. — Сто пятый, да? Если бы мы не настояли на том, чтобы придержать номер на имя Матссона, вам пришлось бы жить где-нибудь в другом месте. Сейчас пик туристического сезона.

Перед тем как расстаться, Мартин Бек спросил:

— А какое у вас личное мнение об этом деле? Куда он подевался?

Молодой человек из посольства посмотрел на него ничего не выражающим взглядом.

— Каким бы ни было мое личное мнение, я предпочитаю держать его при себе. И через секунду добавил:

— Это очень неприятно.

Мартин Бек вернулся в номер. Там уже сделали уборку. Он огляделся. Так, значит, Альф Матссон жил здесь. Максимум один час. Вряд ли можно ожидать, что за такое короткое время он оставил после себя какие-то следы.

Чем занимался Альф Матссон в течение этого часа? Стоял так, как стоит сейчас он, и смотрел на суда? Возможно. Заметил что-то или кого-то и ушел из гостиницы настолько быстро, что даже забыл положить ключ на стойку в бюро регистрации? Не исключено. Но что же это могло быть? Это уже невозможно выяснить. Если бы на улице на него наехала машина, кто-нибудь тут же сообщил бы об этом. Если бы он решил броситься в реку, ему пришлось бы подождать, пока стемнеет. Если бы он попытался вылечиться от похмелья с помощью абрикосовки и снова упился бы до чертиков, до сегодняшнего дня у него было шестнадцать суток для того, чтобы протрезветь. Этого вполне должно было хватить. Кроме того, он не имел привычки пить, когда работал. Он журналист современного типа, как написано в одном месте в досье отдела безопасности, шустрый, сообразительный и ловкий. Это тот тип, который вначале заканчивает работу и только потом позволяет себе отключиться.

Неприятно. Очень неприятно. В высшей степени неприятно. Чертовски неприятно. Дьявольски неприятно. И даже досадно.

Мартин Бек прилег на постель. Она с достоинством заскрипела. Так на чем он оборвал свою мысль? На Конраде фон Гётцендорфе! Она скрипела под Альфом Матссоном? Очевидно, да. Разве есть человек, который приходит в гостиничный номер и сразу же не попробует постель? Значит, Матссон лежал здесь и смотрел в высокий потолок. Потом ушел, даже не распаковав багаж и не сдав ключ. Исчез. Зазвонил телефон? Он получил какую-то неожиданную записку?

Мартин Бек разложил перед собой план Будапешта, а затем долго и тщательно изучал его. В нем окрепло желание что-нибудь предпринять. Он встал, засунул план и паспорт в задний карман брюк и отправился поглядеть на багаж.

Портье был пожилой толстяк, приятный, почтенный и исключительно корректный.

Нет, мистеру Матссону никто не звонил, когда мистер Матссон был в гостинице. Позднее, когда мистер Матссон уже ушел, ему несколько раз звонили. Это повторялось и в последующие несколько дней. Одна ли и та же особа звонила? Нет, напротив, разные особы, в этом персонал уверен. Мужчины? Мужчины и женщины, по крайней мере одна женщина точно. Просили ли они оставить какие-нибудь записки или какие-нибудь телефонные номера? Нет, никаких записок никто оставить не просил. Позднее звонили из Стокгольма и шведского посольства. Да, эти господа действительно просили оставить записки и номера телефонов. Они еще здесь. Желает ли мистер Бек видеть их? Нет, мистер Бек не желает их видеть.

Багаж в самом деле находился в канцелярии за стойкой портье. Он был довольно компактный: переносная пишущая машинка марки «Эрика» и желто-коричневый чемодан из свиной кожи, с ремешком. В футлярчик на ручке была вставлена визитная карточка: «Альф Матссон, журналист, Флеминггатан, 34, Стокгольм». Ключ находился в замке.

Мартин Бек вынул машинку из чемоданчика и долго се осматривал. Он пришел к выводу, что это переносная пишущая машинка марки «Эрика», и занялся чемоданом.

Чемодан был тщательно и аккуратно уложен, но тем не менее у Мартина Бека появилось ощущение, что кто-то умелой рукой уже изучил содержимое багажа и потом положил все точно на место. Содержимое состояло из одной клетчатой рубашки, одной коричневой рубашки, носимой навыпуск, одной белой поплиновой рубашки, одной пары отутюженных синих брюк, одного галстука того же цвета, трех носовых платков, четырех пар носков, двух комплектов цветного нижнего белья, одной сетчатой майки и одной пары светлых замшевых мокасин. Все чистое и нетронутое. Кроме того, маленькая сумочка с туалетными принадлежностями, пачка бумаги формата А4, лента для пишущей машинки, электрическая

бритва, одна книга и один синий кошелек из пластмассы, из тех, что бюро путешествий раздают бесплатно и в которые никогда не удается засунуть билет на самолет. В сумочке с туалетными принадлежностями были лосьон после бритья, присыпка, нераспечатанное мыло, начатый тюбик зубной пасты, зубная щетка и коробочка с порошками против головной боли. В синем кошельке из пластмассы находились пятьсот долларов и шестьсот шведских крон в сотенных банкнотах. Странный переносной сейф, но Альф Матссон привык жить, ни в чем себе не отказывая.

Мартин Бек тщательно уложил все на место и вернулся в бюро регистрации. Уже двенадцать часов, самое время выйти на свежий воздух. Учитывая то, что он вообще не знал, что должен делать, он мог с таким же успехом заниматься этим на свежем воздухе, например, на солнечной набережной. Он вытащил из кармана ключ от номера и посмотрел на него. Ключ выглядел так же солидно и достойно, как и вся гостиница. Мартин Бек положил ключ на стойку. Портье тут же протянул к ключу руку.

— Это запасной ключ, да?

— Простите, не понимаю, — сказал портье.

— Я имел в виду, что мой предшественник унес ключ с собой.

— Да, верно. Однако на следующий день нам вернули его.

— Вернули? Кто?

— Полиция, сэр.

— Полиция? Какая полиция?

Портье непонимающе пожал плечами.

— Естественно, обычная полиция. Кто же еще? Попросту пришел полицейский и отдал ключ швейцару. Очевидно, мистер Матссон где-то потерял его.

— Где?

— К сожалению, не знаю, сэр.

Мартин Бек задал ему еще один вопрос.

— Багаж мистера Матссона кто-нибудь уже осматривал до меня?

Портье на мгновение заколебался, прежде чем ответить.

— Думаю, нет, сэр.

Мартин Бек вышел через вращающуюся дверь. Швейцар в ливрее и с седыми усами стоял в тени навеса над входом абсолютно неподвижно, заложив руки за спину, словно, какой-нибудь живой памятник Эмиля Яннингса.[5]

— Вы не помните, как четырнадцать дней назад полицейский отдал вам ключ от гостиничного номера?

Старик вопросительно посмотрел на него.

— Конечно помню.

— Это был полицейский в форме?

— Да, конечно. Перед гостиницей остановился патрульный автомобиль, один из полицейских вышел из машины и отдал ключ мне.

— Что он сказал?

Старик на минутку задумался.

— Он сказал лишь: «Бюро находок». По-моему, больше ничего он не сказал.

Мартин Бек повернулся, сделал три шага и вернулся, потому что вспомнил, что не дал чаевые. Он положил на ладонь старику несколько непривычно легких монет. Швейцар взял правой рукой под козырек и сказал:

— Премного благодарен, но это вовсе не обязательно.

— Вы прекрасно говорите по-немецки, — сказал Мартин Бек.

И подумал: «Решительно намного лучше, чем я».

— Я выучил немецкий язык на фронте, на Изонцо[6] в шестнадцатом году.

Мартин Бек пересек улицу, достал план города и посмотрел на него. Потом направился, все еще с картой-схемой в руке, к набережной. Против течения медленно плыл белый колесный пароход с двумя трубами. Мартин Бек посмотрел на него без всякого интереса.

Что-то здесь явно было не в порядке. Что-то здесь наверняка было не так. Однако он не мог понять, что именно.

VII

Было воскресенье, и стояла страшная жара. Над холмами дрожала легкая дымка. На набережной было полно людей, они прогуливались взад-вперед или сидели на ступеньках у воды и загорали. На маленьких пароходиках и катерах, которые обеспечивали регулярное сообщение на реке, толпились по-летнему одетые люди, направляющиеся на пляж или за город. У причала ждали длинные очереди.

Мартин Бек забыл, что сегодня воскресенье, и толпы людей его до некоторой степени напугали. Он влился в прогуливающуюся по набережной вдоль реки толпу и наблюдал за оживленным движением на воде. Сперва он думал начать день с прогулки на остров Маргит, но теперь отказался от этого замысла, так как сообразил, что в такое воскресенье там будет полно народу.

Давка начала раздражать его, а вид спокойных воскресных обывателей пробудил в нем желание действовать. Надо заглянуть в гостиницу, где Альф Матссон провел свою первую и, возможно, единственную ночь в Будапеште. Молодежная гостиница в Буде на противоположном берегу реки, сказал молодой человек из посольства.

Мартин Бек протолкался сквозь толпу и вышел на улицу у набережной. Он встал в тени жилого дома и принялся изучать план города. Изучал он его долго, однако никакой гостиницы «Ифьюшаг» не нашел. Он сунул план в карман и зашагал в направлении моста, ведущего через остров в Буду. Огляделся в поисках полицейского, однако ему не удалось обнаружить ни одного. У моста на остановке такси стоял единственный автомобиль. Судя по всему, он был свободен.

Шофер говорил только по-венгерски и не понимал ни слова, пока Мартин Бек не показал ему листок с названием гостиницы.

Они проехали по мосту — между деревьев на зеленом острове Мартин Бек увидел высокий фонтан — продолжили путь по какому-то проспекту с множеством магазинов, потом попетляли по узким крутым улочкам и выехали на площадь со сквериком и модернистской бронзовой скульптурой, изображающей мужчину и женщину, которые сидели и смотрели друг на друга.

Здесь автомобиль остановился, и Мартин Бек расплатился, причем дал, очевидно, слишком много, потому что шофер принялся горячо благодарить на своем непонятном языке.

Гостиница была низкая и тянулась вдоль одной стороны площади, представляющей собой, собственно, расширенную улицу со сквериком и автостоянкой. По сравнению с остальными домами на площади гостиница выглядела совершенно новой. У нее была современная архитектура, а фасад украшали ряды балконов. Ко входу в гостиницу вела широкая и низкая лестница.

За стеклянной дверью находился светлый и просторный вестибюль. Мартин Бек увидел закрытый сувенирный киоск, несколько столиков с удобными креслами вокруг них, дверь лифта и стойку портье. За стойкой никого не было, да и во всем вестибюле было пустынно.

Из вестибюля дверь вела в большой салон с диванчиками и столиками и большими окнами в дальней стене. Там тоже никого не было.

Мартин Бек подошел к ближнему большому окну в салоне и посмотрел наружу. На газоне загорало несколько молодых людей в купальных костюмах.

Гостиница стояла на холме, и из нее открывался вид на Пешт. Дома на склоне между гостиницей и рекой были старые и полуразвалившиеся.

Он снова выглянул в вестибюль, который по-прежнему зиял пустотой, и уселся в кресло в салоне. От визита в «Ифьюшаг» он много не ожидал. Альф Матссон жил здесь одну-единственную ночь. Летом в гостиницах туго с местами, и по чистой случайности именно в этой гостинице оказался свободный номер. Вряд ли кто-то запомнил гостя, который появился поздно вечером, а на следующее утро съехал — в самый разгар сезона.

Он погасил свою последнюю сигарету и удрученно посмотрел на загорающих молодых людей на газоне. Ему внезапно показалось совершеннейшей глупостью то, что пришлось лететь в Будапешт и разыскивать какого-то человека, который ему абсолютно безразличен. Он не мог вспомнить, было ли у него вообще когда-нибудь настолько безнадежное и бессмысленное задание.

В вестибюле раздались шаги. Мартин Бек встал и вышел в вестибюль. За стойкой стоял молодой человек с телефонной трубкой в руке. Он глядел в потолок, слушал и при этом грыз ноготь. Потом начал говорить, и Мартин Бек вначале решил, что он говорит по-фински, но тут же вспомнил, что финский и венгерский родственные языки.

Молодой человек положил трубку и вопросительно посмотрел на Мартина Бека, который колебался и никак не мог решить, на каком языке, собственно, начать говорить с ним.

— Чем могу быть вам полезен? — спросил молодой человек, и Мартин Бек с облегчением вздохнул, когда услышал, что он прекрасно говорит по-английски.

— Меня интересует гость, который жил у вас в гостинице одну ночь, с двадцать второго на двадцать третье июля. Вы случайно не знаете, кто тогда дежурил в ночную смену?

Портье посмотрел на настенный календарь.

— Не помню, — медленно сказал он, — ведь уже прошло четырнадцать дней. Момент, я посмотрю.

Он с минуту покопался в полочке за стойкой, нашел маленькую черную книжечку и перелистал ее. Потом сказал:

— Оказывается, это я тогда дежурил. Да, в ночь с пятницы на субботу. А кто это? Он жил здесь только одну ночь?

— Насколько мне известно, да, — сказал Мартин Бек. — Впрочем, возможно, он жил здесь и после этого, позднее. Это шведский журналист, его зовут Альф Матссон.

Молодой человек уставился в потолок и принялся грызть ноготь. Потом покачал головой.

— Нет, никакого шведа я не помню. У нас здесь мало шведов. Как он выглядел?

Мартин Бек показал ему паспортную фотографию Альфа Матссона. Молодой человек несколько секунд смотрел на нее и потом беспомощно развел руками.

— Я в самом деле не знаю. Возможно, я видел его. Но я действительно не помню.

— У вас есть какая-нибудь регистрационная книга? Какой-нибудь список гостей?

Молодой человек выдвинул ящик с картотекой и принялся перебирать карточки. Мартин Бек ждал. Ему хотелось курить, он пошарил в карманах, но сигарет там, конечно, не было.

— Нашел, — объявил портье и вытащил из ящика карточку. — Альф Матссон, Швеция. Действительно, он жил здесь одну ночь с двадцать второго на двадцать третье, так, как вы и говорили.

— И с тех пор он здесь не был?

— Нет, не был. Но он жил здесь также несколько дней в конце мая. Меня здесь тогда еще не было, я в это время как раз сдавал экзамены.

— А кто работал в тот раз?

Молодой человек задумался. Потом сказал:

— Думаю, Штефи. Или тот, который был здесь до меня, не помню, как его зовут.

— Штефи, — сказал Мартин Бек. — А он здесь еще работает?

— Она, — поправил его молодой человек. — Это девушка, Стефания. Мы подменяем друг друга.

— А когда она придет?

— Она наверняка где-то здесь. Думаю, у себя в номере. Она живет здесь, в гостинице. На этой неделе она работает в ночную смену и сейчас, наверное, спит.

— Я могу заглянуть туда? — спросил Мартин Бек. — Если она не спит, я бы хотел поговорить с ней.

Молодой человек взял трубку и набрал короткий номер. Через минуту положил трубку.

— Она не подходит.

Он поднял барьерчик в стойке и вышел из-за нее.

— Я гляну, у себя ли она, — сказал он. — Момент.

Он вошел в лифт, и Мартин Бек определил по светящемуся табло, что лифт остановился на втором этаже.

Через минуту портье вернулся.

— Ее соседка по номеру сказала, что она загорает во дворе. Подождите, я схожу за ней.

Он исчез в салоне и вскоре вернулся с молоденькой пухленькой девушкой маленького роста. На ногах у нее были босоножки, а поверх бикини клетчатое хлопчатобумажное платье-халат, которое она застегивала на ходу.

— Не сердитесь, что я вас потревожил, — сказал Мартин Бек.

— Ничего, — ответила девушка, которую звали Штефи. — Чем я могу быть вам полезна?

Мартин Бек спросил, была ли она в гостинице в соответствующие дни в конце мая. Она прошла за стойку, заглянула в черную книжку и кивнула.

— Да, — сказала она, — причем только в эти дни.

Мартин Бек показал ей паспорт Альфа Матссона.

— Швед? — спросила она, внимательно глядя на фотографию.

— Да, — ответил Марин Бек. — Журналист.

Он смотрел на нее и ждал. Она наклонила голову набок и изучала фотографию.

— Да-а, — медленно и задумчиво сказала она. — Да, мне кажется, я его помню. Вначале он получил на себя одного трехместный номер, но потом приехала советская группа, мне понадобился номер и пришлось его переселить. Он ужасно разозлился из-за того, что в том номере, который я дала ему, нет телефона. Дело в том, что у нас здесь телефоны имеются не во всех номерах. Он поднял такой шум из-за этого телефона, что мне пришлось устроить ему обмен номерами с одним из гостей, которому телефон не был нужен.

Она закрыла паспорт и положила его на стойку.

— Конечно, если это был он, — добавила она. — Тут не очень хорошая фотография.

— Вы не помните, к нему кто-нибудь приходил? — спросил Мартин Бек.

— Нет, — ответила она. — Кажется, нет. По крайней мере, насколько я помню.

— Он часто звонил по телефону? А может, ему кто-то звонил, не помните?

— По-моему, он несколько раз звонил какой-то женщине, но я в этом не уверена.

Мартин Бек на минуту задумался. Потом сказал:

— Может, вы еще что-нибудь помните?

Девушка покачала головой.

— По-моему, у него была пишущая машинка. Еще я припоминаю, что он был хорошо одет. Кроме этого, ничего особенного мне не запомнилось.

Мартин Бек положил паспорт в карман и вспомнил, что у него кончились сигареты.

— У вас здесь можно купить сигареты? — спросил он.

Девушка наклонилась и заглянула в какой-то ящик.

— Можно. — Она подняла голову. — Но у нас только венгерские.

— Подходит, — сказал Мартин Бек и получил серую мягкую пачку, на которой была изображена какая-то фабрика с высокими трубами. Он расплатился купюрой и не взял сдачу. Потом придвинул к себе по стойке шариковую авторучку и блокнотик и написал на верхнем листке свое имя и название гостиницы, где он остановился. Вырвал листок из блокнота и подал его Штефи.

— Если еще что-нибудь вспомните, может, вы будете столь любезны и позвоните мне?

Штефи взглянула на листок и нахмурила брови.

— Знаете, когда вы записывали адрес в этом блокнотике, я кое-что вспомнила, — сказала она. — По-моему, этот швед спрашивал, как ему попасть по одному адресу в Уйпеште. Впрочем, возможно, это был не обязательно он, я в этом не очень уверена. Может, это был кто-то другой. Я начертила ему что-то вроде небольшого плана.

Она замолчала. Мартин Бек терпеливо ждал.

— Я помню улицу, о которой он спрашивал, но номер дома уже забыла. У меня на этой улице живет тетя, поэтому я запомнила.

Мартин Бек придвинул к ней блокнот.

— Вы не могли бы написать название этой улицы?

Выйдя из гостиницы, Мартин Бек посмотрел на листок, вырванный из блокнота.

Venetianer ut.

Он засунул листок в карман, закурил сигарету и медленно направился вниз к реке.

VIII

В понедельник, восьмого августа, Мартина Бека разбудил утром телефонный звонок. Он спросонок оперся на локоть и несколько секунд шарил рукой в поисках трубки. Он услышал, как телефонистка что-то говорит, что именно, он не понял, а потом хорошо знакомый голос сказал:

— Да. Алло?

Мартин Бек так изумился, что забыл ответить.

— Алло, есть там кто-нибудь?

Колльберга было слышно так отчетливо, словно он находился в соседнем номере.

— Где ты?

— В кабинете, где же еще. У нас сейчас четверть десятого. Не говори мне, что ты еще валяешься в постели.

— Какая там у вас пого…

Мартин Бек осекся, сообразив, насколько глуп его вопрос.

— Идет дождь, — доверительно сказал Колльберг, — но я звоню не для того, чтобы сообщить тебе об этом. С тобой ничего не случилось?

Мартину Беку удалось сесть на спинку кровати и закурить непривычную венгерскую сигарету из серой пачки с изображением фабрики.

— Нет, нет. А в чем дело?

— Я тут немножко кое-что разузнал. Послушай, этот твой Матссон — та еще штучка.

— Как это?

— Ну, у меня создалось такое впечатление. Порядочный негодяй, по крайней мере, мне так кажется.

— И ты звонишь для того, чтобы сообщить мне об этом?

— Не совсем так. Я подумал, что тебе следует знать кое о чем. В субботу у меня совершенно не было работы и я пошел посидеть в ресторане «У кружки».

— Послушай, не хватало, чтобы ты во что-то впутался! Официально тебе об этом деле ничего неизвестно. Кроме того, ты не знаешь, что я здесь.

В голосе Колльберга прозвучала обида.

— Ты считаешь меня болтуном?

— Только иногда, — доброжелательно ответил Мартин Бек.

— Я ни с кем не разговаривал. Всего лишь сидел за столиком возле этой компании и слушал, о чем они говорят. Пять часов. Эти ребята умеют надираться, я тебе точно говорю.

В беседу вмешалась телефонистка и сказала что-то непонятное.

— Ты подорвешь государственный бюджет, — сказал Мартин Бек. — Ну, так какие там у тебя новости?

— Они несколько раз говорили о нем, об Аффе, как они его называют. Это такие субъекты, которые при каждом удобном случае начинают сплетничать друг о друге. Стоит одному ввести мяч в игру, как тут же все мчатся за этим мячом.

— Пожалуйста, не так медленно.

— Этот Молин, похоже, хуже их всех. Он-то и начал сплетничать о том, из-за чего я сейчас звоню тебе. Жаль будет, если это окажется сплошной ложью.

— Леннарт, прошу тебя, ближе к делу.

— Ну, так я и приближаюсь. Ну вот, короче говоря, речь шла о том, что Матссон регулярно ездит в Венгрию, потому что у него там имеется какая-то кошечка. Какая-то спортсменка. Он познакомился с ней в Стокгольме на каких-то международных соревнованиях или на чем-то в этом роде, когда был еще спортивным журналистом. Тогда он еще жил с женой.

— Гм.

— Они еще говорили, что он ездит и в другие места, возможно, в Прагу и в Берлин, когда знает, что эта девушка тоже едет туда на какие-нибудь спортивные соревнования, чтобы иметь возможность встретиться с ней.

— Мне кажется, это звучит не очень правдоподобно. Со спортсменками обычно не поддерживают длительных связей.

— За что купил, за то и продаю.

— Спасибо тебе, — без особого энтузиазма сказал Мартин Бек. — Спасибо и до свидания.

— Подожди. Я еще не закончил. Они не говорили, как эту девушку зовут, думаю, они вообще этого не знают. Но они сказали достаточно, чтобы я смог… Кстати, вчера тоже шел дождь.

— Леннарт! — в отчаянии воскликнул Мартин Бек.

— Мне удалось попасть в городскую библиотеку, и я целый день изучал спортивные колонки газет. После того как я все сопоставил, речь может идти только об одной спортсменке. Ее зовут… я лучше произнесу тебе по буквам.

Мартин Бек включил лампу на ночном столике и записал буквы на краешке плана города Будапешта. А—Р—И Б—Ё—К—К.

— Записал? — спросил Колльберг.

— Да.

— Вроде бы она по происхождению немка, но у нее венгерское гражданство. Я не знаю, где она живет, и, кроме того, не знаю, правильное ли это имя. Она не очень известна, с мая прошлого года я нигде не нашел ни одного имени, которое хотя бы немного походило на ее. Наверное, они брали ее с собой в качестве запасной.

— Гм. Теперь уже все?

— Еще одно. Его автомобиль стоит там, где и должен находиться. На стоянке в аэропорту Арланда. Это «опель-рекорд». Ничего заслуживающего внимания в нем нет.

— Хорошо. Но теперь-то уже все?

— Да.

— Ну, пока.

— Пока.

Мартин Бек равнодушно посмотрел на буквы, написанные им на плане города. Ари Бёкк. Это вовсе не походило на имя человека. Наверное, они исказили имя в газетах и эта информация совершенно бесполезна.

Он встал, открыл жалюзи и впустил в комнату лето. Вид на реку и на Буду на противоположном берегу был таким же изумительным, как и двадцать четыре часа назад. Чехословацкий колесный пароход уже уплыл, а на том месте, где он стоял на якоре, теперь покачивался теплоход с двумя низкими, близко поставленными друг к другу трубами. Он тоже был чехословацкий и назывался «Дружба». В ресторане на тротуаре сидели легко одетые люди и завтракали. Была половина десятого. Мартин Бек чувствовал, что от него нет никакой пользы и что он пренебрегает своими обязанностями. Он быстро умылся и побрился, взял с собой план города и торопливо направился в вестибюль. В вестибюле он в нерешительности остановился. Нет смысла спешить, если человек не знает, что должен делать, кроме как ходить туда-сюда. Он немного поразмышлял об этой бесспорной реальности, потом пошел в ресторан, сел у открытого окна и заказал завтрак. По воде проплывали плавучие средства разного типа и размеров. Против течения медленно шел советский буксир, таща за собой три баржи с нефтью. Наверное, из Батуми. Такая даль. Капитан был в белой фуражке. Официанты бегали вокруг столика Мартина Бека, словно он был как минимум Рокфеллером. На улице мальчишки играли в футбол. Какой-то большой пес тоже захотел принять участие в игре и едва не повалил пожилую разряженную даму, держащую его на поводке. Ей пришлось быстро ухватиться за каменный столбик балюстрады, чтобы не упасть. Наконец она отпустила столбик, но продолжала судорожно сжимать поводок и, резко наклонившись, позволила псу затащить себя между футболистов. Уже стояла заметная жара. Река блестела.

Недостаток конструктивных идей прямо-таки налицо. Мартин Бек обернулся и увидел, что на него кто-то смотрит. Загорелый мужчина его возраста: чуть тронутые сединой волосы, прямой нос, карие глаза; в сером костюме, черных туфлях, белой рубашке, с большим перстнем с печаткой; на столике перед ним лежала зеленая шляпа с узкими полями и маленьким легким перышком, воткнутым за ленту тульи. Мужчина быстро вернулся к своему двойному кофе.

Мартин Бек перевел взгляд дальше и увидел женщину, которая тоже смотрела на него. Это была африканка, маленькая и очень красивая, с правильными чертами лица, большими ясными глазами, белыми зубами, длинными стройными ногами с высоким подъемом. На ней было облегающее светло-синее платье из какой-то блестящей ткани, а на ногах серебристые босоножки.

Наверное, они оба смотрят на него потому, что он большой красавчик; мужчина завидует ему, а женщина тщетно пытается скрыть страстное желание, овладевшее ею.

Мартин Бек чихнул, и трое официантов пожелали ему доброго здоровья. Он поблагодарил, вышел в вестибюль, вынул из кармана план города и показал портье имя, которое записал на нем.

— Вы знаете кого-нибудь, кого так зовут?

— Нет, сэр.

— Это должен быть кто-то известный. Очевидно, имеет отношение к спорту.

— К спорту? — Портье проявил вежливый интерес. Гость, естественно, прав. — Наверное, это кто-то из новеньких, сэр.

— Это мужское или женское имя?

— Ари — женское имя, уменьшительное. Так зовут детей вместо Аранка.

Портье наклонил голову и изучил нацарапанные буквы.

— Однако фамилия, сэр? Это правильная фамилия?

— Вы можете дать мне телефонный справочник?

Там, естественно, не было никого по фамилии Бёкк, по крайней мере, именно в таком написании. Однако он так легко не сдастся. Впрочем, это пустое дело, если человек не имеет понятия, что должен предпринять. Он проверил еще несколько вариантов. В результате получилось: BOECK ESZTER penzio. XII. Venetianer ut 6. 292—173.

Ему пришла в голову первая полезная мысль в этот день, и он полез в карман за листочком, который ему дала девушка в молодежной гостинице. Venetianer ut. Вряд ли это случайность.

В бюро регистрации между тем достойного портье заменила молодая дама.

— Простите, что это означает?

— Penzio? Это пансионат. Хотите, чтобы я позвонила туда?

Он покачал головой.

— Где эта улица?

— В двенадцатом районе. Это Уйпешт.

— А как мне добраться туда?

— Быстрее всего, естественно, в такси. Можно также трамваем, тройкой с площади Маркса. Но удобнее поплыть на пароходе, причал прямо перед гостиницей. Это вверх по течению.

Пароход назывался «Уттере»[7] и радовал глаз. Маленький пароходик, работающий на угле, с длинной вертикальной трубой и открытыми палубами. Пуская пар, он упорно и спокойно плыл против течения мимо парламента и зеленого острова Маргит. Мартин Бек стоял, опершись на ограждение, и философствовал о проклятых моторах. Он подошел к трапу, ведущему в котельную, и посмотрел внутрь. Снизу столбом поднималась жара. Кочегар был в одних плавках. Его мускулистая спина блестела от пота. Лопата с грохотом загребала уголь. О чем думает этот человек в такой адской жаре? Очевидно, о благословенных моторах, наверное, Представляет себе, как он спокойно и удобно сидит возле дизеля и читает газету, а на расстоянии вытянутой руки стоит масленка и лежит ветошь. Мартин Бек снова принялся разглядывать пароход, однако после того, как он увидел

кочегара, наслаждение было уже совсем не то. И так во всем. Жареная курица не снесет яйца.

Пароходик проплывал мимо длинных пляжей и парков, сквозь скопления байдарок и яхт, прошел под несколькими мостами и продолжил путь по короткому проливу в узкий рукав реки. Он торжественно и хрипло загудел и причалил в Уйпеште.

Этот район выглядел совсем не так, как другие районы Будапешта, с которыми Мартин Бек уже познакомился. Он пересек большую пустынную площадь, пару раз попытался расспросить, как пройти по нужному адресу, однако его никто не понимал. Хотя у него в руке был план города, он заблудился и оказался на заднем дворе какой-то синагоги, где, вероятно, находился еврейский дом престарелых. Из плетеных кресел в узкой полоске тени под стеной ему ободряюще кивали дряхлые остатки тех, кому посчастливилось пережить время большого зла.

Спустя пять минут он стоял перед домом номер шесть на Venetianer ut. Дом был двухэтажный, и ничто в его внешнем виде не свидетельствовало о том, что это пансионат, однако на улице перед домом стояло несколько автомобилей с иностранными номерами. На хозяйку пансионата Мартин Бек натолкнулся уже в холле.

— Фрау Бок?

— Да. К сожалению, у нас нет свободных мест.

Это была могучая женщина лет пятидесяти. По-немецки она говорила, как оказалось, совершенно свободно.

— Я разыскиваю даму, которую зовут Ари Бок.

— Это моя племянница. Она живет на втором этаже. Вторая дверь направо, — сказала она и ушла.

Все, таким образом, оказалось очень просто. Мартин Бек на минутку остановился перед белой дверью и послушал, как внутри кто-то ходит. Потом тихонько постучал. Дверь мгновенно открылась.

— Фрейлейн Бок?

У девушки был изумленный вид. Она явно кого-то ждала. На ней был темно-синий купальный костюм из двух частей, а в правой руке она держала маску для подводного плавания из зеленой резины с дыхательной трубкой. Она стояла, расставив ноги, и левой рукой держалась за дверную ручку, в полном оцепенении, словно в столбняке. У нее были черные коротко остриженные волосы и выразительные черты лица. Густые черные брови, прямой широкий нос и пухлые губы. Зубы здоровые, но чуточку неправильной формы. Рот она приоткрыла и кончиком языка упиралась в нижние зубы, словно хотела что-то сказать. Ростом она была не выше ста пятидесяти пяти сантиметров, но с гармонически развитой фигурой, красивыми развернутыми плечами, широкими бедрами и тонкой талией. Ноги мускулистые, стопы маленькие и широкие, пальцы на ногах прямые. Она хорошо загорела, коричневая кожа была нежная и гладкая, особенно на груди и животе. Подмышки выбриты. Большая грудь и выпуклый живот с нежным пушком, который на загорелой коже казался очень светлым. Ей могло быть максимум двадцать два-двадцать три года. Она не была красивой в обычном смысле слова, однако являлась в высшей степени функциональным экземпляром человеческой расы.

Она вопросительно смотрела своими темно-карими глазами. Наконец сказала:

— Да, это я. Вы разыскиваете меня?

По-немецки она не говорила так свободно, как тетя, но разница была небольшой.

— Я разыскиваю Альфа Матссона.

— Кто это?

Из-за того, что все это время она выглядела, как ребенок, который только что перенес нервное потрясение, он не смог оценить, как она отреагировала на это имя. Было вполне возможно, что она никогда в жизни не слышала его.

— Шведский журналист. Из Стокгольма.

— И он должен жить здесь? У нас сейчас нет никаких шведов. Вы, наверное, перепутали.

Она нахмурилась и ненадолго задумалась.

— А откуда вам известно мое имя?

Комната у нее за спиной была обычной комнатой в пансионате. Повсюду была разбросана одежда. Насколько он видел, что была лишь женская одежда.

— Он сам дал мне этот адрес. Матссон мой друг.

Она подозрительно посмотрела на него и сказала:

— Это как-то странно.

Он вытащил из заднего кармана брюк паспорт и открыл его на странице, где была фотография Матссона. Она внимательно посмотрела на фото.

— Нет. Я никогда в жизни не видела его. Через несколько секунд она спросила:

— Вы с ним потеряли друг друга?

До того, как Мартин Бек успел ответить, он услышал за спиной легкие шаги и отступил в сторону. В комнату мимо него вошел мужчина лет тридцати. Это был мускулистый блондин небольшого роста, в одних плавках и такой же загорелый, как и девушка. Он встал чуть сбоку у нее за спиной и с любопытством заглянул в паспорт.

— Кто это? — спросил он по-немецки.

— Не знаю. Этот господин потерял его. Подумал, что он переехал сюда.

— Потерял, — сказал блондин. — Это плохо. Особенно, когда при себе нет паспорта. Я это знаю, это бывает неприятно. Я работаю в этой области.

Он небрежно засунул палец под резиновый поясок плавок девушки, оттянул его как можно дальше и отпустил. Раздался громкий шлепок. Девушка бросила на него злой взгляд.

— Ну, так мы идем купаться? — сказал мужчина.

— Идем, я готова.

— Ари Бок, — медленно произнес Мартин Бек. — Это имя мне что-то говорит. Вы пловчиха?

У нее впервые забегали глаза.

— Я уже закончила выступления.

— А в Швеции вы плавали?

— Да. Один раз. Два года назад. Я финишировала последней. Странно, что он дал вам мой адрес.

Блондин вопросительно посмотрел на нее. Никто ничего не говорил. Мартин Бек взял паспорт.

— Ну что ж, до свидания. И не сердитесь, что я вас побеспокоил.

— До свидания, — сказала девушка и впервые улыбнулась.

— Надеюсь, вы найдете вашего друга, — сказал блондин. — А вы пытались искать его в кемпинге и в купальне? Это здесь, в этой части города, на противоположном берегу. Там всегда много народу. Вы можете поплыть туда на пароходе.

— Вы немец, да?

— Да, я из Гамбурга.

Мужчина взъерошил девушке короткие черные волосы. Ребром левой ладони она слегка ударила его по пальцам. Мартин Бек повернулся и пошел к выходу.

В холле было пусто. На полочке за столом, который использовали в качестве стойки портье, лежала кипа заграничных паспортов. Сверху находился финский паспорт, а под ним — два паспорта характерного зеленого цвета. Словно машинально, Мартин Бек протянул руку и вытащил один из них. Он открыл паспорт, и на него устремил стальной взгляд мужчина, с которым он только что встретился в дверях комнаты Ари Бок. Тетц Ра-дебергер, служащий (бюро путешествий), Гамбург, 1935 года рождения. Похоже, никто здесь не стал ему лгать.

На пути домой ему не повезло: он ехал в быстром современном катере с крытой палубой и рычащим дизелем. Пассажиров было мало, ближе всех к нему сидели несколько женщин в пестрых платьях и цветастых платках. У них с собой были большие белые узлы, и приехали они, очевидно, из провинции; Чуть дальше, в салоне, сидел важный мужчина среднего возраста, на голове у него была коричневая плюшевая шляпа, в руке — портфель, а на лице — серьезное выражение. Долговязый молодой человек в синем костюме лениво обстругивал палку. У самого выхода стоял полицейский в форме. Он ел бублики, которые вынимал из бумажного пакета, и время от времени обменивался фразами с маленьким, очень хорошо одетым лысоватым мужчиной с редкими седоватыми усами. Компанию дополняла молодая пара с детьми, похожими на больших кукол.

Мартин Бек удрученно смотрел на попутчиков. Поездка не удалась. Ничто не свидетельствовало о том, что Ари Бок говорила неправду.

Он проклинал тот странный импульс, который заставил его взяться за это бессмысленное задание. Возможности решить проблему ему казались чем дальше, тем ничтожнее. Он был один, и ему не приходила в голову ни одна идея. А если бы даже и пришла, все равно он не располагал никакими средствами, чтобы свою идею осуществить.

Причем хуже всего было то, что в глубине души он знал, что действовал вовсе не импульсивно. Это начала действовать его полицейская душа или что там еще. Та же сила, которая заставила Колльберга пожертвовать своим свободным временем. Какое-то профессиональное заболевание, заставляющее браться за любое задание и делать все, что в его силах, чтобы выполнить это задание.

Когда он вернулся в гостиницу, было четверть пятого и ресторан был закрыт. Он забыл, что нужно пообедать. Пошел в номер, принял душ и надел халат. Выпил виски из бутылки, которую купил в самолете, однако оно показалось ему резким и неприятным на вкус и он пошел почистить зубы. Потом выглянул из окна, поставил локти на широкий подоконник и наблюдал за судами. Однако даже это не развлекло его. Прямо под ним в кафетерии на тротуаре сидел один из пассажиров теплохода, мужчина в синем костюме. Перед ним стоял бокал пива, и он по-прежнему обстругивал палку.

Мартин Бек наморщил лоб и пошел прилечь на скрипящую кровать. Он снова обдумал сложившуюся ситуацию. Раньше или позже ему придется связаться с полицией. Ему сразу стало ясно, что это ошибочный шаг, за который его никто не похвалит, даже он сам.

Остаток времени до ужина он провел, сидя в кресле салона и скучая. В противоположном конце мужчина с перстнем с печаткой читал венгерскую газету. Это был тот мужчина, который глазел на него в ресторане за завтраком. Мартин Бек долго смотрел на него, однако мужчина спокойно пил кофе и, казалось, совершенно не обращал внимания на окружающих.

За ужином Мартин Бек ел окуня из озера Балатон с шампиньонами и запивал белым вином. Оркестр играл мелодии Листа, Штрауса и другие изысканные вещи. Ужин был прекрасный, однако настроения ему не улучшил, и официанты носились вокруг мрачного гостя, словно медицинские светила вокруг приболевшего диктатора.

Кофе и коньяк он отправился пить в салон. Мужчина с перстнем по-прежнему читал газету в противоположном конце салона. Перед ним стояла очередная чашечка кофе. Спустя несколько минут мужчина посмотрел на часы, бросил мимолетный взгляд на Мартина Бека, сложил газету, встал и направился в его сторону.

У Мартина Бека не возникнет проблем, как войти в контакт с полицией. Полиция сама идет к нему. Благодаря двадцатитрехлетнему опыту он научился узнавать полицейского по походке.

IX

Мужчина в сером костюме вытащил из нагрудного кармана визитную карточку и положил ее на край стола. Мартин Бек взглянул на нее и встал. Всего лишь имя и фамилия. Вильмош Слука.

— Вы позволите присесть?

Он говорил по-английски. Мартин Бек кивнул.

— Я из полиции.

— Я тоже, — сказал Мартин Бек.

— Это я понял. Кофе?

Мартин Бек кивнул. Мужчина из полиции поднял два пальца, и практически мгновенно примчался официант с двумя чашечками. Венгры явно такой народ, который питает слабость к кофе.

— Кроме того, я понял, что вы находитесь здесь с заданием провести определенное расследование.

Мартин Бек ответил не сразу. Он тер основание носа и размышлял. Сейчас наступила та самая подходящая минута, чтобы заявить: ничего подобного, я здесь всего лишь в качестве туриста, но пытаюсь разыскать одного друга, с которым я бы с удовольствием встретился. Очевидно, от него ожидали что-нибудь именно в таком роде.

Казалось, Слука никуда не спешит. Он с явным наслаждением выпил свой двойной кофе-экспресс, не обращая внимание на то, сколько чашечек уже опорожнил до этого. Мартин Бек видел, как он пил кофе уже по меньшей мере трижды в течение одного дня. Он вел себя вежливо, сдержанно. Взгляд у него был приветливый, но весьма решительный.

Мартин Бек все еще размышлял. Да, верно, он полицейский, но насколько ему известно, нигде на свете нет законов, которые предписывали бы гражданам говорить полиции правду. К сожалению.

— Да, — сказал Мартин Бек, — верно.

— А не было бы более логичным в таком случае прежде всего обратиться к нам?

Мартин Бек предпочел не отвечать. После краткой паузы его собеседник развил свой вопрос.

— В том случае, если действительно случилось нечто такое, что требовало расследования.

— У меня нет никаких официальных полномочий.

— Нас никто ни о чем не предупреждал. У нас создалось всего лишь смутное впечатление. Другими словами, нам казалось, что кое-что случилось.

Мартин Бек сделал глоточек кофе, который оказался очень крепким. Похоже, разговор будет неприятнее, чем он ожидал вначале. Однако так или иначе, почему бы ему в гостиничном салоне не поставить на место полицейского, который даже не сделал попытки предъявить ему свое служебное удостоверение.

— И тем не менее полиция все же решила, что необходимо осмотреть багаж Альфа Матссона, — сказал он.

Это было замечание наобум, однако оно попало в цель.

— Об этом мне ничего не известно, — сухо произнес Слука. — Кстати, вы можете предъявить служебное удостоверение?

— А вы?

В карих глазах появилось новое выражение. Этот человек решительно не был невинным младенцем.

Слука полез в карман, достал бумажник. затем ловко и небрежно открыл его. Мартин Бек, не глядя на него, вытащил свой полицейский жетон, который он носил на колечке с ключами.

— Это недействительный документ, — сказал Слука. — Такие жетоны самого разнообразного вида у нас можно купить в магазине детских игрушек.

Замечание все же имело под собой какие-то основания, а Мартин Бек не испытывал желания ссориться по пустякам. Он вытащил служебное удостоверение.

— Пожалуйста. Мой паспорт у портье, в бюро регистрации.

Мужчина долго и внимательно разглядывал удостоверение. Возвращая его Мартину Беку, он спросил:

— Как долго вы намерены здесь задержаться?

— Моя виза действительна до конца месяца.

Впервые за время их разговора Слука улыбнулся. Искренней эту улыбку назвать было нельзя и трудно было определить, что она означает. Он допил кофе, застегнул пиджак и сказал:

— Я не стану препятствовать вам, хотя, естественно, мог бы это сделать. Если я правильно вас понял, ваше задание более или менее частного характера. Хочу надеяться, что оно и дальше будет иметь такой же характер, и при его выполнении вы не станете наносить ущерб интересам нашего государства или его отдельных граждан.

— Вы ведь всегда можете продолжать следить за мной.

Слука не ответил. Он смотрел холодно и неприязненно.

— Послушайте, что вы, собственно, имеете в виду? Чем вы здесь занимаетесь? — спросил он.

— А по вашему мнению, чем?

— Не знаю. Ведь ничего не случилось.

— Кроме того, что исчез человек.

— Кто это утверждает?

— Я.

— В таком случае вам следовало бы обратиться в соответствующее учреждение и потребовать, чтобы это дело расследовали обычным образом, — сухо заявил Слука.

Мартин Бек барабанил пальцами по столу.

— Этот человек, несмотря на все сомнения, исчез, — сказал он.

Его собеседник явно собрался уходить. Он сидел выпрямившись в кресле и держался правой рукой за поручень.

— Этим утверждением вы в действительности хотите сказать — насколько я вас понял, — что этот человек в последние четырнадцать дней не появлялся в гостинице. У него имеется разрешение на пребывание здесь, и он может свободно передвигаться по всей стране. В данный момент в стране около ста тысяч туристов, многие из них ночуют в палатках или в собственных автомобилях. Мужчина, которого вы разыскиваете, может быть в

Дебрецене или Сегеде. Он мог отправиться на озеро Балатон: он ведь в отпуске и поехал искупаться.

— Альф Матссон приехал сюда не для того, чтобы искупаться.

— Неужели? Но ведь он приехал по туристической визе. Зачем же ему понадобилось исчезать, как вы сказали? Он, например, заказал место в самолете на обратный рейс?

Это был не такой уже и праздный вопрос. А тон, каким задал его собеседник, говорил о том, что он знает ответ. Слука встал.

— Секундочку, — сказал Мартин Бек. — Я бы хотел спросить вас кое о чем.

— Пожалуйста. Что вы хотите знать?

— Когда Альф Матссон ушел из гостиницы, он унес с собой ключ от номера. На следующий день этот ключ вернул полицейский в форме. Каким образом этот ключ попал в полицию?

Слука около пятнадцати секунд смотрел на него очень злым взглядом. Потом сказал:

— К сожалению, на этот вопрос я не могу дать вам ответ. До свидания.

Он быстро пересек вестибюль, остановился у гардероба, где получил свою зеленую шляпу с пером, и остался стоять со шляпой в руке, словно о чем-то размышлял. Потом повернулся и направился обратно к столику, за которым сидел Мартин Бек.

— Вот ваш паспорт. Прошу вас.

— Спасибо.

— Как видите, он находился не в бюро регистрации, как вы полагали. Вы сделали, как говорится, ложный вывод.

— Да, — сказал Мартин Бек.

Ему вовсе не казалось, что в этом есть что-то смешное. Слука стоял, возвышаясь над ним.

— Как вам кофе?

— Здесь его хорошо варят.

— Рад слышать.

Венгр сказал это таким тоном, словно в самом деле был рад. Мартин Бек поднял голову и посмотрел на него.

— Поймите, — добавил Слука, словно хотел объяснить, — у нас уже совершенно не происходят большие и драматические события; здесь все вовсе не так, как у вас, или в Лондоне, или в Нью-Йорке.

Это сочетание показалось ему несколько странным.

— Раньше таких дел у нас было по горло, — серьезно говорил Слука. — Теперь нам хочется жить спокойно и интересоваться другими вещами. Возможно, едой. Я, например, сегодня съел за завтраком четыре куска шпика и два яйца. А за обедом — уху и жареного карпа. И на десерт — яблочный штрудель.

Он немного помолчал, а потом задумчиво добавил:

— Дети, конечно, шпик не любят, они обычно едят, перед тем, как отправиться в школу, какао и булочку с маслом.

— Ага.

— Ну вот. А вечером я съем телячью отбивную с паприкой и рисом. Это тоже пойдет мне на пользу. Кстати, вы уже попробовали здесь уху?

— Нет.

Уху он ел уже в первый вечер, но подумал, что венгерской полиции нет до этого никакого дела.

— В таком случае вы должны отведать ее. Это что-то исключительное. Но еще лучше ее готовят у Матияша, это недалеко отсюда. Вам стоит заглянуть туда, почти все иностранцы туда ходят.

— В таком случае я зайду туда.

— Но я должен сказать вам, что знаю еще одно заведение, а у них уха еще лучше. Самая лучшая во всем Будапеште. Это такой маленький ресторанчик на улице Лайош наверху, на холме. Туристы туда забредают лишь изредка. Подобную уху можно отведать еще только в Сегеде.

— Ага.

Эта кулинарная лекция, очевидно, взбодрила Слуку. Казалось, он начинает испытывать какую-то тревогу. Каждую минуту он поглядывал на часы. Вероятно, размышлял о телячьей отбивной.

— Вы уже немного познакомились с Будапештом?

— Только немного. Красивый город.

— Ну? А в купальне «Палатинус» вы уже побывали?

— Нет.

— Вам обязательно нужно побывать там. Я подумал: что, если отправиться туда завтра. Вы не хотите составить мне компанию?

— Почему бы и нет?

Мартин Бек остался сидеть и размышлял об их разговоре. Разговор был неприятный и тревожный. Внезапная перемена в поведении Слуки в конце разговора уже не могла исправить впечатление. Мартин Бек чем дальше, тем сильнее чувствовал, что здесь что-то не так. И вместе с тем еще сильнее, чем когда-либо, понимал, насколько он бессилен.

Около половины двенадцатого салон и ресторан стали пустеть и Мартин Бек ушел наверх, к себе в номер. Раздевшись, он подошел к открытому окну и несколько минут дышал влажным ночным воздухом. По реке неслышно скользил колесный пароходик, ярко освещенный гирляндами красных, зеленых и желтых лампочек. На корме танцевали, и музыка нерегулярными волнами разносилась над водой.

В кафетерии на тротуаре перед гостиницей еще сидело много людей. Среди них был и высокий мужчина лет тридцати с темными вьющимися волосами. Перед ним стоял бокал пива, и он, очевидно, дома переоделся: на нем теперь был не синий костюм, а светло-серый.

Мартин Бек закрыл окно и лег. Он лежал в темноте и думал, что полиция действительно не проявляет особого интереса к Альфу Матссону, но зато гораздо больше интересуется Мартином Беком.

Прошло довольно много времени, прежде чем ему удалось уснуть.

X

Мартин Бек сидел у каменной балюстрады в тени перед гостиницей и довольно поздно завтракал. В Будапеште он уже находился третьи сутки. Казалось, день обещает быть таким же теплым и погожим, как и первые два.

Завтрак приближался к концу, кроме него и парочки, молча сидящей за столиком чуть дальше, в ресторане никого не осталось. На улице и набережной было много народу, в основном мамы с детьми и низкими обтекаемыми колясками аэродинамических форм, похожими на маленькие танки.

Высокого черноволосого мужчину с палкой он нигде не видел, что, однако, вовсе не означало, что за ним уже перестали следить. У полиции хватает людей, и они могли следить за ним по очереди.

Официант начал убирать со стола.

— Завтрак не хорошо?

Он озабоченно смотрел на нетронутую тарелку с салями.

Мартин Бек заверил его, что завтрак превосходный. Когда официант исчез, он вытащил из кармана открытку, которую купил в гостиничном киоске. На ней был изображен колесный пароходик, плывущий против течения по Дунаю, а на заднем плане — один из будапештских мостов. Продавщица в киоске наклеила ему на открытку марку, и теперь Мартин Бек ломал себе голову над тем, кому послать эту открытку. В конце концов он написал на ней адрес: Гуннар Ольберг, управление полиции, Мутала, Швеция; на другой стороне открытки написал приветствие и снова засунул открытку в карман.

С Ольбергом он познакомился два года назад, когда в Гёта-канале обнаружили труп женщины. Им понадобилось полгода, чтобы закончить это дело; за время расследования они подружились и с той поры иногда переписывались и поддерживали какие-то контакты.

Расследование и розыск убийцы тогда длились долго, и для Мартина Бека это стало его личным делом. И не только полицейский в нем запрещал ему думать о чем-либо другом, кроме этого дела.

Теперь он сидел в Будапеште и у него было задание, к которому он при всем своем желании не мог заставить себя проявить хотя бы малейший интерес.

Он сам себе казался совершенно бесполезным. До встречи со Слукой еще оставалось несколько часов, и единственный конструктивный поступок, пришедший ему и голову, состоял в том, что он мог бросить в почтовый ящик открытку Ольбергу. Его тревожило то, что Слука спросил, установил ли он, что Матссон заказывал билет на обратный рейс, раньше чем он сам сообразил это. Он вытащил из кармана план города и нашел центральное бюро авиапутешествий на какой-то площади в центре. Он встал, вышел из ресторана и вестибюля и бросил открытку в красный ящик перед гостиницей. Потом направился в город.

Площадь была большая, с магазинами, бюро путешествий и оживленным движением. В уличном кафетерии уже было полно людей, пьющих кофе за миниатюрными столиками. Он увидел, что перед кафетерием под землю ведет какая-то лестница. Над лестницей висела надпись «Фельдалатти»[8] и Мартин Бек решил, что это должно означать туалеты. Он вспотел, и ему было жарко, поэтому он решил зайти туда и ополоснуть руки перед тем, как пойти в бюро авиапутешествий. Он пересек проезжую часть и вслед за несколькими господами с портфелями спустился под землю.

Он оказался в самом маленьком метро, какое когда-либо видел в жизни. На перроне стоял маленький бело-зеленый деревянный киоск с большими стеклами. Низкую крышу поддерживали декоративные чугунные столбики. Поезд у перрона выглядел скорее как лилипутские тележки в детском парке, а не как реальное транспортное средство. Он вспомнил, что это самое старое метро в Европе.

В киоске он купил билет и уселся в маленький лакированный деревянный вагончик, в котором преспокойно мог ехать император Франц-Иосиф, открывавший во второй половине прошлого столетия это метро. Когда через минуту двери закрылись и поезд тронулся, вагон уже был полон.

В проходе посреди вагона стояли трое мужчин и одна женщина. Они были глухонемые и вели разговор, оживленно жестикулируя. Когда поезд остановился в третий раз, они вышли и продолжали азартно жестикулировать. До того, как проход снова заполнился, Мартину Беку на какое-то мгновение стал виден мужчина, сидящий в противоположном конце вагона, боком к нему.

Мужчина был темноволосый, загорелый, и Мартин Бек тут же узнал его. Вместо серого костюма на нем теперь была зеленая рубашка с открытым воротом. От палки, которую он вчера обстругивал, уже, очевидно, ничего не осталось.

Поезд внезапно выехал из туннеля и замедлил ход. Они въехали в зеленый парк с большим прудом, водная поверхность которого блестела на солнце. Поезд остановился и вагон опустел. Очевидно, это была конечная станция.

Мартин Бек вышел последним и огляделся в поисках темноволосого мужчины. Того нигде не было.

В парк вела широкая аллея, которая, как казалось, манила холодком. Однако Мартин Бек решил отказаться от дальнейших экскурсий. Он изучил расписание поездов на перроне и пришел к выводу, что отрезок между площадью, где он сел, и парком — единственная линия этого метро, и что через четверть часа поезд поедет обратно.

Была половина двенадцатого, когда он вошел в зал авиакомпании «Малев». Пять девушек за стойкой были полностью заняты клиентами; Мартин Бек сел у окна, выходящего на улицу, и принялся ждать.

На обратном пути из парка ему не удалось обнаружить темноволосого мужчину, но он подумал, что тот наверняка где-то поблизости. Неужели он станет следить за ним, когда Мартин Бек будет в обществе Слуки?

У стойки освободился один из стульев, и Мартин Бек уселся на него. У черноволосой девушки за стойкой прическа представляла собой произведение искусства: вся голова — в локонах. Вид у нее был деловой, и она курила сигарету с огненно-красным фильтром.

Мартин Бек сказал ей, о чем идет речь. Зарезервировал ли шведский журналист Альф Матссон место в самолете до Стокгольма или куда-либо в другое место в период до двадцать третьего июля?

Девушка предложила ему сигарету и принялась рыться в своих документах. Через минуту она сняла трубку телефона, побеседовала с кем-то, покачала головой, положила трубку и ушла поговорить с одной из своих коллег.

Когда все пять девушек за стойкой просмотрели все списки, было уже после двенадцати. Девушка с локонами сообщила ему, что никакой Альф Матссон билет из Будапешта не заказывал.

Вернувшись, Мартин Бек решил, что не будет обедать, и прошел наверх, к себе в номер. Он открыл окно и посмотрел на людей, обедающих внизу на тротуаре. Никакого долговязого мужчины в зеленой рубашке среди них не было.

За одним из столиков сидели шесть мужчин в возрасте около тридцати лет и пили пиво. Внезапно Мартину Беку пришла в голову одна мысль, он подошел к телефону и заказал разговор со Стокгольмом. Потом улегся на постель и принялся ждать.

Через четверть часа телефон зазвонил и Мартин Бек услышал голос Колльберга:

— Привет. Как дела?

— Отвратительно.

— Ты нашел эту девушку? Бёкк?

— Нашел, но это ничего не дало. Она вообще с ним не знакома и не знает, кто он такой. Рядом с ней стоял мускулистый блондин с видом собственника.

— Так, значит, этот Матссон всего лишь хвастал. Судя по тому, что говорили его так называемые друзья, он не делал почти ничего, кроме как хвастался.

— У тебя много работы?

— Да нет. Могу еще кое-что разузнать, если захочешь.

— Кое-что ты мог бы для меня сделать. Выясни, как зовут этих людей из ресторана «У кружки» и что они собой представляют.

— Хорошо. Еще что-нибудь?

Будь осторожен. Не забывай, что все они журналисты. Ну ладно, пока. Я иду купаться с человеком по имени Слука.

— Ну и имена у этих венгров! Послушай, Мартин, ты выяснил, у него был заказан обратный билет?

— Пока, — сказал Мартин Бек и положил трубку.

Он достал из чемодана плавки, завернул их в гостиничное полотенце и пошел на причал.

Теплоход назывался «Обуда», он был из разряда скучных, с закрытой палубой. Однако времени у Мартина Бека имелось мало, а этот теплоход обладал по меньшей мере тем преимуществом, что был быстроходнее пароходиков, работающих на угле.

Он сошел на берег у большой гостиницы на острове Маргит. От реки к центру острова он торопливо шел по аллее, в тени деревьев вдоль большого покрытого сочной зеленью газона, теннисных кортов, и — оказался на месте.

Слука стоял у входа с портфелем в руке и ждал. Одет он был так же, как и накануне.

— Мне очень неприятно, что я заставил вас ждать, — извинился Мартин Бек.

— Я только что пришел, — сказал Слука.

Они купили билеты и вошли в гардероб. Лысый старик в белой майке поздоровался со Слукой и открыл им два шкафчика. Слука достал из портфеля черные плавки, быстро разделся, тщательно и аккуратно повесил одежду на плечики. Плавки они натянули почти одновременно, хотя одежды на Мартине Беке было гораздо меньше.

Слука взял портфель и первым вышел из гардероба. Мартин Бек последовал за ним, держа в руке скатанное полотенце.

В купальне было полно загорелых людей. Посередине прямо перед гардеробом находился круглый бассейн с фонтаном, из которого брызгали вертикально вверх высокие струи воды. Под падающий каскад вбегали визжащие дети и тут же выбегали обратно. Сбоку от бассейна с фонтаном находился прямоугольный бассейн меньшего размера со ступеньками на одной из коротких стенок. С другой стороны был большой бассейн с прозрачной зеленой водой, чуть более темной посредине. В нем плавали и резвились множество людей самого разного возраста. Площадка между бассейнами и газоном была выложена каменными плитами.

Мартин Бек шел за Слукой по бортику большого бассейна. Чуть дальше впереди них виднелась высокая крытая галерея, к ней, очевидно, и направлялся Слука.

Из громкоговорителя прозвучало какое-то объявление, и толпы людей немедленно помчались к маленькому бассейну со ступеньками. Они едва не сбили с ног Мартина Бека, он быстро последовал примеру Слуки и отступил в сторону. Потом вопросительно посмотрел на Слуку, и тот сказал:

— Бассейн с прибоем.

Мартин Бек смотрел, как маленький бассейн быстро наполнился до такой степени, что люди стояли в нем сжатые, как сардины в банке. Потом два огромных насоса начали приводить воду в колебательное движение. Вода билась о высокие края бассейна, а стиснутые люди с восторженным ревом и визгом качались на высоких волнах.

— Может, вы тоже хотите покачаться? — спросил Слука.

Мартин Бек посмотрел на него. Слука казался совершенно серьезным.

— Нет, спасибо, — ответил он.

— Я обычно хожу к серному источнику, — объяснил ему Слука. — Это очень успокаивает.

Источник вытекал из какого-то каменистого холмика посреди мелкого овального бассейна, одним краем доходившего до крытой галереи. Бассейн был устроен как лабиринт, с низкими стенками, которые торчали на пару десятков сантиметров над водой. Стенки образовывали спинки неких подводных кресел, где люди сидели по самый подбородок в воде.

Слука спустился в бассейн и начал бродить между рядами купальщиков. Портфель он по-прежнему держал в руке. Мартин Бек подумал, что Слука, возможно, так привык носить портфель с собой, что забыл оставить его, однако он ничего не сказал, тоже спрыгнул в бассейн и побрел по пятам за Слукой.

Вода была теплая, в испарениях ощущалась сера. Слука добрел до самой галереи, там положил портфель на стенку и сел в воду. Мартин Бек уселся рядом с ним. Ему хорошо сиделось в просторном кресле, тем более, что в двадцати сантиметрах под поверхностью воды были широкие поручни, на которые можно было удобно положить руки.

Слука прислонился головой к стенке и задремал. Мартин Бек ничего не говорил и оглядывался вокруг.

Чуть наискосок напротив него сидел исхудавший бледный мужчина и качал на коленях толстую блондинку. Оба серьезными отсутствующими глазами наблюдали за маленькой девочкой, которая перед ними плескалась и воде с автомобильной камерой вокруг туловища.

Бледный веснушчатый мальчик в белых плавках лениво брел мимо них. Он слегка придерживал за пальцы ноги мускулистого юношу и тащил его за собой. Юноша лежал на спине в воде и глядел в небо, а руки сложил на животе.

На краю бассейна стоял высокий загорелый мужчина с темными вьющимися волосами. На нем были светло-синие плавки, такие свободные, что смахивали на трусы. Мартин Бек подозревал, что это в самом деле трусы. Ему следовало предупредить свой «хвост», что он собирается идти купаться, чтобы тот тоже захватил с собой плавки.

Внезапно Слука сказал, не открывая глаз:

— Ключ лежал на ступеньках перед входом в управление полиции. Его нашел там дежурный.

Мартин Бек в изумлении посмотрел на Слуку и увидел, что тот лежит рядом абсолютно спокойный и расслабленный. Волосы на загорелой груди у него медленно развевались в зеленоватой воде, как водоросли.

— Как он туда попал?

Слука повернул голову и посмотрел на Мартина Бека полузакрытыми глазами.

— Вы мне, естественно, не поверите, но я действительно этого не знаю.

В бассейне с прибоем раздался одноголосый долгий вскрик, в котором явственно слышалось разочарование. Волны перестали плескать, и большой бассейн снова начал наполняться людьми.

— Вчера вы не хотели мне сказать, как к вам попал этот ключ. Почему вы говорите это мне сейчас? — спросил Мартин Бек.

— Потому что вы истолковываете все иначе, а также потому, что эту информацию вы могли раздобыть и в другом месте, и я подумал, что будет лучше всего, если я сам скажу вам это.

Через минуту Мартин Бек спросил:

— Почему вы приказываете следить за мной?

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — ответил Слука.

— Что вы ели за обедом?

— Уху и карпа, — сказал Слука.

— А яблочный штрудель?

— Нет, землянику с сахаром и взбитыми сливками, — ответил Слука. — Деликатес.

Мартин Бек огляделся по сторонам. Мужчина в трусах был на прежнем месте.

— Когда он нашел ключ? — спросил он.

— Накануне того дня, когда его отдали в гостиницу. Двадцать третьего июля, днем.

— Значит, в тот день, когда исчез Матссон.

Слука выпрямился и посмотрел на Мартина Бека. Потом повернулся, взял портфель, открыл его, вытащил полотенце и вытер руки. Затем вынул из портфеля картонную папку и открыл ее.

— Мы провели лишь поверхностное расследование, — сказал он. — Дело в том, что к нам никто не обращался с официальной просьбой, чтобы мы занялись этим делом.

Он достал из папки лист бумаги и продолжил:

— Вы к этому делу относитесь серьезнее, чем оно того заслуживает, по моему мнению. Он какая-то важная персона, этот Альф Матссон?

— Просто он необъяснимо исчез. По нашему мнению, этого достаточно, чтобы мы посчитали нужным и важным выяснить, что с ним случилось.

— А разве что-нибудь вообще свидетельствует о том, что с ним что-то случилось?

— Нет. Однако то, что он исчез, это неоспоримый факт.

Слука заглянул в свои бумаги.

— По данным управления паспортов и виз до двадцать второго июля шведский гражданин по имени Альф Матссон не выезжал из Венгрии. Более того, он оставил свой паспорт в гостинице, а без паспорта вряд ли выбрался бы из страны. Ни один человек, известный или неизвестный, которым мог быть этот ваш Матссон, в соответствующий период времени не попадал в венгерские больницы. Кроме того, не было сообщений о чьей-либо смерти, которые могли бы иметь отношение к этому делу. Без паспорта Матссон также не мог поселиться ни в одной другой гостинице во всей Венгрии. Судя по всему, ваш соотечественник решил остаться у нас еще на какое-то время.

Слука положил лист бумаги обратно в папку и закрыл портфель.

— Он ведь уже здесь бывал и раньше. Возможно, у него здесь есть какие-то друзья и он переехал к ним, — сказал он и снова сел поудобнее.

— Это вовсе не причина для того, чтобы вдруг исчезнать из гостиницы и совершенно не давать о себе нить, — через минуту сказал Мартин Бек.

Слука встал и взял портфель.

— Как я уже сказал, до тех пор, пока у него действительна виза, я в этом деле ничего не могу предпринять, — заявил он.

Мартин Бек тоже встал.

— Оставайтесь, — сказал Слука, — а мне, к сожалению, нужно уйти. Но, возможно, мы еще увидимся. До свидания.

Они обменялись рукопожатием, и Мартин Бек смотрел, как Слука бредет в воде, с портфелем в руке. По нему не было видно, что он ест за завтраком четыре ломтика шпика.

Когда Слука скрылся из виду, Мартин Бек подошел к большому бассейну. Из-за теплой воды и серных испарений он чувствовал сонливость. Он довольно долго плавал в чистой прохладной воде, а потом встал на краю бассейна, чтобы обсохнуть. Некоторое время Мартин Бек наблюдал за двумя смертельно серьезными мужчинами средних лет; они стояли в бассейне на мелководье и бросали в воду большой красный мяч.

Потом он пошел одеваться. Что делать дальше, он не знал. После встречи со Слукой он вовсе не стал мудрее.

XI

После купания жара уже не была такой невыносимой. Мартин Бек не ощущал потребности развить какую-нибудь бурную деятельность. Он медленно брел по дорожкам обширного парка, часто останавливался и оглядывался по сторонам. Никакого следа «хвоста». Наверное, они пришли к выводу, что он действительно безвреден, и прекратили мероприятие. Впрочем, подумал он, на острове так много народу, что довольно трудно заметить в этой толпе кого-то выделяющегося, тем более, если вообще неизвестно, как этот некто выглядит. Он спустился к воде на восточной стороне острова и пошел по набережной к причалу, где приставали все суда, на которых он до сих пор плавал. Наконец он вспомнил, как называется пристань: Касино.

На крутом берегу у пристани стоял ряд скамеек, на которых сидели немногочисленные люди, ожидающие судов. На одной из них сидел человек из тех немногих людей в Будапеште, которых он знал. Девушка из пансионата в Уйпеште. Чуточку испугавшаяся Ари Бок, В темных очках, босоножках и белом платье с бретельками. Она читала какой-то немецкий роман; на скамейке рядом с ней лежала нейлоновая сетка. Сначала он решил пройти мимо, однако тут же отбросил эту мысль, остановился и поздоровался:

— Добрый день.

Она подняла голову над книгой и недоуменно посмотрела на него. Потом, очевидно, узнала его и улыбнулась.

— Ой, это вы? Вы уже нашли своего друга?

— Нет, еще нет.

— Вчера я размышляла об этом, когда вы ушли. Я в самом деле не понимаю, как он мог дать вам мой адрес.

— Я тоже не понимаю.

— Я ломала себе голову над этим и потом, вечером, — сказала она и наморщила лоб. — Я даже не могла уснуть.

— Да, все это очень странно.

(Вовсе нет, моя милая. Это можно объяснить самым естественным образом. Во-первых, он никому никакого адреса не давал. Во-вторых, все это получилось так: он увидел тебя в Стокгольме на соревнованиях и подумал: черт возьми, такая красивая кошечка, я бы мог… ну, примерно, так. А потом, когда он приехал сюда через полгода, ему удалось узнать твой адрес, ему даже объяснили, где находится эта улица, но у него не было времени сходить туда.)

— Вы не хотите присесть? Сегодня слишком жарко, чтобы стоять вот так, по стойке смирно.

Он сел, отодвинув в сторону нейлоновую сетку. В ней были два предмета, которые он узнал. Темно-синий купальник и маска для подводного плавания из зеленой резины. Кроме того, там находилось еще скатанное полотенце И флакончик с маслом для загара.

(Мартин Бек — прирожденный детектив и первоклассный наблюдатель, неустанно занимающийся бессмысленными наблюдениями, результаты которых накапливаются и будут использованы в будущем; его даже не пугают случайные совпадения, потому что во всем этом хламе они просто неизбежны.)

— Вы тоже ждете пароход?

— Да, — ответил он, — но мы едем каждый в своем направлении.

— У меня нет никаких особенных планов. Просто я решила поехать домой.

— Вы купались?

(Мастер логических выводов.)

— Да. А почему вы спрашиваете?

(Действительно, почему.)

— А куда вы сегодня дели вашего парня?

(Черт возьми, какое мне до этого дело? Ну, ничего, это всего лишь техника полицейского допроса.)

— Тетца? Он уже уехал. Кроме того, он вовсе не мой парень.

— В таком случае прошу прощения.

(Весьма одухотворенно.)

— Это просто мой знакомый. Иногда живет у нас в пансионате. Он мировой парень.

Она пожала плечами. Он снова смотрел на ее ноги. Ступни у нее были маленькие, широкие, с прямыми пальцами.

(Мартин Бек Неподкупный, в женщинах его интересует исключительно размер обуви и больше ничего.)

— Ага. А теперь вы едете домой.

(Тактический маневр: изнурить противника.)

— Да, я хотела ехать домой. Летом мне совершенно нечего делать. А у вас какие планы?

— Не знаю.

(Наконец-то, по крайней мере, одно правдивое слово.)

— Вы уже были на горе Геллерт, смотрели, какой вид открывается оттуда? От памятника Освобождения?

— Нет.

— Оттуда весь город виден как на ладони.

— Гм.

— Может, съездим туда? Возможно, там даже будет небольшой ветерок.

— Почему бы и нет? — сказал Мартин Бек.

(Необходимо использовать для наблюдения любую возможность.)

— В таком случае поплывем на том пароходе, который сейчас причаливает. Вы бы все равно поплыли на нем.

Пароход назывался «Ифьюгарда», и построили его наверняка по тем же чертежам, что и тот, на котором он ехал вчера. Однако у этого имелись винты, а труба была сдвинута чуть дальше к корме.

Они стояли у ограждения. Пароход быстро скользил по течению к мосту Маргит. Когда они были под мостовой аркой, она спросила:

— А как тебя, собственно, зовут?

— Мартин.

— А меня Ари. Впрочем, ты уже это знал, хотя и непонятно, откуда.

На это он ничего не ответил, но через минуту спросил:

— Что означает это название, «Ифьюгарда»?

— «Молодая гвардия».

Вид от памятника Освобождения дал все, что она обещала, и даже еще больше. И там действительно был легкий ветерок. Они доехали на пароходе до конечной остановки, до знаменитой гостиницы «Геллерт», немного прошли пешком до холма по улице, названной в

честь Белы Бартока, и наконец сели в автобус, который, рыча мотором, медленно отвез их на вершину холма.

Теперь они стояли на зубце крепостной стены наискосок от памятника. Под ними лежал город, и сотни тысяч окон блестели на позднем дневном солнце. Они стояли так близко друг к другу, что он почувствовал легкое мимолетное прикосновение, когда она пошевелилась. Он поймал себя на том, что впервые за пять дней способен думать о чем-то другом, кроме Альфа Матссона.

— Там внизу музей, в котором я работаю, — сказала она. — Летом он закрыт.

— Ага.

Вниз они шли пешком по крутым дорожкам, серпантином спускающимся к реке, прошли по большому новому мосту и оказались недалеко от его гостиницы. Солнце скользнуло за холм на северо-западе, и над рекой опустились мягкие теплые сумерки.

— Ну, это мы сделали, а что теперь? — сказала Ари Бок.

Они шли по набережной. Она слегка взяла его под руку и беззаботно покачивалась при ходьбе.

— Мы можем поговорить об Альфе Матссоне, — предложил Мартин Бек.

Она бросила на него укоризненный взгляд, но тут же рассмеялась и сказала:

— Что ж, почему бы и нет? Какой он? Понравился бы он мне, если бы я с ним встретилась?

— Вряд ли, — ответил Мартин Бек.

— Почему ты его ищешь? Вы действительно такие друзья?

— Нет, нет. Я… я просто ищу его.

Теперь уже он был почти убежден, что она не лжет ему, и что неясное предчувствие, приведшее его в дом в Уйпеште, было ложным следом. Однако все плохое заканчивается чем-нибудь хорошим, подумал Мартин Бек.

Она слегка держала его под руку и пошла чуть вихляющей походкой, покачивая взад-вперед всем телом.

Они миновали гостиницу и подошли к большому пароходу с разноцветным освещением, который Мартин Бек видел на реке вчера вечером. Пассажиры как раз поднимались на борт.

— Что это за пароход? — спросил Мартин Бек.

— Прогулки при луне. Он плывет отсюда против течения, огибает остров Маргит и потом возвращается. Путешествие длится около часа и стоит очень дешево. Поедем?

Они сели на пароход. Через минуту судне отчалило и едва заметно закачалось на темной воде. Из всех до сих пор сконструированных механических плавучих средств ни одно не движется так мягко, как колесный пароход.

Они стояли над колесом и смотрели, как мимо них проплывают берега. Она прижалась к нему, очень легко, и он теперь убедился в том, что уже заметил раньше. Что под платьем у нее нет бюстгальтера.

На корме играл маленький оркестр и довольно много людей танцевали.

— Хочешь потанцевать? — спросила она.

— Нет, — ответил Мартин Бек.

— Это хорошо. Я тоже не хочу. — Через минуту она добавила: — Но я умею, когда это нужно.

— Я тоже, — сказал Мартин Бек.

Пароход проплыл мимо острова Маргит и Уйпешта, потом развернулся и неслышно заскользил обратно вниз по течению. Они стояли недалеко от трубы и смотрели в открытый

люк в межпалубное пространство. Машина ритмично пульсировала, медные трубопроводы блестели, и наверх поднимался поток теплого воздуха, перемешанного с парами масла.

— Ты уже когда-нибудь ездила на этом пароходе? — спросил он.

— Много раз. В хороший теплый вечер это лучшее, что можно предпринять в этом городе.

Он подумал, что не знает, кто, собственно, эта женщина и как к ней относиться. Это изматывало его еще больше, чем все остальное.

Пароход проплыл мимо гигантского здания парламента, где над средним куполом горела яркая красная звезда; наклонив трубу, проскользнул под мостом с большими каменными львами и пришвартовался к тому же причалу, откуда отплыл.

Когда они шли по трапу на берег, Мартин Бек оглядел набережную. Высокий мужчина с темными зачесанными назад волосами стоял возле кассы. Он снова был в темно-синем костюме и смотрел прямо на них. Через несколько секунд он повернулся и быстро исчез за павильоном с залом ожидания. Девушка следила за взглядом Мартина Бека и внезапно очень осторожно положила левую ладонь на его правую руку.

— Ты видела этого мужчину? — спросил он.

— Да, — кивнула она.

— Знаешь, кто это?

Она покачала головой.

— Нет. А ты знаешь?

— Нет, еще нет.

Мартин Бек почувствовал, что он голоден. Днем он поел, а теперь, пожалуй, было поздновато и для ужина.

— Ты не хочешь поужинать со мной? — сказал он.

— Где?

— В гостинице.

— А туда можно идти в этом платье?

— Думаю, можно.

Он чуть не добавил:

— Мы ведь не в Швеции.

В ресторане и снаружи перед открытыми окнами еще сидело много людей. Вокруг ламп танцевал рой мошек.

— Маленькие комарики, — сказала она. — Они не кусаются. А когда они исчезнут, лето закончится. Ты знал это?

Еда была прекрасная, как всегда, вино тоже. Она явно проголодалась и ела со здоровым молодым аппетитом. Потом сидела молча и слушала музыку. За кофе они закурили и пили какой-то вишневый ликер, который имел привкус шоколада. Погасив сигарету в пепельнице, она как бы случайно провела кончиками пальцев по его руке. Через минуту повторила маневр, и сразу после этого он почувствовал, как она под столом поставила стопу ему на подъем ноги. Босоножки она, очевидно, сняла.

Вскоре она убрала руку и ногу и пошла в туалет.

Мартин Бек задумчиво тер лоб пальцами правой руки. Потом потянулся через стол и взял в руку нейлоновую сетку, которую она положила на соседний стул. Он засунул руку в сетку, вытащил купальник и потрогал его. Купальник оказался совершенно сухим, даже вдоль швов и под резиновым пояском. Настолько сухим, что за последние двадцать четыре часа вряд ли мог приходить в соприкосновение с водой. Он сложил купальник и аккуратно

положил сетку на место. Задумчиво грыз сустав указательного пальца. Естественно, это может ничего не означать. Кроме того, что он продолжает вести себя, как абсолютный тупица.

Она вернулась, села, улыбнулась ему, закинула ногу на ногу, закурила и слушала венские мелодии.

— Как прекрасно, — вздохнула она.

Он кивнул.

Ресторан начинал понемногу пустеть, официанты стояли группками и весело разговаривали о чем-то. Оркестр завершил вечернюю программу «Дунайскими волнами». Она взглянула на часы.

— Мне, пожалуй, уже пора идти, — сказала она.

Он размышлял. На первом этаже был бар с музыкой, что-то вроде ночного клуба, но заведения подобного сорта вызывали у него такое отвращение, что он заставлял себя входить в них лишь по неотложной служебной обязанности. Можно ли считать, что это тот самый случай?

— Как ты доберешься домой? — спросил он. — На пароходе?

— Нет, последний пароход уже ушел. Я поеду трамваем от гостиницы. Так даже будет быстрее.

Он все еще размышлял. Ситуация, несмотря на кажущуюся простоту, была довольно сложной. Почему, этого он, конечно, не знал.

Он выбрал возможность вообще ничего не говорить и ничего не делать. Музыканты сдержанно кланялись и исчезали по одному. Она снова взглянула на часы.

— Ну, так я уже пойду, — сказала она.

В вестибюле им поклонился ночной портье. Швейцар предупредительно придержал им дверь.

Они стояли на тротуаре, одни в теплом ночном воздухе. Она сделала полшага вперед, остановилась чуть наискосок от него и поставила правую ногу между его ног. Приподнялась на цыпочки и поцеловала его. Сквозь платье он явственно ощущал ее грудь, живот, колени и бедра. Она едва дотянулась до него.

— Ну ты и верзила, — сказала она.

Она пружинисто и легко опустилась и осталась стоять в нескольких сантиметрах от него.

— Спасибо за компанию, — сказала она. — Скоро увидимся. Пока.

И она ушла. Повернула голову, посмотрела на него и помахала правой рукой. Сетка с купальником колотилась об ее ногу.

— Спокойной ночи, — сказал Мартин Бек.

Он вернулся в вестибюль, взял ключ и пошел в номер. Там был тяжелый воздух, и он сразу же открыл окно. Снял рубашку, туфли и пошел в ванную ополоснуться холодной водой. Больше чем когда-либо он чувствовал себя абсолютным тупицей.

«У меня с головой что-то не в порядке, — подумал он. — Просто повезло, что меня никто не видит».

В этот момент раздался тихий стук в дверь. Ручка повернулась, и в номер вошла она.

— Я прокралась, — сказала она. — Меня никто не видел.

Она быстро и тихо закрыла за собой дверь, сделала два шага в номер, бросила на пол сетку и сняла босоножки. Он смотрел на нее. У нее был совершенно другой взгляд, глаза затуманены, словно их покрывала какая-то пленка. Она наклонилась со скрещенными руками, ухватилась за подол платья и одним быстрым гибким движением потянула его через голову. Под платьем на ней ничего не было. Собственно, во всем этом не было ничего

удивительного. Очевидно, она имела привычку загорать всегда в одном и том же купальнике, потому что по груди и ниже живота тянулись резко очерченные полосы, которые на фоне темно-коричневой кожи казались белыми, как мел. Она была похожа на цветную геометрическую пирамиду.

Унылые годы в полиции нравов выработали у Мартина Бека иммунитет против провокаций такого рода. И хотя это, возможно, вовсе не была провокация в буквальном смысле слова, он знал, что с такой ситуацией справится намного легче, чем с той, которая полчаса назад раздражала его в ресторане. Еще до того, как она успела снять платье через голову, он положил руку ей на плечо и сказал:

— Секундочку.

Она опустила платье чуть ниже и посмотрела на него из-за подола затуманенными карими глазами, которые ничего не видели и ничего не понимали. Ей уже удалось высвободить из платья левую руку. Она протянула руку к нему и схватила его за правое запястье.

Мартин Бек вырвал руку, подошел к двери в коридор, открыл ее и на своем самом лучшем школьном немецком языке сказал:

— Пожалуйста, оденьтесь.

Она испуганно замерла, как тогда, когда он постучал в ее дверь в Уйпеште. Потом послушалась.

Он надел рубашку, сунул ноги в туфли, поднял с пола сетку, мягко взял ее за руку чуть повыше локтя и вывел в вестибюль.

— Вызовите такси, — сказал он ночному портье.

Машина приехала почти мгновенно. Он открыл дверцу, но когда хотел помочь ей сесть, она в ярости выдернула свою руку.

— Я расплачусь, — сказал он.

Она посмотрела на него. Мутная пленка уже исчезла. Пациент выздоровел. Взгляд был ясный, мрачный и ненавидящий.

— Черта с два ты расплатишься, — прошипела она. — Поезжайте.

Она захлопнула дверцу, и автомобиль уехал. Мартин Бек огляделся вокруг. Уже было далеко за полночь. Он побрел по набережной вниз по течению реки и вышел на новый мост, который был совершенно пуст, если не считать ночного трамвая. Посередине моста он остановился и облокотился на балюстраду. Он смотрел на темную, тихо текущую воду. Было тепло, пустынно и тихо. Идеальные условия, чтобы поразмышлять, если бы только человек знал, о чем он должен, собственно, размышлять. Через минуту он вышел из задумчивости и вернулся в гостиницу. Ари Бок уронила в номере сигарету с красным фильтром. Он поднял ее с пола и закурил. Она оказалась отвратительной, и он выбросил ее в окно.

XII

Когда зазвонил телефон, Мартин Бек лежал в ванне.

Утром он проснулся так поздно, что ему уже не хватило завтрака, а перед обедом отправился ненадолго прогуляться по набережной. Солнце пекло еще сильнее, чем в прошлые дни, и даже внизу у реки воздух был абсолютно неподвижным. Вернувшись в гостиницу, он решил, что гораздо более еды ему требуется срочно выкупаться и что обед может подождать. Теперь он лежал в тепловатой воде и слушал, как телефон коротко и раздраженно трезвонит.

Он вылез из ванны, завернулся в банную простыню и взял трубку.

— Герр Бек?

— Да.

— Не сердитесь, что я не называю по телефону вашу должность. Вы, конечно, понимаете, что это исключительно… так сказать… меры предосторожности.

Звонил молодой человек из посольства. Мартин Бек подумал, ради кого, собственно, принимаются меры предосторожности, если и в гостинице, и Слуке известно, что он из полиции, однако ответил:

— Да, конечно.

— Как ваши успехи? Есть положительные сдвиги?

Мартин Бек сбросил банную простыню на пол и сел на спинку кровати.

— Нет, — ответил он.

— Вы вообще не обнаружили никаких следов?

— Нет, — сказал Мартин Бек.

Минуту было тихо, потом он добавил:

— Я разговаривал с их полицией.

— По моему мнению, это был очень неразумный шаг, — заявил человек из посольства.

— Возможно, — сказал Мартин Бек. — Но я не мог избежать этого. Дело в том, что меня сам разыскал господин, которого зовут Вильмош Слука.

— Майор Слука? Что ему было нужно?

— Ничего. В принципе, он сказал мне абсолютно то же самое, что уже до этого сказал вам. Что не видит причины, по которой он должен заниматься этим делом.

— Да, понимаю. Что вы намерены предпринять теперь?

— Пойти пообедать, — ответил Мартин Бек.

— Я имел в виду — предпринять по этому делу.

— Этого я не знаю.

Наступила пауза. Потом молодой человек сказал:

— Ну, ладно, если что-нибудь случится, вы знаете, куда нужно позвонить.

— Да.

— Тогда до свидания.

— До свидания.

Мартин Бек положил трубку, пошел в ванную и вывернул пробку из ванны. Потом оделся, спустился на первый этаж и уселся под маркизой на тротуаре, где заказал обед.

Даже в тени под маркизой стояла невыносимая жара. Он ел медленно и большими глотками пил холодное пиво. Его охватывало неприятное чувство, что за ним постоянно кто-то наблюдает. Темноволосого дылды он нигде не видел, но все же у него было ощущение, что его все время кто-то где-то подкарауливает.

Он оглядел людей вокруг себя. Это были обычные дневные посетители, в основном, такие же иностранцы, как и он, и люди, живущие в гостинице. Он слышал обрывки разговоров, главным образом, по-немецки и по-венгерски, а также по-английски и еще на каком-то языке, который он не смог определить.

Внезапно он услышал, как у него за спиной кто-то говорит: „Knäckebröd“[9]. Он обернулся и у открытого окна в ресторане увидел двух дам, вне всяких сомнений, шведок.

Он услышал, как одна из них говорит:

— Ну да, это я тоже всегда вожу с собой. И туалетную бумагу. Иностранная бумага бывает такая скверная. Если она вообще у них есть.

— Да, действительно, — сказала другая дама. — Я припоминаю, как мы однажды в Испании…

Мартин Бек не испытывал ни малейшего желания слушать эту типично шведскую беседу и предпочел сосредоточиться на том, чтобы установить, кто из его окружения получил теперь задание следить за ним.

Он долго подозревал какого-то пожилого мужчину, который сидел недалеко спиной к нему и время от времени посматривал в его сторону. Однако мужчина вскоре встал, поставил на тротуар маленького мохнатого песика, которого до этого держал на коленях, и исчез за углом гостиницы. Песик семенил за ним.

Когда Мартин Бек поел и выпил чашечку местного крепкого кофе, был уже почти полдень. Несмотря на духоту и жару, он прошел часть пути в город пешком и старался все время держаться в тени. Он выяснил, что управление полиции находится всего лишь в нескольких кварталах от гостиницы, и ему не составило ни малейшего труда отыскать его.

На ступеньках, где, по словам Слуки, нашли ключ от гостиничного номера, стоял полицейский в серо-синей униформе и вытирал пот со лба.

Мартин Бек прошел мимо здания и вернулся другой дорогой. У него все время было неприятное чувство, что кто-то наблюдает за ним.

Для него это было что-то совершенно новое. За те двадцать три года, что он служил в полиции, ему уже бессчетное количество раз приходилось следить и наблюдать за подозрительными особами. Но только теперь он впервые ясно понял, что это значит, когда за тобой следят. Знать, что ты находишься под непрерывным надзором, что кто-то наблюдает за каждым твоим движением, что кто-то постоянно держит тебя в поле зрения и следит за каждым твоим шагом.

Мартин Бек пошел в свой гостиничный номер и оставался там в относительной прохладе до конца дня. Он сидел за столом, перед ним лежал лист бумаги, и он старался отметить все, что знает о деле Альфа Матссона.

В конце концов он разорвал бумагу на мелкие кусочки и смыл ее в унитазе. Он знал об этом так ничтожно мало, что просто смешно было пытаться это записывать. Ему вовсе не составит никакого труда удержать это в памяти. Мартин Бек подумал, что в самом деле знает не больше, чем мог бы вместить мозг креветки.

Солнце садилось и окрашивало реку в красный цвет, короткие сумерки незаметно перешли в мягкую бархатную темноту, а с темнотой пришли первые слабые порывы прохлады от холмов над рекой.

Мартин Бек стоял у окна и смотрел, как легкий вечерний ветерок вызывает рябь на водной глади реки. Под деревом наискосок от его окна стоял какой-то мужчина. В слабом огоньке прикуриваемой сигареты Мартину Беку показалось, что он узнает темноволосого верзилу. Он почувствовал облегчение оттого, что видит его там, и оттого, что теперь у него уже нет неясного подсознательного чувства, что темноволосый где-то поблизости.

Он переоделся и спустился в ресторан поужинать. Он старался есть как можно медленнее, потом еще дважды заказал палинки и только после этого встал и пошел обратно в номер.

Вечерний ветерок затих, река была черная и гладкая, а жара снаружи угнетала так же, как и внутри, в номере.

Мартин Бек оставил жалюзи и окно открытыми и раздвинул занавески. Потом разделся и лег в скрипящую постель.

XIII

На самом деле духота и жара становятся еще невыносимее после захода солнца. Тот, кто привычен к жаре и знает, как от нее защищаться, закрывает окна и задергивает занавески. Как и большинство северян, Мартин Бек не имел об этом ни малейшего понятия. Он раздвинул занавески, распахнул окна настежь, лежал в темноте и ждал, когда придет

ночная прохлада. Прохлада не приходила. Он включил лампу на ночном столике и попытался читать. Это тоже не особенно получалось. У него, впрочем, в ванной была коробочка со снотворным, однако ему не хотелось прибегать к чему-то подобному. Прошел целый день, а он не совершил ни одного положительного поступка, так что теперь необходимо было попытаться взбодриться и придумать что-нибудь полезное, чем он мог бы заполнить следующий день. Если принять снотворное, то будешь ходить как в дурмане все утро до полудня; это он знал по собственному опыту.

Он встал и подошел к открытому окну. Никакой разницы он не почувствовал. Воздух был неподвижен, не доносилось даже ни одного порыва раскаленного воздуха из пушты[10], где бы она ни была. Город словно не мог перевести дыхание, впал в кому, потерял сознание от жары. Через пару минут на противоположном берегу реки появился одинокий желтый трамвай. Он медленно ехал по мосту Эржебет, грохот колес по рельсам ширился и усиливался под мостовыми арками и медленно-медленно исчезал над водой. Даже с такого большого расстояния он видел, что трамвай пуст. Двадцать четыре часа назад он стоял на мосту и размышлял о своем удивительном приключении с женщиной из Уйпешта. Тогда он потратил время не напрасно.

Он надел брюки и тенниску и вышел из номера. За стойкой с ключами никого не было. На улице тронулась с места зеленая «шкода» и неохотно, медленно повернула за угол. Влюбленные в автомобилях повсюду одинаковы. Он медленно шел по набережной мимо нескольких спящих пароходов, миновал памятник Петефи и вышел на мост. Там было тихо и пустынно, как и прошлой ночью, и, в отличие от многих улиц в городе, мост был ярко освещен. Он снова остановился посредине моста, облокотился на ограждение и принялся смотреть на воду. Под ним медленно проплыл буксир. На значительном расстоянии за ним следовали четыре баржи, которые буксир тащил в сцепке по две; баржи тихо скользили по воде, все огни на них были погашены, и они выделялись чуть более темными силуэтами на фоне ночи.

Пройдя еще несколько метров, он услышал на тихом мосту эхо своих собственных шагов. Он прошел еще немного и снова услышал эхо. Ему показалось, что звук длится слишком долго. Он некоторое время стоял без движения и прислушивался, однако ничего не услышал. Потом быстро прошел еще около двадцати метров и резко остановился. Он снова услышал звук, и теперь ему показалось, что звук раздался слишком поздно для настоящего эха. Он как можно тише пересек проезжую часть моста и оглянулся. Было абсолютно тихо. Никакого движения. На мост со стороны Пешта въехал трамвай и сделал невозможным дальнейшее наблюдение. Мартин Бек продолжил свой путь по мосту. Наверное, у него мания преследования. Если у кого-то хватает энергии и средств, чтобы следить за ним в столь позднее ночное время, это наверняка не кто иной, как полиция. На этом он посчитал проблему решенной. Если, конечно…

Мартин Бек был уже почти в самом конце моста у подножья горы Геллерт, когда мимо него прогрохотал трамвай. К одному окну прислонился единственный пассажир, спящий с открытым ртом.

Он дошел до лестницы, ведущей с этой стороны моста на набережную, и начал спускаться по ней. Ему казалось, что на фоне медленно стихающего грохота трамвая он услышал, как где-то поблизости останавливается автомобиль, но на каком расстоянии и в каком направлении, не смог определить.

Мартин Бек спустился на набережную. Он быстро и тихо шел вниз по течению реки от моста и остановился, когда мост уже не был виден. Он обернулся, стоял и прислушивался. Ничего не увидел и не услышал. На мосту, вероятнее всего, никого не было, однако это не было решающим. Если кто-то следил за ним с противоположного берега, этот кто-то преспокойно мог перейти через мост и спуститься по лестнице с другой стороны. Он был уверен, что по лестнице с его стороны не спустился никто, кроме него.

Те немногочисленные звуки, которые он слышал теперь, принадлежали автомобилям, проезжающим по улицам где-то очень далеко. В непосредственной близости от него было абсолютно тихо. Он улыбнулся в темноте. Теперь он уже убедился, что за ним никто не следил, однако игра начинала его развлекать и в глубине души ему хотелось, чтобы с другой стороны моста на этом берегу стоял какой-нибудь человек. Он в совершенстве знал эту работу, и ему было ясно, что тот, кто, возможно, спустился по лестнице на другую сторону моста, не может рисковать и подниматься наверх, чтобы пересечь проезжую часть моста и спуститься по лестнице с другой стороны.

Под мостом вдоль набережной тянулись параллельно друг другу две проезжие части. Внутренняя возвышалась приблизительно на полтора метра над набережной, с которой вели ступеньки к воде. Между двумя проезжими частями стоял низкий каменный барьерчик. Кроме того, чуть выше в мостовом быке был еще проход для пешеходов. Однако ни одним из этих путей его вероятный «хвост» не мог воспользоваться, если, конечно, хорошо знал свое дело. Если бы он попытался пройти под мостом, у него за спиной оказался бы свет, в котором его сразу же можно было увидеть. Следовательно, у него оставался один выход: обогнуть по широкой дуге все предмостье, пересечь все подъездные рампы и спуститься на набережную как можно ниже по течению реки. Конечно, это заняло бы у него очень много времени и если бы он рискнул и побежал, то преследуемый, в данном случае старший криминальный ассистент Мартин Бек из Стокгольма, мог бы тем временем спокойно исчезнуть, в принципе, в каком угодно направлении.

Конечно, было очень неправдоподобно, что за ним вообще кто-то следит, а кроме того, все это время Мартин Бек намеревался пойти вдоль воды против течения и вернуться к гостинице по другому мосту. Он оставил свой наблюдательный пост в темноте и направился в среднем темпе против течения. Он шел по тротуару на внутренней стороне улицы, прошел под мостом и продолжил путь вдоль барьерчика в двух метрах над уровнем набережной. Гостиница стояла на противоположном берегу, она была совершенно темна, если не считать двух освещенных прямоугольников — окон его собственного номера. Он сел на низкий каменный барьерчик и закурил сигарету.

На улице стояли большие жилые дома, построенные еще в начале века. Перед ними были припаркованы автомобили. Жалюзи на окнах домов были опущены и везде темно. Мартин Бек сидел и прислушивался к тишине вокруг. Он по-прежнему был настороже, хотя и не осознавал этого.

На противоположной стороне улицы заработал мотор автомобиля. Мартин Бек пробежал взглядом по веренице стоящих автомобилей, однако не смог точно определить, где именно раздался звук мотора. Мотор тихо стучал на холостом ходу. Это длилось около тридцати секунд. Потом он услышал, как водитель включает передачу. Загорелись габаритные огни. В пятидесяти метрах от него из тени выехал автомобиль. Он ехал навстречу Мартину Беку, но не по противоположной стороне улицы, и ехал очень медленно. Это была темно-зеленая «шкода», и ему показалось, что он ее уже где-то видел. Автомобиль приближался. Мартин Бек сидел на барьерчике и смотрел на него. Недалеко от него автомобиль начал поворачивать влево, словно водитель хотел развернуться. Однако разворот он не закончил, автомобиль ехал еще медленнее чем раньше и приближался к Мартину Беку. Наверное, кто-то хочет поговорить с ним. Однако избранный им для этого способ казался в высшей степени странным. Вряд ли водитель хочет наехать на него, при такой скорости это сделать не удастся, и, кроме того, он всегда успеет перепрыгнуть через барьерчик и спрятаться, если в этом возникнет необходимость. В автомобиле был только один человек, если, конечно, кто-нибудь не прятался на заднем сиденье.

Мартии Бек погасил сигарету. Он совершенно не испытывал страха, но ему было очень любопытно, что произойдет дальше.

Зеленая «шкода» чиркнула правым передним колесом о бордюр тротуара метрах в трех от Мартина Бека и остановилась; мотор продолжал работать. Водитель переключил фары, и все утонуло в море света. Это продолжалось всего лишь несколько секунд, потом фары погасли. Открылась дверца, и водитель вышел на тротуар.

Мартин Бек видел его достаточно часто и тут же узнал, несмотря на фокус со светом. Верзила с темными зачесанными назад волосами. В руках у него ничего не было. Он сделал шаг в направлении Мартина Бека. Мотор тихо гудел.

Мартин Бек кое-что заметил. Это была не тень, не какой-то звук, а всего лишь ничтожное движение где-то наискосок у него за спиной. Настолько ничтожное, что он почувствовал его только благодаря ночной тишине.

Мартин Бек знал, что на барьерчике он уже не один, что автомобиль отвлек его внимание, а тем временем к нему кто-то потихоньку приблизился снизу по набережной и прыгнул на барьерчик прямо за ним.

И в это мгновение он впервые совершенно ясно понял, что это вовсе не слежка, не игра и что это серьезно. И даже более того. Что это смерть и что на этот раз она пришла за ним. И что это не случайность, а хладнокровный замысел.

Мартин Бек вовсе не умел драться, но обладал удивительной быстротой реакции. Почувствовав у себя за спиной легкое движение воздуха, он мгновенно втянул голову в плечи, уперся правой ногой в барьерчик, оттолкнулся, повернулся и бросился назад, и все это сделал одним молниеносным движением. Рука, которая собиралась обхватить его за шею, ударила его по переносице, бровям и лбу. На лице он почувствовал горячее сбивчивое дыхание и краешком глаза заметил, как в воздухе блеснуло лезвие ножа, который не поразил цель. Он упал на спину на набережную, ударился левым плечом о каменные плиты и перекатился, чтобы тут же вскочить на ноги и занять устойчивую позицию. На фоне звездного неба он увидел две фигуры на каменном барьерчике. Потом там осталась только одна фигура. Он еще стоял на коленях на каменных плитах набережной, а тот, другой, с ножом снова шел на него. Левая рука у него онемела от падения на набережную, но зато у него была более выгодная позиция, так как он находился ниже и в темноте, а контуры нападавшего четко вырисовывались на светлом фоне. Человек с ножом снова промахнулся, и Мартину Беку удалось схватить его за правое запястье. Он схватил его не очень крепко, и запястье оказалось невероятно сильным, однако он держал нападавшего изо всех сил, потому что понимал, что это его единственная надежда. Они стояли друг против друга какую-то десятую долю секунды, но Мартин Бек заметил, что нападавший меньше него, но с гораздо более широкими плечами. Он автоматически провел старый-старый захват, разученный еще в полицейской школе, и ему удалось повалить противника. Ошибка состояла в том, что он не решался отпустить руку с ножом и поэтому противник увлек его на землю вместе с собой. Они перекатились и оказались очень близко к краю набережной, где начиналась лестница, ведущая вниз к воде. Левая рука обрела способность кое-как двигаться, и Мартину Беку удалось схватить противника и за другое запястье. Однако нападавший был сильнее него и постепенно получал преимущество. Сильный пинок в голову напомнил Мартину Беку, что он слабее не только физически, но также и арифметически. Он лежал на спине, а лестница была так близко, что он уже ощущал ногами первую ступеньку. Мужчина с ножом сопел ему в лицо. От мужчины пахло потом, лосьоном после бритья и мятными конфетами. Он медленно и неумолимо выкручивал правую руку, чтобы вырвать ее из захвата.

А Мартин Бек чувствовал, что ему пришел конец или вот-вот придет. Перед глазами у него пульсировали, как в тумане, цветные круги, сердце в груди становилось все больше и больше: словно сине-красная опухоль, готовая лопнуть в любую минуту. В голове у него грохотало так, словно там находилась камнедробилка. Ему казалось, что он слышит ужасный рев, выстрелы, пронзительный вой и видит, как мир исчезает в ослепительном белоснежном

сиянии, уничтожающем все формы жизни. Его последней сознательной мыслью было, что он умрет здесь, на набережной, в чужом городе, наверное, точно так же, как умер Альф Матссон, и не будет знать почему.

Последним рефлекторным движением Мартин Бек захватил обеими руками правое запястье противника, одновременно оттолкнулся ногой и перекатил себя и его через край набережной. Ударился головой о вторую ступеньку и потерял сознание.

Мартин Бек открыл глаза, и ему показалось, что прошла целая вечность или, по крайней мере, очень много времени. Все было залито белым светом. Он лежал на спине, повернув голову, правым ухом на каменной плите. Первое, что он увидел, была пара начищенных до зеркального блеска черных туфель, которые закрывали ему обзор. Он повернул голову и устремил взгляд вверх.

Слука, в сером костюме и по-прежнему в смешной охотничьей шляпе на голове, сказал:

— Добрый вечер.

Мартин Бек оперся на локоть и приподнялся. Море света давали два полицейских автомобиля, один из которых стоял на набережной, а другой подъехал вплотную к каменному барьерчику на улице над набережной. В трех шагах позади Слуки стоял полицейский в фуражке, черных высоких ботинках и серо-синей униформе. В правой руке он держал черную резиновую дубинку и задумчиво смотрел на человека, лежащего у его ног. Это был Тетц Радебергер, блондин, который щелкнул резинкой купальника Ари Бок в пансионате в Уйпеште. Теперь он лежал на спине, без сознания, а лицо и волосы у него были в крови.

— А тот, другой, — спросил Мартин Бек, — где он?

— Чуть дальше, — ответил Слука. — Нам пришлось стрелять. Аккуратно. Ему попали в икру.

В жилых домах были открыты окна и люди с любопытством глазели на набережную.

— Лежите спокойно, — сказал Слука, — машина скорой помощи сейчас приедет.

— В этом нет необходимости, — сказал Мартин Бек и начал вставать.

Прошло ровно три минуты и пятнадцать секунд с того момента, как он, сидя на барьерчике, почувствовал движение воздуха у себя за головой.

XIV

Автомобиль был сине-белой «варшавой» модели 1962 года с синей мигалкой на крыше и сиреной, которая сдержанно и жалостно ревела на пустынных ночных улицах. На широкой белой полосе на передних дверцах большими буквами было написано «REND ŐRSEG». По-венгерски это значит «полиция».

Мартин Бек сидел на заднем сиденье рядом с полицейским в униформе. Слука находился впереди рядом с водителем.

— Вы прилично орудовали, — сказал Слука. — Это довольно опасные субъекты.

— Кто обезвредил Радебергера?

— Тот, кто сидит рядом с вами, — ответил Слука.

Мартин Бек посмотрел на своего соседа. У полицейского были узенькие черные усики, карие глаза и участливый взгляд.

— Он говорит только по-венгерски, — добавил Слука.

— Как его зовут?

— Фоти.

Мартин Бек протянул руку.

— Спасибо, Фоти.

— Ему пришлось немного поднажать, — улыбнулся Слука. — Времени было не так уж и много.

— Просто счастье, что вы подоспели вовремя.

— Мы всегда поспеваем вовремя, — сказал Слука. — Мы опаздываем только в анекдотах и кинокомедиях.

Они подъехали к управлению полиции на площади Ференца Деака.[11]

Автомобиль въехал в бетонированный двор и остановился. Мартин Бек пошел со Слукой наверх к нему в кабинет. Кабинет оказался очень просторным, одну стену полностью закрывал огромный план Будапешта, а в остальном он напоминал его собственный кабинет дома, в Стокгольме. Слука повесил охотничью шляпу на крючок и показал на стул. Он открыл рот, однако прежде чем успел сказать что-нибудь, зазвонил телефон. Слука подошел к письменному столу и взял трубку. Мартину Беку казалось, что он слышит быстрый поток слов. Он продолжался довольно долго. Слука время от времени отвечал односложными словами. Через минуту он взглянул на часы, вспылил, быстро, словно пулемет, выпалил несколько слов и положил трубку.

— Жена, — пояснил он.

Он подошел к плану и, стоя спиной к Мартину Беку, принялся изучать северную часть города.

— Быть полицейским — это не занятие, — сказал Слука. — Это даже не профессия. Это скорее проклятие.

Через несколько секунд он повернулся к Мартину Беку и сказал:

— Я, конечно, говорил не всерьез. Просто иногда я так выражаюсь. Вы женаты?

— Да, женат.

— В таком случае вы меня понимаете.

Вошел полицейский в униформе, держа в руке поднос с двумя чашечками кофе. Они пили. Слука поглядывал на часы.

— Сейчас мы производим там домашний обыск. Мы уже должны были вот-вот закончить это дело.

— Как вам удалось поспеть вовремя? — спросил Мартин Бек.

Слука ответил то же, что и в автомобиле:

— Мы всегда поспеваем вовремя.

Потом улыбнулся и добавил:

— Вы говорили, что мы следим за вами. Естественно, за вами следили не мы. Зачем нам было это делать?

Мартин Бек с виноватым видом тер нос.

— У людей буйное воображение, — сказал Слука. — Но только не у полицейских. Мы начали наблюдать за тем мужчиной, который следил за вами. Американцы называют это „backtailing“[12], если мне не изменяет память. Ну, а сегодня — вернее, уже вчера — днем наш человек установил, что за вами следят двое. Ему показалось это странным, и он забил тревогу. Вот и все.

Мартин Бек кивнул. Слука задумчиво смотрел на него.

— Однако события все же развивались так динамично, что нам пришлось поторопиться, чтобы успеть.

Он сделал глоточек кофе и осторожно поставил чашечку на стол.

— Backtailing, — медленно повторил он, словно смаковал это слово. — Вы бывали когда-нибудь в Америке?

— Нет.

— Я тоже.

— Я сотрудничал с ними при расследовании одного дела два года назад. С неким Кафкой.

— Это похоже на чешскую фамилию.

— В Швеции убили одну американскую туристку. Отвратительное преступление. Дело было очень запутанное.

Слука долго ничего не говорил. Потом вдруг спросил:

— И как оно закончилось?

— Хорошо, — ответил Мартин Бек.

— Об американской полиции я только читал. У них там странная организация. Почти непонятная.

Мартин Бек кивнул.

— Кроме того, у них куча работы, — продолжил Слука. — В Нью-Йорке за один день совершают столько убийств, сколько у нас их бывает во всей стране за целый год.

В кабинет вошел полицейский в униформе с двумя звездочками на погонах. Он о чем-то посовещался со Слукой, потом отдал честь Мартину Беку и вышел. В тот момент, когда он открыл дверь, мимо прошла по коридору Ари Бок в сопровождении полицейского. На ней было то же самое белое платье и босоножки, что и накануне, но через плечо был переброшен шарф. Она бросила на Мартина Бека пустой мимолетный взгляд.

— В Уйпеште ничего интересного, — сказал Слука. — Теперь они разбирают автомобиль. Когда Радебергер придет в сознание, а тому, другому, перевяжут раненую ногу, я взгляну на них. Я по-прежнему кое-что не понимаю.

Он молчал и казался беспомощным.

— Но все это быстро выяснится, — добавил он.

Зазвонил телефон, и какое-то время Слука был занят. Мартин Бек не понимал ничего из того, что он говорил, лишь время от времени слышал слова «свед» и «Сведорсадь», что, как он знал, означало «шведский» и «Швеция». Слука положил трубку и сказал:

— Это дело должно быть как-то связано с этим вашим соотечественником, Матссоном.

— Да, понятно.

— Кстати, девушка вам солгала. Она не учится в вузе и не работает ни в каком музее. Похоже, она вообще ничего не делает. К соревнованиям по плаванию ее не допускали, потому что она плохо себя вела.

— Какая-то связь здесь должна быть.

— Гм… но какая? Ладно, поглядим.

Слука пожал плечами. Мартин Бек ерзал на стуле, пытаясь поудобнее устроить свое разбитое тело. У него болели плечи и руки, да и голова что-то не очень хорошо соображала. Он чувствовал ужасную усталость и мог думать лишь с большими усилиями, однако не хотел возвращаться в гостиничный номер и ложиться спать.

Телефон снова зазвонил. Слука слушал, нахмурив брови, потом просиял.

— Это дело начинает проясняться, — сказал он. — Мы кое-что нашли. Кроме того, одного из них уже можно допросить. Кстати, его фамилия Фрёбе. Что ж, поговорим с ним. Пойдете со мной?

Мартин Бек начал с трудом подниматься.

— Может, вам лучше немного отдохнуть?

— Нет, спасибо, — сказал Мартин Бек.

XV

Слука сел за письменный стол и положил руки на столешницу. У его правого локтя лежал зеленый паспорт.

У высокого мужчины, сидящего на стуле напротив Слуки, были темные круги под глазами. Мартин Бек знал, что в последние дни этот человек не имел возможности как следует выспаться. Он сидел выпрямившись и смотрел на свои руки, сложенные на коленях.

Слука кивнул стенографу и начал допрос.

— Ваше имя?

Мужчина поднял глаза и посмотрел на Слуку.

— Теодор Фрёбе.

С.: Когда и где родились?

Ф.: Двадцать первого апреля одна тысяча девятьсот тридцать шестого года в Гамбурге.

С.: Вы западногерманский подданный. Где вы живете?

Ф.: В Гамбурге. Германштрассе, 12.

С.: Ваше занятие?

Ф.: Экскурсовод. Вернее — служащий туристического бюро.

С.: Какого именно?

Ф.: Винклербюро.

С.: Где вы проживаете в Будапеште?

Ф.: В одном пансионате в Уйпеште. Венетианер ут, шесть.

С.: С какой целью вы находитесь в Будапеште?

Ф.: Я представляю здесь свое туристическое бюро и обслуживаю экскурсионные группы, которые приезжают сюда.

С.: Сегодня ночью вас и мужчину по имени Тетц Радебергер задержали на месте преступления, когда вы на набережной Петру Гроза[13] напали на человека. Вы оба были вооружены и, что совершенно очевидно, намеревались нанести этому человеку телесные повреждения или убить его. Вы знаете этого человека?

Ф.: Нет.

С.: Вы уже когда-нибудь видели его?

Молчание.

С.: Отвечайте.

Ф.: Нет.

С.: Вы знаете, кто он?

Ф.: Нет.

С.: Вы не знаете его, никогда не видели его и вам неизвестно, кто он такой. Почему вы напали на него?

Молчание.

С.: Объясните, почему вы напали на него.

Ф.: Мы… нам нужны были деньги и…

С.: И..?

Ф.: Мы заметили его там, на этой набережной и…

С.: Вы лжете. Будьте столь любезны и прекратите мне лгать, это ничего вам не даст. Вы запланировали это нападение и были вооружены. Кроме того, вы лжете, что никогда раньше не видели его. Вы следили за ним уже более двух дней. Почему? Отвечайте!

Ф.: Мы думали, что это кое-кто другой.

С.: Кто?

Ф.: Кое-кто, кто… кое-кто, кто…

С.: Кое-кто, кто..?

Ф.: Кто должен нам деньги.

С.: И поэтому вы следили за ним, а потом напали на него?

Ф.: Да.

С.: Я уже один раз предупреждал вас. Лгать с вашей стороны очень неразумно. Я прекрасно знаю, когда вы лжете. Вы знаете шведского подданного по имени Альф Матссон?

Ф.: Нет.

С.: Ваши приятели Радебергер и Бок уже показали, что вы его знали.

Ф.: Я плохо его знаю. Забыл, как его звали.

С.: Когда вы видели Альфа Матссона последний раз?

Ф.: Кажется, в мае.

С.: Где вы с ним встретились?

Ф.: Здесь, в Будапеште.

С.: И с тех пор вы его не видели?

Ф.: Нет.

С.: Три дня назад этот господин был у вас в пансионате и спрашивал об Альфе Матссоне. После этого вы следили за ним, а сегодня ночью попытались его убить. Почему?

Ф.: Нет, нет, только не убить!

С.: Почему?

Ф.: Мы не пытались его убить!

С.: Однако вы напали на него. Разве не так? Причем вы были вооружены ножами.

Ф.: Да, но все это произошло по ошибке. К тому же с ним ведь ничего не случилось. Никто ведь не нанес ему повреждений. Вы не имеете права допрашивать меня здесь в таком тоне.

С.: Как давно вы знакомы с Альфом Матссоном?

Ф.: Около года. Точно не помню.

С.: А как вы познакомились?

Ф.: У одной общей знакомой здесь, в Будапеште.

С.: Как зовут вашу знакомую?

Ф.: Ари Бок.

С.: С тех пор вы часто встречались с ним?

Ф.: Несколько раз. Не очень часто.

С.: Вы встречались каждый раз здесь, в Будапеште?

Ф.: Мы также встречались в Праге. И в Варшаве.

С.: И в Братиславе?

Ф.: Да.

С.: И в Констанце?

Молчание.

С.: Ну?

Ф.: Да.

С.: Как это объяснить? То, что вы встречались во всех больших городах, где никто из вас не живет.

Ф.: Я много путешествую. У меня такая работа. Он тоже много путешествовал. Ну, вот мы и встречались.

С.: С какой целью вы встречались?

Ф.: Просто так, встречались, и все. Мы хорошие друзья.

С.: Сейчас вы мне говорите, что уже год встречаетесь По меньшей мере в пяти разных городах, потому что вы хорошие друзья. Минуту назад вы утверждали, что знаете его очень плохо. Почему вы не хотели сказать, что знаете его?

Ф.: Я разнервничался оттого, что вы допрашиваете меня. Кроме того, я ужасно устал. И к тому же у меня болит нога.

С.: Ага. Так значит, вы ужасно устали. Тетц Радебергер присутствовал при ваших встречах с Альфом Матссоном в разных городах?

Ф.: Да, мы работаем в одной фирме и ездим вдвоем.

С.: Как по-вашему, почему Радебергер тоже не хотел сразу признаваться, что знаком с Альфом Матссоном? Он что, тоже ужасно устал?

Ф.: Об этом мне ничего не известно.

С.: Вы знаете, где Альф Матссон находится в данный момент?

Ф.: Нет, не имею понятия.

С.: Вам хотелось бы, чтобы я сказал вам об этом?

Ф.: Да.

С.: Однако я этого не сделаю. Как давно вы работаете в бюро путешествий «Винклер»?

Ф.: Шесть лет.

С.: Это хорошо оплачиваемое место?

Ф.: Не слишком. Но когда я бываю в разъездах, мне возмещают все расходы на жилье, питание и проезд.

С.: Однако заработная плата у вас не очень большая?

Ф.: Нет. Но мне хватает.

С.: Похоже на то. У вас имеется достаточно, чтобы вам хватало.

Ф.: Что вы имеете в виду?

С.: У вас нашли ровно пять тысяч долларов, восемьсот тридцать фунтов и десять тысяч западногерманских марок. Это большие деньги. Откуда они у вас?

Ф.: Какое вам дело до этого?

С.: Я прощаю вам этот тон. Отвечайте на мой вопрос.

Ф.: Вам нет никакого дела до того, откуда у меня мои деньги.

С.: Возможно. Однако мне кажется, вы вовсе не столь сообразительны, как я думал, хотя даже самый примитивный ум мог бы подсказать вам, что вы поступите лучше всего, если будете отвечать на мои вопросы. Итак, откуда у вас эти деньги?

Ф.: У меня были разные дополнительные заработки, и я долго экономил.

С.: Какие заработки у вас были?

Ф.: Разные.

Слука посмотрел на Фрёбе и открыл ящик письменного стола. Он вытащил оттуда пакет, завернутый в пластиковую фольгу. Пакет имел двадцать сантиметров в длину, десять в

ширину и был заклеен клейкой лентой. Слука положил пакет на стол между собой и Фрёбе. При этом Слука неотрывно смотрел на Фрёбе, а у того бегали глаза, и он старался изо всех сил не смотреть на пакет. Слука пристально наблюдал за ним, и Фрёбе принялся вытирать пот, мелкие капли которого появились у переносицы. Потом Слука сказал:

— Конечно, разные. Например, контрабанда и торговля гашишем. Исключительно прибыльное занятие, однако ненадолго, герр Фрёбе.

Ф.: Я не понимаю, о чем вы говорите.

С.: Неужели? А этот пакет тоже не узнаете?

Ф.: Нет, не узнаю. Откуда мне его знать?

С.: А о тех пятнадцати пакетах, точно таких же, как этот, спрятанных в дверцах и под обивкой автомобиля Радебергера, вы тоже ничего не знаете?

Молчание.

С.: В таком пакете помещается достаточно много гашиша. Мы здесь к таким вещам не очень привычны, поэтому я не знаю, какой сейчас курс. На сколько бы вы увеличили свой капиталец, если бы продали эти припасы?

Ф.: Я по-прежнему не совсем понимаю, о чем вы говорите.

С.: Судя по вашему паспорту, вы часто ездите в Турцию. Только в этом году вы были там уже семь раз.

Ф.: Бюро «Винклер» организует поездки в Турцию. В качестве экскурсовода я очень часто бываю там по делам службы.

С.: Да, и это вас вполне устраивает, не так ли? В Турции гашиш довольно дешев и там его легко можно раздобыть. Я прав, герр Фрёбе?

Молчание.

С.: Своим молчанием вы вредите себе и только себе. У нас уже имеются все необходимые доказательства и, кроме того, имеется один свидетель.

Ф.: Так, значит, это он нас заложил, свинья!

С.: Вот именно.

Ф.: Проклятая шведская свинья.

С.: Надеюсь, теперь вы понимаете, что нет смысла продолжать запираться. Вам лучше признаться, Фрёбе. Спокойно, по порядку, я хочу услышать все, что вы вспомните, имена, даты, номера. Лучше всего начать с того, как вы занялись контрабандой наркотиков.

Фрёбе закрыл глаза и свалился со стула на пол. Мартин Бек заметил, как он для смягчения удара подставил под себя руку и потом остался совершенно неподвижно лежать на полу.

Слука встал и кивнул стенографу, тот закрыл блокнот и быстро ушел.

Слука смотрел на мужчину, лежащего на полу.

— Симулирует, — сказал Мартин Бек. — Он вовсе не упал в обморок.

— Знаю, — сказал Слука. — Но я позволю ему немного отдохнуть, прежде чем мы продолжим.

Он подошел к Фрёбе и толкнул его носком туфли.

— Вставайте, Фрёбе.

Фрёбе не двигался, но веки у него подергивались. Слука подошел к двери, открыл ее и что-то крикнул в коридор. Вошел полицейский, и Слука что-то сказал ему. Полицейский взял Фрёбе за локоть, а Слука сказал:

— Вставайте, Фрёбе, здесь нельзя валяться. Окажетесь на нарах, там это будет намного удобнее.

Фрёбе встал и обиженно посмотрел на Слуку. Потом заковылял за полицейским. Мартин Бек смотрел ему вслед.

— Что у него с ногой? — спросил он.

— Никакой опасности, — заявил Слука. — Пуля прошла навылет. Мы стреляем не очень часто, но если дело доходит до этого, стреляем четко.

— Вот, значит, в чем состоял его бизнес. Контрабанде гашиша, — сказал Мартин Бек. — Меня очень интересует, что они с ним сделали.

— С Альфом Матссоном? Мы это вытянем из них. Но лучше подождать, пока они немного отдохнут. Вы, должно быть, тоже порядком устали, — сказал Слука и уселся за письменный стол.

Мартин Бек почувствовал, что он действительно очень устал. Было уже утро. Все тело у него болело, его словно пропустили через мясорубку.

— Поезжайте в гостиницу и полежите пару часов, — сказал Слука. — Я вам потом позвоню. Спускайтесь к выходу, я вызову для вас машину.

Мартин Бек не стал возражать. Он пожал Слуке руку и вышел из кабинета. Закрывая за собой дверь, он слышал, как Слука куда-то звонит.

Когда он спустился к выходу, автомобиль уже ждал его.

XVI

В его отсутствие горничная погасила свет в номере и закрыла окна и жалюзи. Ему не хотелось снова их открывать.

Он знал, что теперь уже под окнами не будет стоять темноволосый верзила и смотреть наверх.

Мартин Бек включил верхний свет и разделся. В голове у него шумело, левая рука болела. Он посмотрел на себя в большое зеркало на дверце шкафа. Над правым коленом был огромный синяк, левое плечо опухло и окрасилось в сине-черный цвет. Он провел ладонью по голове и нащупал на затылке большую шишку. Других повреждений вроде бы не было.

Постель казалась мягкой, прохладной и ласковой. Он погасил свет и забрался под одеяло. Минуту лежал на спине, смотрел в темноту и пытался думать. Потом повернулся на бок и уснул.

Было два часа, когда его разбудил телефонный звонок. Это был Слука.

— Вы спали?

— Да.

— Это хорошо. Можете сюда прийти?

— Конечно. Сейчас?

— Я отправлю за вами машину, она подъедет через полчаса. Устраивает?

— Да. Через полчаса я буду внизу.

Он принял душ, оделся и открыл окна. Все было залито солнечным светом, таким ярким, что он почувствовал резь в глазах. Он посмотрел на набережную на противоположном берегу реки. Ночь казалась ему далекой и нереальной.

Автомобиль уже ждал, это был тот же водитель, что и утром. К Слуке Мартин Бек попал уже самостоятельно, он подошел к кабинету, постучал и вошел.

Слука был один. Он сидел за письменным столом, перед ним лежала куча бумаг и стояла обязательная чашечка. Он кивнул Мартину Беку и показал на стул, где утром сидел Фрёбе. Потом взял телефонную трубку, что-то сказал и положил ее.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он и посмотрел на Мартина Бека.

— Спасибо, хорошо, я выспался. А вы? Как ваши успехи?

Вошел полицейский с двумя чашечками кофе. Поставил их на стол, взял пустую чашечку Слуки и вышел.

— Все уже прояснилось. Вот протоколы, — сказал Слука и взял в руку кипу бумаг на столе.

— А Альф Матссон? — спросил Мартин Бек.

— Нет, — ответил Слука, — это единственная неясность. Здесь из них ничего не удалось вытянуть. Утверждают, что не имеют понятия, где он может быть.

— Но он был связан с ними?

— Да, в определенном смысле. Он являлся одним из их перекупщиков. Все дело организовали Фрёбе и Радебергер. Девушку они использовали в качестве диспетчера. Бок, как там у нее записано в метрике…

Слука рылся в бумагах.

— Ари, — сказал Мартин Бек. — Аранка.

— Да, Ари Бок. Фрёбе и Радебергер уже довольно долго занимались контрабандой гашиша из Турции, когда познакомились с ней. Похоже, оба состояли или состоят с ней в интимной связи. Спустя некоторое время они, очевидно, поняли, что могли бы использовать ее также по-другому и рассказали ей о торговле наркотиками. Она не имела ничего против и начала с ними сотрудничать. Потом они всегда жили у нее, когда она переехала в Уйпешт. Она, очевидно, чуточку легкомысленная.

— Да, — согласился Мартин Бек, — очевидно.

— Радебергер и Фрёбе ездили в Турцию как экскурсоводы. Там они запасались гашишем, потому что в Турции он дешев и его легко можно раздобыть, и контрабандой ввозили его в Венгрию. Они абсолютно ничем не рисковали, главным образом, потому, что были экскурсоводами и на них всегда возлагались заботы о багаже туристической группы. Ари Бок поддерживала связь с перекупщиками и продавала им товар здесь, в Будапеште. Радебергер и Фрёбе ездили также в другие страны, главным образом, в Польшу, Чехословакию, Румынию и Болгарию и возили туда гашиш своим продавцам.

— А Альф Матссон был одним из них? — дополнил его Мартин Бек.

— Да, Альф Матссон был одним из их продавцов. У них были и другие, которые приезжали из Англии, Германии и Голландии либо сюда, либо в какую-нибудь восточноевропейскую страну и там встречались с Радебергером и Фрёбе. Они всегда расплачивались западной валютой: фунтами, долларами или марками. Потом получали товар, увозили его домой и продавали там.

— Значит, все набивали карман, кроме тех, кто покупал для собственного употребления, — сказал Мартин Бек. — Странно, что им удавалось так долго заниматься этим и не вызывать ни у кого подозрения.

Слука встал и подошел к окну. Он немного постоял там, заложив руки за спину и глядя в окно. Потом вернулся к столу и снова сел.

— Да нет, — сказал он, — в этом вообще нет ничего странного. До тех пор, пока они продавали товар перекупщикам здесь или в какой-нибудь другой социалистической стране, у них у всех были довольно большие шансы, что никто об этом не догадается. В капиталистических же странах, о которых я упоминал, придерживаются мнения, что из восточноевропейских стран нечего ввозить контрабандой и таможенный контроль для приезжающих из этих стран практически равен нулю. Если бы они попытались найти для своего товара рынок сбыта здесь, их бы очень быстро разоблачили. Однако это бы не окупилось, поскольку их интересовала западная валюта.

— Должно быть, они зарабатывали большие деньги?

— Да, конечно, — подтвердил Слука. — Однако перекупщики тоже зарабатывали прилично. Все это было действительно талантливо организовано. Если бы вы не приехали разыскивать Альфа Матссона, это могло бы длиться еще очень долго, прежде чем мы стали бы их подозревать.

— А что они говорят об Альфе Матссоне?

— Признались, что он был их продавцом в Швеции. Покупал у них в течение года, причем покупал много. Однако они утверждают, что не видели его с мая, когда он был здесь последний раз и увез товар. Он не получил тогда столько, сколько хотел, и снова быстро связался с Ари Бок. Они говорят, что должны были встретиться с ним здесь, в Будапеште, три недели назад, однако он так и не появился. Утверждают, что часть того, что мы нашли в автомобиле, предназначалась для него.

Мартин Бек помолчал и потом сказал:

— Он мог по какой-нибудь причине поссориться с ними и угрожать, что донесет на них. Они, очевидно, испугались и быстро избавились от него. Так же, как ночью попытались избавиться от меня.

Слука ничего не говорил. Через минуту Мартин Бек тихо добавил, словно про себя:

— Наверное, так оно и было.

Слука встал и принялся ходить взад-вперед. Потом сказал:

— Я тоже думал, что так оно и было.

Он замолчал и остановился у плана города.

— А теперь что вы думаете? — спросил Мартин Бек.

Слука повернулся и посмотрел на него.

— Я и сам не знаю, — медленно сказал он. — Я подумал, что вам, возможно, стоит поговорить с одним из них. Например, с Радебергером, с тем, кто дрался с вами ночью. Он болтлив, и у меня сложилось впечатление, что он слишком простодушен для того, чтобы суметь хорошо лгать. Вы не хотите побеседовать с ним? Может, вам повезет больше чем мне.

— Да, спасибо, — кивнул Мартин Бек. — Я бы очень хотел поговорить с ним.

XVII

Тетц Радебергер вошел в кабинет. На нем, как и вчера вечером, был обтягивающий тонкий джемпер, тонкие териленовые брюки с резинкой, вшитой в пояс, и кожаные ботинки на резиновой подошве. Экипировка убийцы. В дверях он остановился и поклонился. Конвоир легонько подтолкнул его в спину.

Мартин Бек показал на стул по другую сторону стола, и немец сел. Его холодные синие глаза смотрели выжидательно и неуверенно. На лбу у него был пластырь, а выше, там, где начинались светлые волосы, — синяя шишка. В целом же он выглядел отдохнувшим, сильным и совершенно невредимым.

— Мы поговорим об Альфе Матссоне, — сказал Мартин Бек.

— Я не знаю, где он, — мгновенно заявил Радебергер.

— Возможно. Но мы все равно поговорим о нем.

Слука снабдил его магнитофоном. Магнитофон стоял справа на столе, Мартин Бек протянул руку и включил его. Немец внимательно следил за каждым движением Мартина Бека.

— Когда вы впервые встретились с Альфом Матссоном?

— Два года назад.

— Где?

— Здесь, в Будапеште, В «Ифьюшаге», это такая молодежная гостиница.

— Как вы с ним познакомились?

— Через Ари Бок. Она там подрабатывала. Это было давно, еще до ее переезда в Уйпешт.

— Что происходило дальше?

— Ничего особенного. Тео и я тогда только что вернулись из Турции. Мы ездили туда с туристическими группами, а также на приморские курорты в Румынию и Болгарию. Из Стамбула мы везли с собой партию курева.

— Тогда вы уже начали заниматься контрабандой наркотика?

— Понемножку. Так сказать, для собственных нужд. Однако слишком часто мы не употребляли. А теперь и вовсе бросили.

Он помолчал и потом добавил:

— Ведь это вредно для здоровья.

— Зачем же вы его привозили?

— Ну, для девушек и так далее. На девушек это хорошо действует. Они после этого… становятся любезнее.

— А как с этим был связан Матссон?

— Мы предложили ему курево. Однако он не проявил интереса, его скорее привлекала выпивка.

Он снова замолчал на несколько секунд. Потом наивно сказал:

— Это все-таки вредно для здоровья.

— В тот раз вы продали Матссону хотя бы немного наркотика?

— Ну, немножко мы ему дали. У нас тогда было мало товара. Он заинтересовался только тогда, когда мы сказали ему, что в Турции это легко можно достать.

— Вы уже планировали тогда заняться контрабандой по-крупному?

— Мы говорили об этом. Трудности состояли в том, как доставить товар туда, где его можно выгодно продать.

— Где же, например?

— В Скандинавии, в Голландии, дома в Германии. Там таможенники осматривают очень внимательно, особенно, когда видят, что вы возвращаетесь из Турции. То же самое, если человек едет из Испании или Северной Африки.

— Матссон сказал вам, что он будет продавать наркотик?

— Да, он сказал, что когда человек приезжает из Восточной Европы, таможенники не проявляют к нему интереса и не суют свой нос к нему в багаж, особенно, если он летит самолетом. Возить товар из Турции, например, сюда не составляло никакого труда. К тому же мы ведь были экскурсоводами. Однако потом все шло не так гладко и стало очень рискованным делом. А здесь товар продавать нельзя. Нас сразу бы арестовали, и, кроме того, здесь это невыгодно.

Он минуту поразмышлял.

— Мы не хотели попасть на нары, — добавил он.

— Это я понимаю. Значит, вы договорились с Матссоном?

— Да. Ему пришла в голову хорошая идея, что мы будем встречаться в разных городах, так, чтобы было удобно мне и Тео. Когда нужно было встретиться, мы всегда сообщали ему, и он приезжал туда делать репортаж. Это был хороший предлог, потому что он выглядел абсолютно невинно.

— Как он расплачивался с вами?

— Долларами, причем наличными. Это был превосходный план, и тем же летом мы все организовали. Мы нашли и других продавцов, одного голландца, с которым познакомились в Праге, и…

Это совпадало с данными Слуки. Мартин Бек перебил Радебергера:

— Где вы встретились с Матссоном второй раз?

— В Констанце, в Румынии, это было спустя три недели. Все шло как по маслу.

— А фрейлейн Бок тоже была с вами?

— Ари? Нет, зачем нам нужно было таскать с собой еще и ее?

— Но она знала, чем вы занимаетесь?

— Да, по крайней мере, отчасти.

— Сколько всего раз вы встречались с Матссоном?

— Ну, раз десять-пятнадцать. Все срабатывало отлично. Он расплачивался каждый раз, когда мы требовали, и наверняка сам на этом тоже прилично зарабатывал.

— Сколько, по вашей оценке?

— Не знаю, но денег у него всегда хватало.

— Где он сейчас?

— Этого я не знаю.

— В самом деле?

— Серьезно, не знаю. Мы с ним встретились здесь в мае, когда Ари переехала в Уйпешт. Он жил в той молодежной гостинице. Тогда он получил последнюю партию товара. Сказал, что у него огромный сбыт, и мы договорились встретиться здесь снова двадцать третьего июля.

— И что же дальше?

— Мы приехали двадцать первого, во вторник. Однако он не появился.

— Он был здесь, в Будапеште, приехал двадцать второго вечером. Двадцать третьего утром ушел из гостиницы. Где вы должны были встретиться?

— В Уйпеште. У Ари.

— Так, значит, он приехал туда двадцать третьего утром?

— Да я же вам говорю, что нет! Он вообще не появился. Мы его ждали, но он не пришел. Потом мы позвонили в гостиницу, но там его тоже не было.

— Кто именно звонил?

— Я, Тео и Ари. По очереди.

— Вы звонили из Уйпешта?

— Нет, из разных мест. Говорю вам, он вообще не появился. Мы торчали там и ждали его.

— Значит, вы утверждаете, что не встречались с ним, когда он был в Будапеште последний раз.

— Да.

— Предположим, я вам верю. Вы не встретились с Матссоном. Но это не означает, что с ним не могли встретиться Фрёбе или фрейлейн Бок. Верно?

— Нет, я знаю, что они его не видели.

— Откуда вам это известно?

Видно было, что Радебергер начинает приходить в отчаяние. Он сильно потел. В кабинете было жарко.

— Послушайте, — сказал он, — я не знаю, что об этом думаете вы, но тот, другой, кто меня допрашивал, очевидно, полагает, что мы убрали Матссона. Но вы сами подумайте, зачем нам нужно было это делать? Ведь мы с его помощью зарабатывали деньги, причем большие деньги.

— Вы давали деньги также фрейлейн Бок?

— Конечно. Она помогала нам и получала свою долю. Достаточно для того, чтобы она могла не работать.

Мартин Бек внимательно смотрел на него. Наконец спросил:

— Вы убили его?

— Нет, ведь я же вам говорю! Неужели вы думаете, что мы хотели остаться торчать здесь с целым складом товара, если бы убрали его?

Он весь напрягся, голос у него начал срываться.

— Вы недолюбливали Альфа Матссона?

У него забегали глаза.

— Вы должны отвечать, когда я вас о чем-то спрашиваю, — с серьезным видом сказал Мартин Бек.

— Да, конечно.

— По-моему, фрейлейн Бок на допросе заявила, что и вы, и Фрёбе недолюбливали Матссона.

— Он становился неприятным, когда напивался… Он… он презирал нас за то, что мы немцы.

Он устремил умоляющий взгляд на Мартина Бека и сказал:

— Но ведь это несправедливо.

Минуту было тихо. Это не нравилось Тетцу Радебергеру. Он вертелся, поворачивался в разные стороны и нервно заламывал пальцы.

— Мы никого не убили, — сказал он. — Мы совсем не такие.

— Ночью вы пытались убить меня.

— Это было совсем другое.

Он сказал это так тихо, что его едва было слышно.

— Как вас понимать?

— Это была наша единственная надежда.

— На что? На виселицу? Или на пожизненное заключение?

Немец затравленно посмотрел на него.

— Оно так или иначе, очевидно, ждет вас, — спокойно сказал Мартин Бек. — Вы уже когда-нибудь сидели?

— Да. Дома.

— Ну, так что же вы имели в виду, когда сказали, что это была ваша единственная надежда — убить меня?

— Неужели вы не понимаете? Когда вы пришли в Пансионат в Уйпеште и у вас оказался паспорт Матссона, мы вначале подумали, что он не смог приехать сам и прислал вас вместо себя. Но вы ничего не сказали и, кроме того, вы человек другого типа. Поэтому мы решили, что Матссон в тюрьме и все разболтал. Мы ведь не знали, кто вы такой. Мы находились здесь почти три недели, мы были вынуждены держать здесь целый склад и начали нервничать. А через три недели нужно обращаться с просьбой о продлении визы. Поэтому, когда вы ушли, Тео отправился вслед за вами и…

— Ну, продолжайте.

— А я разобрал автомобиль и спрятал в нем товар. Тео не удалось выяснить, кто вы такой, и мы решили, что это должна установить Ари. На следующий день Тео следил за вами, когда вы отправились в купальню. Оттуда он позвонил Ари, чтобы она подождала вас там и завязала разговор. Тео видел, как вы там купались с этим субъектом. Когда он ушел, Тео проследил за ним и увидел, как он входит в управление полиции. Все было ясно. Мы ждали весь день и весь вечер, но ничего не происходило. Мы пришли к выводу, что вы еще ни о чем не сообщили, иначе за нами давно бы уже пришла полиция. Поздно ночью вернулась Ари.

— Что же она выяснила?

— Не знаю, но что-то ей не понравилось. Она лишь сказала: «Это свинья, позаботьтесь, чтобы он как можно скорее исчез». У нее был какой-то затравленный вид. Она сразу же ушла к себе в комнату и хлопнула дверью.

— А дальше?

— На следующий день мы подкарауливали вас с самого утра. Мы должны были заставить вас замолчать до того, как вы пойдете в полицию. Однако удобный случай нам не представлялся и мы уже почти отказались от своего замысла, но тут вы наконец вышли поздно вечером. Тео шел за вами по мосту, а я проехал на автомобиле по другому мосту, по Цепному. Потом мы поменялись местами. Тео боялся. А я сильнее, поддерживаю форму.

Он помолчал и через минуту сказал, словно оправдывался:

— Понимаете, мы ведь не знали, что вы из полиции.

Мартин Бек не ответил.

— Вы из полиции?

— Да. А теперь вернемся к Альфу Матссону. Вы сказали, что познакомились с ним через фрейлейн Бок. Вы давно ее знаете?

— Некоторое время. Ари ездила в Швецию на какие-то соревнования по плаванию и там с ним познакомилась. Потом ее уже не допускали к соревнованиям, но он пришел к ней, когда был здесь.

— Матссон и фрейлейн Бок хорошие друзья?

— Да.

— Они поддерживают интимную связь?

— Вы имеете в виду, спят ли они друг с другом? Думаю, да.

— А вы тоже спите с фрейлейн Бок?

— Да. Когда у меня есть желание. Тео тоже. Ари хорошая.

— Хорошая?

— Ну, она делает все, что мы скажем. Достаточно лишь иногда с ней переспать. Я уже не занимаюсь этим часто. Заниматься этим часто вредно для здоровья. Но Тео регулярно спит с ней. Он всегда после этого такой измученный, что вообще ни на что не способен.

— Вы никогда не ссорились с Матссоном?

— Из-за Ари? Из-за нее не стоит ни с кем ссориться.

— А по другим причинам?

— Если говорить о бизнесе, то нет. Тут на него можно было положиться.

— А еще из-за чего-нибудь?

— Ну, однажды у меня с ним возникли затруднения, Пришлось врезать ему разок. Естественно, он был пьян. Ари потом позаботилась о нем, она успокоила его. Это было уже давно.

— Как вы думаете, где сейчас Матссон?

Радебергер бессильно покачал головой.

— Не знаю. Наверное, где-то здесь.

— Он встречался здесь с кем-нибудь еще?

— Он всегда приезжал, получал товар и расплачивался. А потом писал какой-нибудь репортаж в журнал, чтобы иметь железное алиби. Ну, а дня через три-четыре уезжал домой.

Мартин Бек молча смотрел на мужчину, который пытался его убить.

— Думаю, этого достаточно, — сказал он и выключил магнитофон.

У немца, очевидно, на сердце было что-то еще.

— Послушайте, это… вчера. Вы можете меня простить?

— Нет. Не могу. До свидания.

Он кивнул конвоиру, тот встал, взял арестованного за локоть и повел к двери. Мартин Бек задумчиво глядел вслед белокурому тевтонцу, а потом сказал:

— Момент, герр Радебергер. Речь сейчас идет не обо мне лично. Вчера вы пытались убить человека, чтобы спасти собственную шкуру. Вы запланировали убийство с большим умением и не ваша вина, что у вас ничего не вышло. Это было не просто правонарушение, а еще и преступление, направленное против определенных жизненных правил и важных жизненных принципов. Вот почему это нельзя простить. Вот что я хотел вам сказать. Подумайте об этом.

Мартин Бек перемотал магнитофонную ленту, снял катушку, вложил ее в коробку и пошел к Слуке.

— Наверное, вы правы. Возможно, они в самом деле не убивали его.

— А я что вам говорил? — сказал Слука. — Думаю, дело было не так. Теперь мы разыскиваем его всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении.

— Мы тоже.

— Ваше задание теперь уже официальное?

— Насколько мне известно, нет.

Слука почесал в затылке.

— Странно, — пробормотал он.

— Что?

— То, что мы не можем его найти.

Через полчаса Мартин Бек уже был в гостинице. Время было ужинать. Над Дунаем опускались сумерки; на другом берегу реки Мартин Бек видел набережную, каменный барьерчик и лестницу.

XVIII

Мартин Бек переоделся и уже собрался направиться в ресторан, как вдруг зазвонил телефон.

— На линии Стокгольм, — сказала телефонистка. — С вами хочет говорить редактор Эриксон.

Фамилию он знал, это был шеф Альфа Матссона, руководитель напористого и честолюбивого еженедельника.

В ухе у него раздался независимый голос:

— Я говорю с герром комиссаром Беком? Это главный редактор Эриксон.

— Я старший криминальный ассистент.

Герр редактор проигнорировал это уточнение.

— Как видите, герр комиссар, мне все сообщили о вашем задании. В конце концов именно я навел вас на след. Кроме того, у меня также очень хорошие связи в министерстве.

Так значит, его тезка, как он и ожидал, не сумел держать рот на замке.

— Вы меня слушаете?

— Слушаю.

— Нам следует выражаться осторожно, вы, конечно, понимаете, что я имею в виду. Прежде всего я бы хотел сросить вас о следующем. Вы встретились с человеком, которого разыскиваете?

— С Матссоном? Нет, еще нет.

— Вышли на какой-нибудь след?

— Нет.

— Но это просто неслыханно.

— Да.

— Ну, в таком случае, как бы это сказать… какая там атмосфера?

— Жарко. По утрам небольшой туман.

— Простите? По утрам небольшой туман. Да, думаю, вас понимаю. Да, конечно. Однако здесь у нас ситуация такова, что мы уже не можем больше скрывать все это дело, если хотим, чтобы нам доверяли читатели. Ведь в случившееся просто невозможно поверить, а если взвесить все последствия, то из них вытекают неблагоприятные перспективы. Кроме того, мы чувствуем личную ответственность за судьбу Матссона. Он один из наших лучших сотрудников, замечательный человек, абсолютно честный и преданный. Он работает у меня в штабе уже много лет, и я знаю, что говорю.

— Где?

— Простите?

— Где, вы сказали, он работает?

— А, у меня в штабе. Понимаете, мы так выражаемся, называем редакцию штабом. Так вот, как я сказал, я знаю, что говорю. Я могу поручиться за этого человека, и это лишь усиливает мою личную ответственность.

Мартин Бек стоял у столика, держа в руке трубку, и думал о другом. Он попытался представить себе, как выглядит герр редактор. Очевидно, он толстый, спесивый, с поросячьими глазками, рыжими усами и бородкой.

— Поэтому сегодня я принял решение напечатать первую статью из серии об Альфе Матссоне уже в следуем выпуске моего журнала, то есть на будущей неделе. В понедельник заканчивается отсрочка. Настал момент, когда необходимо привлечь внимание всей общественности к этому делу. Как я уже сказал, я хотел выяснить, напали ли вы на его след.

— Мне кажется, что вам следовало бы взять эту вашу статью и… — В последний момент Мартин Бек выкрутился и добавил: — …выбросить ее в корзину.

— Простите? Как вы сказали? Я вас не понял.

— Читайте завтра газеты, — сказал Мартин Бек и положил трубку.

После этого разговора он совершенно потерял аппетит. Достал бутылку и налил себе немного виски. Потом сел и принялся размышлять. Настроение у него было скверное, голова болела и, кроме того, он повел себя невежливо. Однако голова у него болела не от этого.

Альф Матссон приехал в Будапешт двадцать второго июля. Его видел персонал паспортного контроля. В такси он поехал в гостиницу «Ифьюшаг» и переночевал там. В бюро регистрации кто-нибудь должен был видеть его и разговаривать с ним. Двадцать третьего июля, утром, он переехал — снова на такси — в гостиницу «Дунай» и провел здесь всего полчаса. Около десяти часов утра он ушел. Персонал в бюро регистрации обратил на него внимание.

Выходит, что с этого момента с Альфом Матссоном никто не разговаривал и не видел его. Он оставил после себя единственный след. Ключ от гостиничного номера, который, по словам Слуки, нашли на ступеньках у входа в управление полиции.

Если Фрёбе и Радебергер говорят правду, то он не явился на встречу в Уйпешт, и в таком случае его не могли ни похитить, ни убить.

Следовательно, Альф Матссон просто-напросто испарился, неизвестно каким образом.

Он располагал ничтожным количеством материала, однако это было единственное, с чем можно было работать.

На венгерской территории в контакт с Матссоном вступило как минимум пять человек, которых можно считать свидетелями.

Сотрудник паспортного контроля, два таксиста и два портье.

Если с ним произошло что-то неожиданное, например, если кто-то напал на него или похитил, если он внезапно потерял рассудок или погиб в результате какого то несчастного случая, свидетельские показания ничего не стоят. Однако, если он каким-то образом исчез по своей доброй воле, кто-то из этих пяти человек мог заметить, как он выглядел или как вел себя, какие-нибудь подробности, которые могли бы оказаться важными для разрешения этой проблемы.

Мартин Бек уже разговаривал с двумя из этих пяти гипотетических свидетелей. Однако из-за языковых трудностей он не был уверен, удалось ли ему на самом деле узнать у них все, что ему было нужно. Двух таксистов и сотрудника паспортного контроля он не нашел, а если бы даже и нашел, все равно не смог бы с ними объясниться.

Единственным существенным материалом, находящимся в распоряжении Мартина Бека, были багаж Матссона и его паспорт. Ни то, ни другое почти ни о чем не говорили.

Таков был итог дела Альфа Матссона. В высшей степени удручающий, поскольку доказывал, вне всяких сомнений, что Мартин Бек, если говорить о разрешении данной проблемы, явно оказался в затруднительном положении. Если к исчезновению Матссона действительно причастна шайка контрабандистов — едва ли это не так — раньше или позже Слука все объяснит. Сам Мартин Бек может оказать максимальную помощь венгерской полиции, если вернется домой, подключит к работе над этим делом специалистов из отдела по борьбе с наркотиками и попытается расследовать шведскую сторону этого запутанного дела.

Мартин Бек принял решение, и в результате этого решения состоялись два телефонных разговора.

Сначала со строго одетым молодым человеком из посольства.

— Вам удалось его разыскать?

— Нет.

— Значит, другими словами, ничего нового?

— Матссон занимался контрабандой наркотиков. Его разыскивает венгерская полиция. Нам нужно объявить розыск через Интерпол.

— Это очень неприятно.

— Да.

— И что же из этого следует для вас?

— Я возвращаюсь домой. Завтра же, если удастся. Это единственное, в чем я хотел бы попросить вашей помощи.

— Это будет нелегко, но я сделаю все, что в моих силах.

— Буду вам весьма признателен. Для меня это очень важно.

— Я позвоню вам завтра утром.

— Спасибо.

— До свидания. Надеюсь, что вы, по крайней мере, хорошо провели здесь эти несколько дней.

— Да, очень хорошо. До свидания.

Потом он позвонил Слуке. Тот был на месте, в управлении полиции.

— Завтра я возвращаюсь в Швецию.

— Ага. Счастливого пути.

— Результаты нашего расследования вы получите, как только они окажутся в моем распоряжении.

— Вы тоже. Матссона мы еще не нашли.

— Вас это удивляет?

— Весьма. Скажу вам откровенно, такого дела у меня еще не было. Но мы его найдем, нам для этого не понадобится много времени.

— Кемпинги вы уже проверили?

— Сейчас я как раз над этим работаю. Время не ждет. Кстати, Фрёбе пытался совершить самоубийство.

— Чем это кончилось?

— Естественно, ему ничего не удалось. Он бросился головой на стенку. Набил себе шишку. Я разрешил перевести его в психиатрическое отделение. Врачи говорят, что у него маниакально-депрессивный психоз. Не знаю, может, стоит отправить туда вслед за ним и эту девушку.

— А Радебергер?

— Этот хорошо держится. Спросил, есть ли в тюрьме гимнастический зал. Есть.

— Я хотел попросить вас кое о чем.

— Пожалуйста.

— Мы знаем, что Матссон разговаривал в Будапеште с вечера пятницы до субботнего утра с пятью людьми.

— Два портье и два таксиста. Откуда вы взяли пятого?

— Паспортный контроль.

— Мое единственное оправдание в том, что я тридцать шесть часов не был дома. Вы хотите, чтобы его допросили?

— Окажите мне такую любезность. Пусть расскажет все, что помнит. Что Матссон говорил, как вел себя, во что был одет.

— Понятно.

— Вы сможете перевести это на немецкий или английский язык и отправить авиапочтой в Швецию?

— Телетайпом будет быстрее. Может, мы успеем еще до вашего отъезда.

— Вряд ли. Я уеду около одиннадцати.

— Наша быстрота уже вошла в поговорку. Год назад на «Непштадионе» один карманник украл сумочку у жены министра торговли. Она села в такси и поехала сюда заявить о краже. А когда приехала, получила свою сумочку у дежурного. Такая уж у нас работа. Ну, поглядим.

— Большое спасибо. До свидания.

— До свидания. Жаль, что у нас не было возможности поговорить также немножечко неформально.

Мартия Бек минуту размышлял. Потом заказал Стокгольм. Его соединили через десять минут.

— Леннарт куда-то уехал, — сказала фру Колльберг. — Как обычно, не сообщил куда. Служебная командировка, вернусь в воскресенье, веди себя хорошо. Он уехал на автомобиле. Быть замужем за полицейским — это вам не шутка.

Он позвонил Меландеру. На этот раз ему пришлось ждать всего лишь пять минут.

— Привет. Я помешал?

— Я только что лег в постель.

Меландер был знаменит тем, что обладал феноменальной памятью, спал ежедневно по десять часов и имел странную привычку оказываться в любое время дня в туалете.

— Ты тоже занимаешься делом Альфа Матссона?

— Да, конечно.

— Попытайся выяснить, что он делал в тот вечер, когда уехал. Подробно. Как вел себя, что говорил, во что был одет.

— Прямо сейчас.

— Можно завтра.

— Хорошо.

— Ну, пока.

— Пока.

Мартин Бек положил трубку. Потом взял авторучку и бумагу и пошел вниз.

Багаж Альфа Матссона по-прежнему находился в канцелярии за стойкой портье.

Мартин Бек взял пишущую машинку, открыл чемоданчик, вставил в машинку лист бумаги и напечатал:

«Пишущая машинка „Эрика‟ с чемоданчиком.

Желто-коричневый чемодан из свиной кожи, с ремнем, новый».

Он открыл чемодан и положил содержимое на стол. Продолжил печатать:

«Рубашка клетчатая, серо-черная.

Рубашка летняя, коричневая.

Рубашка белая, поплиновая, свежевыстиранная. Прачечная „Метрон‟, Хагагатан.

Светло-серые габардиновые брюки, выглаженные.

Три носовых платка, белые.

Четыре пары носков: коричневые, темно-синие, светло-серые, бордовые.

Две пары цветных трусов, в зеленую клетку.

Одна сетчатая майка.

Одна пара светло-коричневых замшевых мокасин».

Он мрачно смотрел на какой-то странный предмет одежды, не похожий на пиджак, потом взял его в руку и пошел к девушке в бюро регистрации. Она была очень красива, приятна и естественна. Маленькая, с прекрасной фигурой, у нее были длинные пальцы, красивые икры, высокий подъем, на ногах редкие черные волоски, под юбкой длинные бедра. Никаких колец. Он посмотрел на нее отсутствующим взглядом.

— Как это называется? — спросил он.

— Блейзер из джерси, — ответила она.

Он стоял и о чем-то размышлял. Девушка покраснела. Она перешла на другой конец стойки, одернула платье, провела по нему руками, проверяя, в порядке ли у нее бюстгальтер

и пояс для чулок. Мартин Бек не понял, почему она это сделала. Он пошел обратно, уселся за пишущую машинку и напечатал:

«Темно-синий блейзер из джерси.

58 листов писчей бумаги, формат А4.

Лента для пишущей машинки.

Электрическая бритва „Ремингтон‟.

„Ночной странник‟ Курта Саломонссона.

Туалетные принадлежности в футляре.

Содержимое футляра:

Лосьон после бритья „Табак‟.

Тюбик зубной пасты „Скуибб‟, начатый.

Зубная щетка.

Вода для полоскания рта „Вадемекум‟.

Коробочка с кодеином, оригинальной формы, не начатая.

Темно-синий кошелек из пластмассы.

500 долларов в двадцатидолларовых банкнотах.

600 шведских крон в банкнотах по сто крон, нового образца.

Напечатано на пишущей машинке Альфа Матссона.»

Он все упаковал, сложил список и вышел из канцелярии. Девушка за стойкой в бюро приема сконфуженно смотрела на него. Она выглядела еще красивее, чем раньше.

Мартин Бек пошел в ресторан и запоздало поужинал. Он ел с тем же отсутствующим выражением.

Официант поставил на стол перед ним шведский флажок. Скрипач притащился к его столику и заиграл прямо ему в ухо «О, мой прекрасный Вермланд»[14]. Мартин Бек делал вид, что не замечает этого. Кофе он выпил одним глотком; не дожидаясь счета, положил на стол красную банкноту в сто форинтов и пошел спать.

XIX

Сразу после девяти позвонил молодой человек из посольства.

— Вам повезло, — произнес он. — Мне удалось получить для вас место в самолете, который улетает в двенадцать часов. В час пятьдесят вы прилетите в Прагу и у вас будет пять минут, чтобы успеть на рейс САС в Копенгаген.

— Спасибо, — сказал Мартин Бек.

— Было нелегко устроить это в такой спешке. Вы можете сами получить билет в «Малеве». С оплатой я все уладил, речь идёт только о том, чтобы взять его.

— Естественно, — заверил его Мартин Бек. — До свидания.

Билет действительно лежал у черноволосой красотки с локонами, с которой он разговаривал три дня назад.

Он вернулся в гостиницу, упаковал вещи и сел у окна. Курил и смотрел на реку. Потом вышел из номера, где он жил пять дней, а Альф Матссон полчаса, спустился в бюро регистрации и попросил вызвать ему такси. Выйдя на ступеньки перед гостиницей, он увидел, как по улице с бешеной скоростью мчится сине-белый полицейский автомобиль. Автомобиль остановился перед гостиницей, из него выскочил полицейский в униформе, которого Мартин Бек еще не видел, и через вращающуюся дверь вбежал в гостиницу. Мартин Бек успел заметить, что полицейский держит в руке конверт.

Подъехало такси и остановилось за полицейским автомобилем. Седоусый швейцар открыл ему заднюю дверцу. Мартин Бек попросил швейцара немного подождать и пошел во

вращающуюся дверь, куда в этот же момент с другой стороны влетел полицейский, за которым по пятам следовал портье. Увидев Мартина Бека, портье помахал ему рукой и показал на полицейского. После того, как они сделали несколько кругов в двери, им удалось встретиться снаружи, на ступеньках, и Мартин Бек получил свой конверт. Он сел в такси, однако перед этим разделил между портье и швейцаром остаток венгерской мелочи.

В самолете рядом с ним оказался хвастливый и крикливый англичанин, который надоедал ему, брызгал слюной в лицо и рассказывал истории из своей совершенно неинтересной жизни коммивояжера.

В Праге Мартин Бек успел промчаться через зал для транзитных пассажиров и ворваться в следующий самолет до того, как убрали трап. К своему огромному облегчению, он увидел, что брызгающего слюной англичанина там нет, и когда самолет взлетел, он открыл конверт.

Слука и его сотрудники действительно сделали все, чтобы подтвердить свою репутацию быстрых людей. Они допросили шестерых свидетелей и написали резюме на английском языке. Мартин Бек читал:

«Резюме допроса полицией известных лиц, вступавших в контакт с пропавшим шведским подданным Альфом Матссоном с момента его прилета в Будапешт в аэропорт Ферихедь 22 июля 1966 года в 22.15 по среднеевропейскому времени и до его ухода из гостиницы „Дунай" в Будапеште в неустановленное точно время между 10.00 и 11.00 по среднеевропейскому времени 23 июля с. г.

Служащий паспортного контроля Ференц Хаваш, дежуривший в единственном числе в аэропорту Ферихедь в ночь с 22 на 23 июля 1966 года, показывает, что совершенно не помнит, чтобы он видел Альфа Матссона.

Водитель такси Янош Лукач показывает, что помнит, как в ночь с 22 на 23 вез пассажира из аэропорта Ферихедь в гостиницу „Ифьюшаг". Этот пассажир, как показал Лукач, был в возрасте от 25 до 30 лет, с усами и бородой, и говорил по-немецки. Лукач не владеет немецким и понял лишь, что клиент хочет, чтобы его отвезли в гостиницу „Ифьюшаг". Лукач полагает, что у пассажира была ручная кладь, которую тот поставил возле себя на заднее сиденье автомобиля.

Студент-медик Лео Сабо, ночной портье в гостинице „Ифьюшаг", дежурил в ночь с 22 на 23. Он помнит мужчину, который пришел в гостиницу поздно вечером в период времени между 17 и 24 июля. Все свидетельствует о том, что этим мужчиной был Альф Матссон, хотя Сабо не помнит ни точной даты его прихода, ни его имени или гражданства. По словам Сабо, мужчина был в возрасте от 30 до 35 лет, с бородой и усами, и хорошо говорил по-английски. На нем были светлые брюки, синий пиджак, предположительно белая рубашка и галстук. У него имелся небольшой багаж, один или два предмета. Сабо полагает, что видел мужчину только один раз, когда тот пришел.

Водитель такси Бела Петер вез Альфа Матссона из гостиницы „Ифьюшаг" в гостиницу „Дунай" утром 23 июля. Он помнит молодого мужчину с темной бородой и усами и в очках. Его багаж состоял из одного большого и одного маленького чемодана; в маленьком чемоданчике находилась, очевидно, пишущая машинка.

Портье гостиницы „Дунай" Бела Ковач принял 23 июля утром паспорт от Матссона и выдал ему ключ от 105-го номера. По словам Ковача, на Матссоне были светло-серые брюки, белая рубашка, синий пиджак и однотонный галстук. Через руку он перебросил светлый плащ.

Ева Петрович, служащая бюро регистрации той же гостиницы, видела Матссона, когда он пришел около десяти часов утра 23 июля и когда спустя полчаса он ушел. Из всех свидетелей она дала самое точное описание Матссона и утверждает, что абсолютно уверена во всех подробностях, кроме цвета галстука. По словам мисс Петрович, на Матссоне была одна и та же одежда, когда он пришел и ушел. Матссон, по словам мисс Петрович, среднего

роста, у него синие глаза, темно-каштановые волосы, бородка и усы; он был в очках с металлической оправой. На нем были светло-серые брюки, темно-синий летний блейзер, белая рубашка, синий или красный галстук, бежевые мокасины. Через руку у него был переброшен бежевый поплиновый плащ».

Слука сделал приписку:

«Как видите, нам не удалось выяснить больше того, о чем мы уже знали. Никто из свидетелей не помнил, чтобы Матссон делал или говорил что-нибудь необычное. Описание одежды, в которой он ушел из гостиницы, я дал в качестве дополнения к описанию, которое мы разослали по всей территории Венгрии. Если узнаю что-нибудь новое, тут же позвоню. Счастливого пути!

Вильмош Слука»

Мартин Бек еще раз прочел сообщение Слуки. Может, Ева Петрович — та девушка, которая сказала ему, как называется странный предмет одежды в чемодане Матссона.

На обратной стороне резюме Слуки он написал:

Светло-серые брюки.

Белая рубашка.

Темно-синий блеизер.

Красный или синий галстук.

Бежевые мокасины.

Поплиновый плащ.

Потом он вытащил список содержимого чемодана Матссона, который составил в Будапеште, и прочел его. После этого все сложил, положил в портфель и закрыл его.

Он откинулся на спинку кресла и задремал. Он не спал, но сидел так до той минуты, когда самолет начал снижаться в слабую облачность над Копенгагеном.

В аэропорту Каструп все было как всегда. Ему пришлось ждать в бесконечной очереди, прежде чем он попал в зал для транзитных пассажиров, где перед многочисленными стойками толпились люди самых разных национальностей. В баре он выпил одну бутылку «туборга», чтобы собраться с силами и запастись терпением перед трудной задачей получения багажа.

Прошло уже более трех часов, когда он наконец вышел с чемоданом на открытую площадку перед зданием аэропорта. На стоянке вереницей выстроились свободные такси. Мартин Бек положил чемодан в первое из них, сел рядом с водителем и попросил отвезти его в порт Драгор.

Паром, который стоял в порту и уже, очевидно, приготовился к отплытию, назывался «Дрогден» и был невероятно уродлив. Мартин Бек оставил чемодан и портфель в гардеробе и вышел на палубу поглядеть, как паром выходит из порта и направляется в сторону шведского берега.

После жарких дней в Будапеште морской ветерок показался ему холодноватым, и вскоре он ушел в судовой ресторан. Паром был полон; большинство пассажиров составляли домохозяйки, которые приезжали в Драгор закупить продукты на целую неделю.

Менее чем через час они уже были на противоположном берегу, и в Лимхамне он сразу взял такси и поехал в Мальмё. Водитель попался болтливый и говорил на южном диалекте, который звучал так же непонятно, как и венгерский язык.

XX

Такси остановилось перед управлением полиции на Давидхалторг. Мартин Бек вышел из машины, поднялся по широкой каменной лестнице и оставил чемодан в застекленной дежурке в вестибюле. Он не был здесь уже несколько лет, и его снова поразила массивная и

величественная строгость здания, помпезный вестибюль и широченные коридоры. На втором этаже он остановился перед дверью, на которой было написано «Комиссар», постучал и проскользнул внутрь. Кто-то сказал, что Мартин Бек обладает умением войти в комнату, закрыть за собой дверь и одновременно снаружи постучать в нее. В общем-то, в этом была доля правды.

— Мое почтение, — сказал он.

В кабинете были два человека. Один стоял, прислонившись к оконной раме, и жевал зубочистку. Он был сильный и крупный. Другой, долговязый, худощавый, с зачесанными назад волосами и живыми глазами, сидел за столом. Оба были в штатском. Мужчина за столом окинул Мартина Бека критическим хмурым взглядом и сказал:

— Пятнадцать минут назад я прочел в газете, что ты за границей и ведешь упорный бой с международной шайкой, занимающейся контрабандой наркотиков. А спустя несколько минут ты входишь собственной персоной и говоришь: «Мое почтение». Что это за манеры? Тебе от нас что-нибудь нужно?

— Помнишь небольшую поножовщину в начале января? Некоего Матссона?

— Нет. С чего бы мне его помнить?

— Я это помню, — мрачно сказал мужчина, стоящий у окна.

— Это Монссон, — сказал комиссар. — Он занимается… послушай, что, собственно, ты сейчас делаешь?

— Ничего. Я сказал, что ухожу домой.

— Вот именно, ничего не делает и говорит, что уходит домой. Так что же помнит герр коллега Монссон?

— Я уже забыл.

— И все-таки, не мог бы ты оказать нам такую услугу?

— Только в понедельник. Теперь у меня уже закончился рабочий день.

Послушай, ты что, обязательно должен так чавкать?

— Я отвыкаю от курения.

— Что ты помнишь об этой драке?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Нет. Этим занимался Баклунд.

— А что об этом думает он?

— Не знаю. Он старательно расследовал это дело несколько дней. Но он был само молчание.

— Значит, тебе везет, — сказал Мартину Беку мужчина за столом.

— Что ты имеешь в виду?

— Разговор с Баклундом — это сплошное удовольствие, — пробормотал Монссон.

— Вот именно. Это наш любимчик, он пользуется огромной популярностью. Он будет здесь через каких-нибудь полчаса, так что извольте стоять по стойке смирно.

— Спасибо.

— Матссон — это тот, кого вы разыскиваете?

— Да.

— И он сейчас в Мальмё?

— Думаю, что нет.

— Это вовсе не развлечение, — удрученно произнес Монссон.

— Что?

— Эти зубочистки.

— Так закури, черт возьми! Кто тебя заставляет грызть зубочистки?

— Говорят, есть какие-то зубочистки с привкусом, — сказал Монссон.

Каким доверительно знакомым казался Мартину Беку этот жаргон! Очевидно, кто-то испортил им день. Звонили жены, предупреждали, что остынет еда, и интересовались, есть ли на свете другие полицейские, кроме них.

Он предоставил им самим заниматься собственными проблемами и отправился в буфет выпить чашку чаю. Вытащил из кармана письмо Слуки и снова прочел скупые показания свидетелей. Где-то у себя за спиной он слышал следующий разговор:

— Не сердитесь, что я спрашиваю, но это действительно пончик?

— А что же еще?

— Ну, может, это какой-то ценный памятник культуры. Жаль было бы его уничтожать. Им наверняка заинтересовался бы музей пекарного дела.

— Если вам здесь не нравится, вы ведь можете пойти куда-нибудь в другое место. Верно?

— Да, я могу спуститься на два этажа и заявить на вас за продажу опасного для жизни оружия. Я прошу пончик, а вы даете мне окаменевший брак, какой человеку не предложили бы даже на государственной железной дороге, потому что локомотиву пришлось бы краснеть. Я чувствительный человек и…

— Чувствительный! Да вы ведь сами взяли его!

Мартин Бек обернулся и посмотрел на Колльберга.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Ни один, ни другой, казалось, не были особенно удивлены. Колльберг отодвинул от себя смертоносное кондитерское изделие и сказал:

— Когда ты приехал?

— Только что. Что ты здесь делаешь?

— Пришел поговорить с неким Баклундом.

— Я тоже.

— В общем-то я приехал сюда по другим делам, — как бы оправдываясь, сказал Колльберг.

Через десять минут, в пять часов, они вместе вышли из буфета. Баклунд оказался пожилым, он выглядел приветливо и обыкновенно. Он подал им руку и сказал:

— Вы только посмотрите! Какие выдающиеся гости! Из самого Стокгольма!

Он придвинул к ним стулья, сам тоже сел и сказал:

— Чем обязан подобной чести?

— У тебя здесь была поножовщина в начале января, — сказал Колльберг. — Некий Матссон.

— Да, верно. Припоминаю. Дело закрыто, потому что прокурор решил не подавать иск.

— Что, собственно, произошло? — спросил Мартин Бек.

— Ну, что произошло, то и произошло. Момент, я схожу за протоколом.

Мужчина по фамилии Баклунд ушел и вернулся через десять минут с переплетенным протоколом, выглядевшим весьма объемисто. Он несколько секунд полистал протокол. Видно было, что протокол нравится Баклунду и что он до сих пор гордится им. Наконец он сказал:

— Лучше всего будет, если мы начнем с самого начала.

— Мы хотим получить всего лишь некоторое представление о том, как это произошло, — сказал Колльберг.

— Да, я понимаю. Шестого января текущего года в один час двадцать три минуты экипаж патрульного автомобиля, который в это время как раз проезжал но Линнегатан в Мальмё, в составе полицейского Кристианссона и полицейского Кванта получил приказ по рации отправиться по адресу Свеагатан, двадцать шесть, в Лимхамне, где один гражданин получил колотую ножевую рану. Кристианссон и Квант немедленно отправились в указанное место, куда прибыли в один час двадцать девять минут. По указанному адресу они обнаружили раненого, который сообщил, что он Альф Сикстен Матссон, журналист, проживает в Стокгольме по адресу: Флеминггатан, тридцать четыре. Матссон показал, что на него напал и ударил ножом Бенгт Эйлерт Йёнсон, журналист, проживающий в Мальмё по адресу: Свеагатан, двадцать шесть. У Матссона была рваная рана пяти сантиметров в длину на левой руке, и полицейские Кристианссон и Квант доставили его с целью оказания медицинской помощи в амбулаторию муниципальной больницы. Бенгта Эйлерта Иёнсона задержали и доставили в криминальную полицию Мальмё полицейские Элофссон и Борглюнд, которых позвали на помощь полицейские Кристианссон и Квант. Оба находились под действием алкоголя.

— Кристианссон и Квант?

Баклунд укоризненно посмотрел на Колльберга и продолжил:

— После оказания медицинской помощи в амбулатории муниципальной больницы Матссона также доставивили в криминальную полицию в Мальмё с целью получения свидетельских показаний. Матссон показал о себе, что он родился пятого августа одна тысяча девятьсот тридцать третьего года в Мёльндале и что он постоянно проживает…

— Момент, — остановил его Мартин Бек. — Нам не нужны такие подробности.

— Гм. Должен сказать, что человеку трудно составите себе ясное представление, если он не будет знать всего.

— А этот протокол дает ясное представление?

— На этот вопрос я могу ответить: и да и нет. Показания противоречат друг другу. По времени тоже не все сходится. Показания очень неуверенные. Именно поэтому прокурор решил не вносить иск.

— Кто допрашивал Матссона?

— Я. Я допрашивал его лично и очень подробно.

— Он был пьян?

Баклунд полистал протокол.

— Секундочку. Ага, нашел. Он признался, что употреблял алкоголь, но утверждал, что не имеет привычки напиваться сверх меры.

— Как он вел себя?

— Об этом у меня здесь ничего не написано. Но Кристианссон сообщил, что — секундочку, ага, вот — что он неуверенно стоял на ногах, что он говорил спокойно, но время от времени у него заплетался язык.

Мартин Бек сдался. Колльберг оказался упрямее.

— Как он выглядел?

— Об этом в протоколе ничего не написано. Но я припоминаю, что он был одет аккуратно.

— А каким образом он получил рану?

— Должен сказать, что весьма трудно составить себе ясное представление о том, как, собственно, это произошло. Показания очень противоречивы. Если не ошибаюсь — да, вот, пожалуйста — Матссон показал, что его ранили около полуночи. Йёнсон же сообщил, что это произошло после часа ночи. Было ужасно трудно объяснить подобное несоответствие.

— Но тот, другой, вообще напал на него или нет?

— Вот показания Иёнсона. Бенгт Эйлерт Иёнсон показывает, что Матссона, с которым он познакомился при выполнении служебных заданий, знает почти три года и что случайно встретил его пятого января утром. Матссон жил в гостинице «Савой» и, поскольку он был один, Йёнсон пригласил его к себе на ужин в…

— Хорошо, хорошо. А что он говорил об этом нападении?

Баклунд начинал немного раздражаться. Он перелистал несколько страниц вперед.

— Йёнсон отрицает, что намеренно напал на него; он признает, что около одного часа пятнадцати минут толкнул Матссона, в результате чего тот упал и порезал себе руку бокалом, который держал в ней.

— Но ведь он пырнул его ножом?

— Ну да, об этом в протоколе говорится чуть раньше. Сейчас я посмотрю. Ага, вот. Матссон сообщает, что незадолго до полуночи подрался с Бенгтом Йёнсоном и во время этой драки тот пырнул его ножом, который, как полагает, он до этого видел в квартире Иёнсона. Вот видите! До полуночи! В час пятнадцать! Это разница в один час и двадцать минут! Здесь также имеется заключение врача из муниципальной больницы. По его описанию, рана поверхностная, пяти сантиметров в длину, сильно кровоточила. Края раны…

Колльберг подался вперед и проницательно посмотрел на мужчину с протоколом.

— Это нас не интересует. Что ты сам об этом думаешь? Ведь что-то произошло. Почему? И как?

Баклунд уже не мог скрыть своего раздражения. Он снял очки и принялся лихорадочно протирать стекла.

— Ну-ну, — сказал он. — Что произошло, то и произошло. Все записано здесь, в протоколе. Если я не могу как следует объяснить, что имеется в протоколе, не понимаю, как смогу объяснить все это дело. Если хотите, можете сами его прочесть, все материалы в вашем распоряжении.

Он положил протокол на край стола. Мартин Бек равнодушно перелистал дело и потом посмотрел, на последних страницах этого сочинения, на фотографии, сделанные на месте происшествия. На фотографиях были кухня, гостиная и каменная лестница. Все в образцовом порядке, чистое и красивое. На лестнице было несколько маленьких пятнышек, величиной с булавочную головку. Не будь они обозначены белыми стрелками, никто бы их и не заметил. Он передал документ Колльбергу, с минуту барабанил пальцами по подлокотнику и потом спросил:

— Матссона ты допрашивал здесь?

— Да, в этом кабинете.

— Вы, наверное, долго разговаривали.

— Да, он был вынужден дать самые подробные показания.

— Какое впечатление он на тебя произвел? Я имею в виду, как человек.

Баклунд уже был настолько раздражен, что не мог сидеть спокойно. Он непрерывно перекладывал с места на место предметы на полированной столешнице и, наконец, вернул все в первоначальное, образцовое состояние.

— Какое произвел, такое и произвел, — заявил он. — Обо всем до мельчайших подробностей сообщается в протоколе. Я уже это говорил. Кроме того, драка произошла на

личной почве и Матссон, в конце концов, не хотел делать заявление. Не понимаю, что вы хотите знать.

Колльберг вообще не заглянул в протокол и отодвинул его в сторону. Потом предпринял последнюю отчаянную попытку.

— Мы хотим знать твое личное мнение об Альфе Матссоне.

— У меня нет никакого личного мнения, — сказал Баклунд.

Когда они выходили, он сидел за столом и читал протокол. Взгляд у него был упрямый и решительный.

— О Боже! — воскликнул Колльберг в лифте.

У Бенгта Иёнсона был одноэтажный домик с открытой верандой и палисадником. Калитка была открыта, на дорожке сидел на корточках у детского велосипеда светловолосый загорелый мужчина. Руки у него были испачканы маслом, он пытался надеть на колесо соскочившую цепь. Рядом с ним стоял мальчуган лет пяти с гаечным ключом в руке и с интересом наблюдал за тем, что он делает.

Когда Колльберг и Мартин Бек вошли в открытую калитку, мужчина встал и вытер руки о штанины брюк. Ему было около тридцати, он был в клетчатой рубашке, грязных брюках цвета хаки и деревянных башмаках.

— Бенгт Йёнсон? — спросил Колльберг.

— Да, это я.

Он недоверчиво смотрел на них.

— Мы из стокгольмской криминальной полиции, — сказал Мартин Бек. — Мы пришли, чтобы попросить вас предоставить нам кое-какую информацию об одном вашем друге, Альфе Матссоне.

— Друге, — покачал головой блондин. — Я бы этого не сказал. Вас интересует то, что произошло здесь зимой? Я думал, что об этом уже давно забыли и сдали дело в архив.

— Да, конечно. Дело закрыто, и никто уже не будет им заниматься. Нас интересует в этой истории не ваша роль, а роль Альфа Матссона, — сказал Мартин Бек.

— Я читал в газете, что он исчез, — сказал Бенгт Йёнсон. — Что он вроде бы состоял в какой-то шайке контрабандистов и ввозил сюда наркотики. Я не знал, что он употребляет наркотики.

— Он не употреблял их. Он продавал их.

— Тьфу! — сказал Бенгт Йёнсон. — Что вы хотите сказать? Об этих наркотиках мне ничего не известно.

— Вы могли бы нам помочь, чтобы мы составили о нем более ясное представление, — сказал Мартин Бек.

— Что вы хотите знать? — спросил блондин.

— Все, что вы знаете об Альфе Матссоне, — объяснил Колльберг.

— Мне известно немного, — сказал Йёнсон. — Я не знал о нем почти ничего, хотя был знаком с ним три года. Вплоть до этой драки я видел его всего пару раз. Я тоже журналист, и мы, как правило, встречались, когда где-нибудь делали одинаковую работу.

— Вы могли бы сказать, что, собственно, произошло зимой? — спросил Мартин Бек.

— Давайте присядем, — сказал Йёнсон и пошел на веранду.

Мартин Бек с Колльбергом последовали за ним. На веранде стоял столик и четыре плетеных стула. Мартин Бек сел и предложил Йёнсону сигарету. Колльберг несколько секунд подозрительно смотрел на свой стул и потом осторожно сел. Стул под его весом тревожно заскрипел.

— Видите ли, то, что вы нам расскажите, интересует нас только как свидетельство о характере Альфа Матссона. Что же касается той драки, ни у нас, ни у полиции Мальмё нет вообще никаких оснований еще раз копаться в этом, — сказал Мартин Бек. — Как это произошло?

— Я чисто случайно столкнулся с Матссоном на улице. Он жил в Мальмё, в гостинице, и я пригласил его к нам на ужин. Нельзя сказать, чтобы я особенно любил его, но он был здесь один и предложил мне пойти с ним в ресторан, поэтому я подумал, что будет лучше, если он придет к нам. Он приехал на такси и, по-моему, был трезвый. Или почти трезвый. Потом мы ужинали, я поставил на стол и кое-что покрепче, так что мы оба достаточно выпили. После ужина мы слушали пластинки, пили шотландское писки и разговаривали. Он очень быстро опьянел и стал неприятным. У моей жены в гостях тогда была одна подруга, и Аффе ни с того ни с сего сказал ей: «Я бы переспал с тобой, конфетка!».

Бенгт Йёнсон замолчал. Мартин Бек кивнул и сказал:

— Продолжайте.

— Он действительно так сказал. Подруга моей жены смутилась, потому что не привыкла к такому обращению. А жена разозлилась и сказала Аффе, что он грубиян и мерзавец. Он обозвал мою жену шлюхой и вообще вел себя как свинья. Тут уж я пришел в ярость и сказал ему, чтобы он вел себя прилично. Ну, а женщины ушли в соседнюю комнату.

Он снова замолчал, и Колльберг спросил:

— Он всегда был таким неприятным, когда напивался?

— Не знаю. Я до этого никогда не видел его пьяным.

— А что произошло потом? — спросил Мартин Бек.

— Ну, мы сидели и пили виски. Я пил мало, и мне казалось, что я почти трезвый. Но Аффе чем дальше, тем больше пьянел. Он ерзал в кресле, икал и отрыгивал, а потом у него внезапно началась рвота. Мне удалось вытащить его в туалет, потом он немного пришел и себя и выглядел более трезвым. Когда я сказал, что нам придется убрать после него, он ответил мне: «Это что, не может сделать твоя шлюха?». Меня окончательно допекло, и я сказал ему, чтобы он немедленно убирался, что я не хочу, чтобы он оставался у меня в доме хотя бы минуту. Но он только хохотал, продолжал спокойно сидеть, как ни в чем не бывало, и икал. Я сказал, что вызову ему такси, но он заявил, что останется здесь, потому что намерен переспать с моей женой. Тут я ему врезал, но когда он поднялся, то начал говорить всякие гадости о моей жене, и тогда я врезал ему еще раз. Он перекатился через стол и разбил кое-что из посуды. Я пытался выставить его вон, но он отказывался уйти. В конце концов жена позвонила в полицию, потому что было похоже, что иначе мы от него никак не избавимся.

— У него была ранена рука, да? — сказал Колльберг. — Как это произошло?

— Я видел, что у него течет кровь, но думал, что у него там нет ничего серьезного. Кроме того, я так разъярился, что мне на все было наплевать. Он порезал себе руку бокалом, когда падал через стол. Он потом утверждал, что я шел на него с ножом, но это ложь. У меня вообще не было никакого ножа. Ну, а потом меня до утра допрашивали в полиции. Веселенькая вечеринка, доложу я вам.

— После этого вы видели Альфа Матссона? — спросил Колльберг.

— Тьфу, тут и спрашивать нечего. Последний раз я видел его утром в полиции. Он сидел в коридоре, когда вышел из кабинета того лягав… пардон, того полицейского, который меня допрашивал. И у него еще хватило наглости сказать мне: «Послушай, там у тебя дома еще осталось немного выпивки, давай потом поедем к тебе и допьем». Я не ответил ему и с тех пор, слава Богу, не видел его.

Бенгт Йёнсон встал и пошел к мальчугану, который стоял рядом с велосипедом и колотил гаечным ключом по цепи. Он сел на корточки и снова занялся цепью.

— Больше ничего об этом я вам сказать не могу. — Он посмотрел через плечо. — Именно так все и было.

Мартин Бек и Колльберг встали, он кивнул им на прощанье, когда они выходили из палисадника на улицу.

По пути в Мальмё Колльберг сказал:

— Милый человек этот наш Матссон, не так ли? Сдается мне, что человечество не понесет большой потери, если с ним действительно что-то случилось. Одного мне жаль: того, что у тебя испорчен отпуск.

XXI

Колльберг жил в гостинице «Санкт-Йерген» на Густав-Адольфторг, и они, забрав чемодан Мартина Бека из управления полиции, поехали в гостиницу. Там все места были заняты, но Колльберг пустил в ход свое испытанное красноречие и вскоре свободный номер нашелся.

Мартину Беку не хотелось распаковывать вещи. Может, позвонить жене на остров? Он взглянул на часы и решил, что уже слишком поздно. Очевидно, ей не доставило бы большой радости, если бы пришлось дважды плыть на веслах через пролив, для того, чтобы услышать, как он говорит ей, что не знает, когда вернется.

Он разделся и пошел в ванную. Он принимал душ, когда услышал типичный громкий стук Колльберга в дверь. Открывая номер, Мартин Бек забыл ключ снаружи в двери, поэтому через секунду Колльберг ввалился внутрь и начал его звать.

Мартин Бек выключил душ, завернулся в банную простыню и вышел к Колльбергу.

— Мне пришла в голову ужасная мысль, — сказал Колльберг. — Вот уже пять дней, как в этом году открылся сезон раков, а ты еще наверняка не съел ни одного рака. Или, может, у них в Венгрии тоже есть раки?

— Если даже и есть, мне об этом неизвестно, — ответил Мартин Бек. — По крайней мере, я ни одного не видел.

— Оденься. Я уже заказал столик.

В ресторане было много народу, но для них в уголке был зарезервирован столик с соответствующими аксессуарами для поедания раков. V каждого на тарелке лежала бумажная шапочка и бумажная салфетка с отпечатанным красной краской стишком. Они сели, и Мартин Бек хмуро посмотрел на свою шапочку из синей гофрированной бумаги. У нее на козырьке из блестящего картона золотыми буквами было написано слово «Полиция».

Раки были исключительные, поэтому за едой Мартин Бек и Колльберг говорили мало. Когда они все уплели, Колльберг остался голоден, потому что он всегда был голоден, и заказал еще жаркое из вырезки. Они ждали, когда его принесут, и Колльберг сказал:

— Там было четверо мужчин и одна женщина в тот вечер, когда он уехал. Я написал тебе список. Он у меня наверху в номере.

— Отлично, — сказал Мартин Бек. — Это было трудно?

— Да нет. Мне помог Меландер.

— Ты смотри, Меландер. Сколько времени?

— Половина десятого.

Мартин Бек встал и оставил Колльберга наедине с жарким из вырезки.

Меландер, понятно, уже находился в постели, и Мартин Бек терпеливо слушал телефонные гудки, пока на другом конце не раздался знакомый голос.

— Ты уже спал?

— Да, но это неважно. Ты уже дома?

— Нет, я в Мальмё. Что ты узнал об Альфе Матссоне?

— Я сделал все, о чем ты просил. Хочешь услышать прямо сейчас?

— Спасибо, хотелось бы.

— В таком случае, подожди минутку.

Меландер пропал, но вскоре снова появился.

— Я все это записал, но оставил записи в служебном кабинете. Попытаюсь, если смогу, восстановить по памяти, — сказал он.

— Чтоб ты да не смог, — сказал Мартин Бек.

— Речь идет о вторнике, двадцать первого июля. Утром Матссон зашел в редакцию, где взял у секретарши билет на самолет, а в кассе получил четыреста крон наличными. Потом поехал в венгерское посольство за паспортом и визой, а оттуда — домой на Флеминггатан, где уже, возможно, уложил чемодан. Наверняка переоделся. Утром на нем были серые брюки, серый блузон из джерси, синий трикотажный блейзер без лацканов и бежевые мокасины. Днем и вечером на нем были летний серо-синий костюм, белая рубашка, черный галстук, черные полуботинки и бежевый поплиновый плащ.

В телефонной кабине было душно. Мартину Беку удалось нашарить в кармане какой-то обрывок бумаги, и теперь по ходу доклада Меландера он царапал кое-какие пометки.

— Да, продолжай, только медленнее, — сказал он.

— В четверть первого он поехал на такси с Флеминггатан в ресторан «У кружки», где пообедал в обществе Свена Эрика Молина, Пера Кронквиста и Пиа Больт. Ее имя Ингрид, но все называют ее Пиа. За едой и после выпил много пива. Пиа Больт ушла в три часа, они остались втроем. Через час, около четырех, пришли Стиг Лунд и Оке Гюннарссон и подсели к их столику. Тут уж они принялись за напитки покрепче. Альф Матссон пил шотландское виски со льдом и водой. За столом разговаривали на обычном журналистском жаргоне, но официантка припоминает, что Матссон говорил о своей командировке. Куда он должен был ехать, она не знает.

— Он был пьян? — спросил Мартин Бек.

— Ну, наверное, немножко пьян, но не так, чтобы по нему это было видно. По крайней мере не тогда. Ты можешь минутку подождать?

Меландер опять исчез. Мартин Бек распахнул дверь телефонной кабины и за то время, что ждал Меландера, впустил внутрь немного воздуха. Меландер вернулся.

— Я только ходил надеть халат. Так на чем мы остановились? Да, «У кружки». В шесть часов компания, то есть Кронквист, Лунд, Гюннарссон, Молин и Матссон, ушла и на такси поехала в ресторан «Уютное местечко», где они ужинали и пили. Разговоры в основном шли об общих знакомых, женщинах и выпивке. Альф Матссон уже прилично опьянел и очень громко комментировал достоинства и недостатки разных гостей женского пола в ресторане. В половине десятого все пятеро сообща поехали на автомобиле в ресторан «Опера-келларен». Там пьянка продолжилась. Альф Матссон пил виски. Пиа Больт, которая уже была в «Опера-келларен», подсела к Матссону и четырем остальным. Около двенадцати из ресторана ушли Кронквист и Лунд, а около часа ночи Пиа Больт вместе с Молином. Все были пьяны. Матссон и Гюннарссон оставались там вплоть до закрытия и оба были очень пьяны. Матссон едва держался на ногах и приставал к женщинам, находящимся среди гостей. Мне не удалось выяснить, что происходило дальше, но, очевидно, он уехал домой в такси.

— Никто не видел, как он уезжал?

— Нет, из тех людей, с которыми я беседовал, никто. Большинство гостей, которые тогда разъезжались, были в разной степени опьянения, а персонал спешил домой.

— Большое тебе спасибо, — сказал Мартин Бек. — Ты мог бы сделать для меня кое-что еще? Зайди завтра утром в квартиру Матссона и посмотри, нет ли там серо-синего костюма, в котором он был в тот вечер.

— А разве ты не был там? — спросил Меландер. — Еще до своего отъезда.

— Да, был, — сказал Мартин Бек, — но у меня нет такой феноменальной памяти, как у тебя. Ну ладно, иди спать. Я позвоню тебе завтра утром.

Он вернулся к Колльбергу, который уже успел проглотить свое жаркое из вырезки и какое-то пирожное, от которого на тарелке, стоящей перед ним, остались липкие розовые полосы.

— Обнаружил что-нибудь? — спросил Колльберг.

— Не знаю, — пробормотал Мартин Бек. — Возможно.

Они пили кофе, и Мартин Бек рассказывал о Будапеште, Слуке, Ари Бок и ее немецких дружках. Потом они поднялись лифтом наверх и Мартин Бек зашел к Колльбергу, чтобы взять отпечатанный на машинке список. Затем пошел к себе в номер.

Он разделся, включил лампу на ночном столике и погасил верхний свет. Лег и начал читать:

«Ингрид (Пиа) Больт, родилась в 1939 году в Норчёпинге, не замужем, секретарь, проживает в собственной квартире по адресу: Стриндберггатан, 51.

Состоит в той же компании, что и Матссон, однако недолюбливает его и, очевидно, они никогда не были друг с другом в интимной связи. Около года жила со Стигом Лундом, вплоть до последнего времени. Теперь, по-видимому, ходит с Молином. Секретарша в доме моделей в „Студио 45".

Пер Кронквист, родился в 1936 году в Лулео, разведен, репортер вечерней газеты. Проживает совместно с Лундом: Свеавеген, 88.

Состоит в компании, но с Матссоном не очень дружен. Разведен в Лулео в 1963 году, с тех пор живет в Стокгольме. Много пьет, нервный, рассеянный. Выглядит глуповато, но довольно мило. Сидел в мае 1965 года за управление автомобилем в нетрезвом состоянии.

Стиг Лунд, родился в 1932 году в Гётеборге, холост, фотограф в той же газете, что и Кронквист. Квартира на Свеавеген принадлежит редакции.

Приехал в Стокгольм в 1960 году и с Матссоном знаком с того времени. Раньше они часто выпивали вместе, но в последние два года встречаются лишь постольку, поскольку ходят в одни и те же рестораны. Неразговорчивый, тихий, много пьет и, когда напивается, как правило, засыпает за столом. Бывший спортсмен, в 1945—1951 годах участвовал в соревнованиях по легкой атлетике, специализировался в беге на длинные дистанции.

Оке Гюннарссон, родился в 1932 году в Якобстаде в Финляндии. Холост, журналист, специализируется по автомотоспорту. Проживает в собственной квартире по адресу: Свартенгатан, 6.

В Швецию приехал в 1950 году. С 1959 года пишет для разных журналов, предназначенных для автомотолюбителей, а также пишет для ежедневной прессы. Кроме того, работал в разных местах, среди прочего был автомехаником. В квартиру на Свартенгатан переехал 1 июля этого года, раньше жил в Хагалунде. В начале сентября должен жениться на какой-то девушке из Упсалы, которая не принадлежит к этой компании. С Матссоном поддерживает отношения не более близкие, чем все вышеупомянутые. Пьет много, но когда он пьян, по нему этого не видно. Производит впечатление очень умного человека.

Свен-Эрик Молин, родился в 1933 году в Стокгольме, разведен, журналист, дом в Энскеде.

„Лучший друг‟ Альфа Матссона, по крайней мере утверждает, что является его лучшим другом, но за спиной у него говорит о нем все, что угодно. Разведен в Стокгольме четыре года назад, платит алименты и иногда гуляет с ребенком. Независимый, спесивый, особенно, когда пьян, а это бывает часто. Дважды осужден в Стокгольме за правонарушения в пьяном виде (1963 и 1965 годы). Интимная связь с Пиа Больт для него не является чем-то серьезным.

В компанию входит и ряд других: Кристер Шёберг, художник, Брор Форсгрен, рекламный агент, Лена Ротзен, журналистка, Бенгт Форс, журналист, Джек Мередит, кинооператор, и еще несколько более или менее случайных людей. Никто из них не участвовал в этих посиделках».

Мартин Бек встал и принес обрывок бумаги, на которой делал пометки, когда разговаривал с Меландером.

Он взял этот обрывок с собой в постель.

Прежде чем погасить свет, он еще раз все прочел список Колльберга и свои торопливо нацарапанные строчки.

XXII

В субботу, тринадцатого августа, было облачно и ветрено, и двухмоторный «Конвэйр Метрополитан», летящий в Стокгольм против ветра, опаздывал.

Привкус раков во рту на следующий день — штука не очень приятная, а бумажный стаканчик отвратительного кофе, которым пассажиров потчевала авиакомпания, дела вовсе не улучшил. Мартин Бек прислонил голову к дребезжащему иллюминатору и смотрел на облака.

Он попытался курить, но привкус был ужасным. Колльберг читал «Сюдсвенска дагбладет» и с отвращением поглядывал на сигарету. Очевидно, он чувствовал себя ненамного лучше.

Если говорить об Альфе Матссоне, то прошло почти три недели с тех пор, как персонал последний раз видел его в вестибюле гостиницы «Дунай» в Будапеште.

Пилот объявил, что впереди сплошная облачность и что в Стокгольме моросит дождь и температура пятнадцать градусов. Мартин Бек погасил сигарету в пепельнице и спросил:

— То убийство, которым ты занимался десять дней назад, уже расследовано?

— Да.

— Ничего неясного?

— Нет. Если ты имеешь в виду психологическую сторону, то это совершенно неинтересно. Оба надрались сверх всякой меры. Тот, кто жил в этой квартире, поддевал другого, пока у того не лопнуло терпение и он не ударил того, первого, бутылкой. Потом перепугался и нанес ему еще двадцать ударов. Впрочем, ты ведь это уже знаешь.

— А что было потом? Он не пытался спастись?

— Да. Пошел домой и завернул в бумагу свою окровавленную одежду. Потом взял поллитра денатурата и отправился под мост Сканстулсброн. Достаточно было подъехать туда и спокойно забрать его. Какое-то время он все отрицал, а потом начал хныкать.

Он помолчал и потом добавил, по-прежнему не отрываясь от газеты:

— У него просто не все дома. Сканстулсброн! Он вроде бы думал, что полиция не будет искать его там. В общем, поступил просто как умел.

Колльберг опустил газету и посмотрел на Мартина Бека.

— Вот именно, — сказал он. — Поступил просто как умел.

И снова углубился в газету.

Мартин Бек наморщил лоб, вытащил список, полученный от Колльберга, и снова прочел его. Он перечитывал его снова и снова до тех пор, пока они не оказались над Стокгольмом.

Мартин Бек сложил бумаги и пристегнул ремень. Потом наступили обычные неприятные минуты, когда самолет швыряло порывами ветра и он скользил по невидимой горке. Палисадники и крыши, два прыжка по асфальту, и, наконец, Мартин Бек мог облегченно вздохнуть.

Ожидая багаж в зале, они обменялись несколькими фразами.

— Вечером уедешь из города?

— Нет, еще немного подожду.

— Странно все-таки с этим Матссоном.

— Да.

— Меня это раздражает.

Посреди Транебергсброн Колльберг сказал:

— А еще больше меня раздражает то, что я по-прежнему должен думать об этом дурацком деле. Матссон был мерзавцем. Если он действительно исчез, то человечество от этого только выиграло. Если он куда-нибудь смылся, его кто-нибудь рано или поздно схватит. Это не наше дело. А если с ним в этой Венгрии действительно что-то произошло, то это тоже нас не касается. Разве я не прав?

— Конечно прав.

— А что, если он теперь действительно исчезнет, словно под землю провалится. Это значит, что придется ломать себе голову над этим десять лет. Черт возьми, ну и работенка.

— Ты не очень силен в логике.

— Нет. Вот именно, — сказал Колльберг.

В управлении полиции было непривычно тихо и спокойно, ведь сегодня была суббота и, несмотря ни на что все-таки лето. У Мартина Бека на столе лежало несколько неинтересных писем и записка от Меландера:

«В квартире пара черных полуботинок. Старых. Давно не ношенных. Вообще ни одного костюма».

За окном ветер раскачивал кроны деревьев и бросал в стекла мелкие капли дождя. Мартин Бек думал о Дунае, пароходиках и порывах ветра с раскаленных холмов. О венских вальсах. О теплом нежном ночном воздухе. О мосте. О набережной. Мартин Бек осторожно ощупал шишку на затылке, вернулся к столу и сел.

Вошел Колльберг, посмотрел на записку Меланлера, почесал живот и сказал:

— Очевидно, это все-таки наше дело.

— Похоже на то.

Мартин Бек немного поразмышлял. Потом сказал:

— Ты отдавал где-нибудь паспорт, когда был в Румынии?

— Да, полиция забрала его у меня прямо в аэропорту. Я получил его обратно в гостинице приблизительно через неделю. Я видел, что он лежал в ячейке для писем несколько дней, прежде чем они отдали его мне. Это была большая гостиница. Полиция ежедневно привозила кучу паспортов.

Мартин Бек придвинул к себе телефон.

— Будапешт, 29—83—17, частный разговор, майор Вильмош Слука. Да, майор С—Л—У—К—А. Нет, в Венгрии.

Он снова подошел к окну и молча смотрел на дождь. Колльберг сидел в кресле для посетителей и разглядывал светлые полумесяцы на ногтях правой руки. До той минуты, когда зазвонил телефон, ни одни, ни другой не пошевелились и не произнесли ни слова.

Кто-то сказал на ломаном немецком языке:

— Да, майор Слука сейчас подойдет.

Звук шагов в управлении полиции на площади Ференца Деака. Потом раздался голос Слуки:

— Добрый день. Как у вас там, в Стокгольме?

— Дождь и ветер. И холодно.

— А у нас сегодня больше тридцати градусов, это уже многовато. Я только что подумал, не сходить ли мне в купальню «Палатинус». Есть что-нибудь новенькое?

— Еще нет.

— У нас тоже нет. Мы еще не нашли его. Могу вам чем-нибудь помочь?

— Сейчас, в туристический сезон, иногда случается, что иностранцы теряют паспорта?

— К сожалению, да. У нас всегда с этим хлопоты. К счастью, этим занимается не мой отдел.

— Вы могли бы оказать мне любезность и выяснить, заявлял ли какой-нибудь иностранец после двадцать первого июля об утере паспорта в «Ифьюшаге» или «Дунае»?

— Конечно, с удовольствием. Но как я уже сказал, этим занимается не мой отдел. Вас устроит, если я сообщу вам об этом до пяти часов?

— Можете звонить в любое время. И еще кое-что.

— Да?

— Если кто-то заявил об утере, как вы думаете, можно будет получить хотя бы какое-нибудь приблизительное описание этого человека? Хотя бы в общих чертах, как он выглядел?

— Я позвоню в пять. До свидания.

— До свидания. Надеюсь, вы еще успеете в купальню.

Он положил трубку. Колльберг подозрительно смотрел на него.

— В купальню? Слушай, в какую купальню?

— Серная ванна — сидишь в таких мраморных креслах под водой.

— Ага.

Минуту было тихо. Колльберг чесал в волосах и наконец сказал:

— Значит, в Будапеште на нем были синий блейзер, серые брюки и коричневые туфли.

— Да. И еще плащ.

— А в чемодане был синий блейзер?

— Да.

— И серые брюки?

— Да.

— И коричневые туфли?

— Да.

— А вечером перед отъездом на нем были темный костюм и черные туфли?

— Да. И плащ.

— И в квартире нет ни туфель, ни костюма?

— Нет.

— А, черт, — в сердцах сказал Колльберг.

— Вот именно.

Атмосфера в кабинете словно разрядилась, она уже не была такой напряженной. Мартин Бек порылся в ящике письменного стола, нашел высушенную старую сигарету

«Флорида» и закурил. Так же как и его коллега из Мальмё, он пытался отвыкнуть от курения, однако не делал это с такой же решительностью.

Колльберг зевнул и взглянул на часы.

— Может, сходим куда-нибудь поедим?

— Почему бы и нет?

— В ресторан «У кружки»?

— Я тоже так думаю.

XXIII

Ветер стих, в Ваза-парке частые капли дождя тихо падали на двойной ряд киосков по продаже лотерейных билетов, карусель и двух полицейских в черных дождевиках. Карусель вращалась, и на одной из жестяных лошадок одиноко сидела девочка в красном пластиковом дождевике и платочке. Она ездила по кругу под сильным дождем и с важным видом смотрела прямо перед собой. Чуть в сторонке стояли под зонтиком ее родители и удрученно наблюдали за этим зрелищем. Из парка доносился свежий запах листьев и мокрой травы. Был субботний день и, несмотря ни на что, все-таки лето.

В ресторане чуть наискосок напротив парка было почти пусто. Тишину в заведении нарушало лишь слабое успокаивающее шуршание дневных газет в руках нескольких постоянных посетителей и приглушенный звук стрел, которые бросали в мишени в игровом зале по соседству. Мартин Бек и Колльберг сидели в буфете, в нескольких шагах от столика, где всегда заседал Альф Матссон со своими коллегами. Теперь за столом никто не сидел, но в центре стоял бокал с красной табличкой «ЗАНЯТО». Очевидно, она была там всегда.

— Обеденное время пик уже прошло, — сказал Колльберг. — Через час понемножку начнет снова заполняться, вечером здесь будет такая давка, что люди станут лить пиво друг другу по спине и не смогут пошевелиться.

Обстановка не располагала к глубокомысленным рассуждениям. Поздний обед они съели молча. На дворе журчало шведское лето. Колльберг допил пиво, сложил салфетку, вытер губы и сказал:

— Трудно попасть туда через границу без паспорта?

— Очень трудно. Говорят, границы очень хорошо охраняют. Иностранцу, незнакомому с порядками, это вряд ли удалось бы.

— А если уезжаешь обычным способом, необходимы паспорт и виза?

— Да, и, кроме того, так называемый вкладыш. Это такой листок бумаги, получаешь его после приезда, кладешь в паспорт, а когда уезжаешь, паспортный контроль забирает его у тебя. Кроме того, перед отъездом тебе ставят штамп в паспорт, на ту страницу, где у тебя виза. Посмотри.

Мартин Бек вытащил паспорт и положил его на стол. Колльберг долго изучал все штампы. Потом сказал:

— А если у тебя есть виза и этот вкладыш, ты можешь ехать, куда захочешь? Через любую границу?

— Да. Можешь ехать в пять стран: Чехословакию, Советский Союз, Румынию, Югославию и Венгрию. Причем можешь ехать на автомобиле или в поезде, лететь самолетом или плыть на пароходе или теплоходе.

— На пароходе? Из Венгрии?

— Конечно, по Дунаю. Из Будапешта на «Ракете» за пару часов можно добраться до Братиславы или Вены.

— Кроме того, можно ехать на велосипеде, идти пешком, плыть, скакать на лошади или ползти, — сказал Колльберг.

— Да, пока не дойдешь до пограничного пункта.

— А в Австрию и Югославию можно ехать без визы?

— Это зависит от того, какой у тебя паспорт. Если он у тебя, например, шведский, или западногерманский, или итальянский, то виза тебе не нужна. С венгерским паспортом можно ехать без визы в Чехословакию или Югославию.

— Но он этого не сделал.

— Нет.

Им принесли кофе. Колльберг все еще изучал штампы в паспорте.

— Датчане не поставили тебе штамп, когда ты прилетел в Копенгаген, — сказал он.

— Нет.

— Следовательно, не существует никаких доказательств того, что ты вернулся в Швецию.

— Нет, — сказал Мартин Бек и спустя несколько секунд добавил: — Если не считать того, что я сижу здесь перед тобой.

За последние полчаса ресторан уже порядком заполнился и начало не хватать мест. Мимо них прошел мужчина лет тридцати пяти, сел за столик с табличкой «ЗАНЯТО», заказал пиво и без всякого интереса уставился в газету. Время от времени он нервно поглядывал в сторону двери, словно кого-то ждал. Он был с усами и бородой, в темных очках, на нем были коричневый узорчатый пиджак, белая рубашка, коричневые туфли.

— Кто это? — спросил Мартин Бек.

— Не знаю, они все выглядят одинаково. Кроме того, иногда тут появляются самые разные случайные люди, приходят на минутку и сразу же исчезают.

— Это не Молин, его я бы узнал.

Колльберг покосился на него.

— Может, Гюннарссон?

— Нет, того я тоже видел.

В ресторан вошла женщина. Рыжеволосая, довольно молодая, в кирпично-красном свитере, твидовой юбке и зеленых чулках. Она двигалась непринужденно, рыскала глазами по залу и при этом ковырялась в носу. Потом присела за заказанный столик и сказала:

— Мое почтение, Пелле.

— Мое почтение.

— Пелле, — сказал Колльберг, — значит, это Кронквист. А эта женщина — Пиа Больт.

— Почему у них у всех усы и борода?

Мартин Бек произнес это в глубокой задумчивости, словно это была проблема, над которой он уже долго ломает себе голову.

— Наверное, это фальшивые усы и борода, — совершенно серьезно ответил Колльберг.

Он взглянул на часы.

— Только для того, чтобы нас раздражать, — добавил он.

— Нам уже пора возвращаться, — сказал Мартин Бек. — Ты сказал Стенстрёму, чтобы он пришел?

Колльберг кивнул. Уходя, они услышали, как мужчина по имени Пер Кронквист подзывает официантку:

— Поскорее дорогая! Я умираю от жажды!

Несколько человек рассмеялось.

В управлении полиции было тихо, как в кирхе. Стенстрём сидел в кабинете и раскладывал пасьянс.

Колльберг окинул его критическим взглядом и сказал:

— Что-то ты рано начинаешь. Что будешь делать, когда состаришься?

— Сидеть и говорить то же самое, что и сейчас: «Почему я здесь сижу?».

— Проверишь несколько алиби, — сказал Мартин Бек. — Леннарт, дай ему список.

Стенстрём взял список и бегло просмотрел его.

— Сейчас?

— Да, еще сегодня вечером.

— Молин, Лунд, Кронквист, Гюннарссон, Бенгтфорс, Пиа Больт. Кто это такой, Бенгтфорс?

— Это опечатка, — хмуро сказал Колльберг. — Там, естественно, должно быть Бенгт Форс.

— Девушку тоже проверять?

— Да, если это тебя развлечет, — сказал Мартин Бек. — Она сидит в ресторане «У кружки».

— Я могу говорить непосредственно с ними?

— Конечно. Почему бы и нет? Обычный опрос в связи с делом Альфа Матссона. Теперь уже все знают, о чем идет речь. Кстати, как там дела у ребят из отдела по борьбе с наркотиками?

— Я разговаривал с Якобсоном, — сказал Стенстрём. — Они уже набрали почти полные сети. Когда разнеслось, что Матссон в этом замешан, у всех развязались языки. Кстати, мне пришла в голову одна идея. Матссон продавал среди прочих нескольким полным развалинам и вытягивал из них неплохие деньги.

Он замолчал.

— Так какая же идея пришла тебе в голову? — спросил Колльберг.

— Возможно, один из этих бедняг, которых он обдирал, какой-нибудь его клиент уже был сыт по горло, если можно так выразиться?

— Ну, такое возможно, — с серьезным видом сказал Мартин Бек.

— Особенно в кинофильмах, — дополнил Колльберг. — Американских.

Стенстрём сунул список в карман и встал. В дверях он остановился и обиженно сказал:

— У нас иногда тоже так бывает.

— Возможно, — согласился Колльберг. — Но ты забыл, что Матссон исчез в Венгрии, куда поехал за товаром для этих своих бедняг. Ну, тебе уже пора уходить.

Стенстрём ушел.

— Ну, ты и ехидный, — заметил Мартин Бек.

— Он что, не может подумать, прежде чем говорить? — сказал Колльберг.

— Вот именно, он подумал.

— Ну да!

Мартин Бек вышел в коридор. Стенстрём как раз надевал пиджак.

— Посмотри каждому в паспорт. Стенстрём кивнул.

— И не ходи один.

— Они опасны? — колюче спросил Стенстрём.

— Инструкция, — проворчал Мартин Бек.

Он вернулся к Колльбергу. Они сидели тихо, пока не зазвонил телефон. Мартин Бек взял трубку.

— Разговор с Будапештом состоится в семь часов, а не в пять, — сухо сообщила телефонистка.

Они немного поразмышляли над этим сообщением. Потом Колльберг сказал:

— Черт возьми. Это досадно.

— Гм, — сказал Мартин Бек. — Ты прав, ничего хорошего в этом нет.

— Два часа, — сказал Колльберг. — Может, поедем немножечко оглядимся?

— Почему бы и нет?

Они проехали через Вестерброн. Субботнее движение уже затихло, и на мосту почти не было машин. Посередине моста они обогнали немецкий автобус с туристами. Он ехал медленно, и Мартин Бек видел, как туристы встают и смотрят в окна на отливающую серебром воду залива и дождливую панораму города на заднем плане.

— Молин — единственный из них, кто живет не в центре, — сказал Колльберг. — Начнем с него.

Они продолжили путь через Лильехольмсброн, проехали по Орстаплан, где клубился густой туман, и повернули в аллею на Сокенвеген. Колльберг свернул с главного шоссе и немного попетлял по узким улочкам, застроенным частными домиками, пока не нашел нужный. Он медленно ехал вдоль живых изгородей и читал таблички на калитках.

— Здесь, — сказал он. — Молин живет слева. Эти ступеньки ведут к нему. Раньше в доме жила одна семья, но теперь его разделили. Второй вход сзади.

— Кто живет в другой половине дома? — спросил Мартин Бек.

— Какой-то таможенник на пенсии, с женой

Сад перед домом был большой, заросший искривленными яблонями и густыми кустами смородины и крыжовника. Живая изгородь была аккуратно подстрижена, а белая калитка казалась свежевыкрашенной.

— Большой сад, — сказал Колльберг. — И должным образом защищен от любопытных. Хочешь как следует все это осмотреть?

— Нет, поезжай дальше.

— Ну, тогда поедем на Свартенгатан, — сказал Колльберг, — к Гюннарссону.

Они поехали по Нюнесвеген в Сёдермальм и припарковали автомобиль на Мосебакеторг.

Дом номер шесть по Свартенгатан находился почти на самой площади. Это был старый жилой дом с большим мощеным двором. Гюннарссон жил на третьем этаже, окна его квартиры выходили на улицу.

— Он живет здесь не очень давно, — через минуту сказал Мартин Бек.

— С первого июля.

— А до этого жил в Хагалунде. Знаешь где?

Колльберг остановился перед красным светофором возле кирхи Святого Якоба и кивнул в направлении большого углового окна ресторана «Опера-келларен».

— Может, они все как раз там сидят, — сказал он. — Кроме Матссона. В Хагалунде? Да, знаю.

— Ну, так мы потом туда тоже съездим, — сказал Мартин Бек. — Поезжай вдоль воды, чтобы я мог посмотреть на суда.

Они ехали по Страндвеген, и Мартин Бек смотрел на суда. У Блазиехольмстранд стояла на якоре огромная белая яхта с американским флагом на корме, а между двумя аландскими[15] баржами у Юргордсброн втиснулся польский катер. Перед входом в дом Пиа

Больт на Стриндберггатан маленький мальчик в пестром дождевичке и моряцкой зюйдвестке вез по первой ступеньке красный двухэтажный автобус из пластмассы и громко рычал, изображая звук мотора. Он зарычал еще громче, когда остановил автобус, чтобы дать возможность Колльбергу и Мартину Беку проскользнуть внутрь.

В коридоре стоял Стенстрём и хмуро изучал список Колльберга.

— Чего ты здесь стоишь? — спросил Колльберг.

— Ее нет дома. И в ресторане «У кружки» ее не было. Вот я стою здесь и размышляю, куда мне пойти теперь. Но если вы хотите меня сменить, то я могу идти домой.

— Попытайся сходить в «Опера-келларен», — посоветовал ему Колльберг.

— Кстати, почему ты один? — поинтересовался Мартин Бек.

— Я был с Рённом, он сейчас придет. Он заскочил к своей маме с букетом цветов. У нее сегодня день рождения, и она живет здесь за углом.

— А что ты узнал об остальных? — спросил Мартин Бек.

— Мы проверили Лунда и Кронквиста. Из «Опера-келларен» они ушли около полуночи и направились прямиком в пивную «Гамбург». Там встретили каких-то знакомых девушек и около трех поехали домой к одной из них.

Он посмотрел в список.

— Ее фамилия Свенсон, и она живет на Сагавеген на острове Лидингё. Там они остались до утра пятницы, аж до восьми часов, а потом поехали в такси на работу. В час дня пошли в ресторан «У кружки» и сидели там до пяти, а потом уехали в Карлстад делать репортаж. Остальных я еще не успел проверить.

— Это я понимаю, — сказал Мартин Бек. — Продолжай проверять. Мы будем в Кристинеберге в семь часов. Когда у тебя все будет готово, позвони.

Когда они ехали в Хагалунд, лило как из ведра. Колльберг остановился перед низким жилым домом, где еще два месяца назад жил Гюннарссон. Вода заливала лобовое стекло, а дождь стучал по металлической крыше так, что не было слышно собственного голоса.

Они подняли воротники и побежали через тротуар к дому. Он был трехэтажный и на двери одной квартиры на втором этаже была приколота кнопкой табличка. Имя на табличке значилось также и в списке в вестибюле, причем табличка выглядела белее и новее, чем все остальные.

Они вернулись в автомобиль, объехали дом и остановились с другой стороны. В квартире, где раньше жил Гюннарссон, было всего лишь два окна, н она, очевидно, была однокомнатная.

— Наверное, это малометражная квартира, — сказал Колльберг. — Теперь, когда у него квартира побольше, он женится.

Мартин Бек смотрел на дождь. Ему было холодно и хотелось курить. На противоположной стороне улицы было поле, а чуть дальше поросший лесом холм. На краю поля возвышался новенький многоэтажный дом, а рядом с ним строились другие. Очевидно, все поле хотят застроить рядами совершенно одинаковых многоэтажных домов. Из дома, где жил Гюннарссон, открывался спокойный, почти деревенский вид, но теперь он безнадежно погибнет.

Посреди поля были сгоревшие остатки какого-то дома.

— Что здесь горело? — спросил Мартин Бек и показал на обгоревшие развалины.

Колльберг подался вперед и прищурил глаза, вглядываясь в сильный дождь.

— Какая-то деревенская усадьба, — сказал он. — Помню, я видел ее здесь в прошлом году. Красивый деревянный домик, но там уже тогда никто не жил. Думаю, его сожгли пожарные. Сам знаешь, они используют такие дома для учений. Для учений поджигают,

потом гасят, потом снова поджигают и гасят и так далее, пока от дома ничего не останется. Жаль, это был очень красивый домик. Тут, наверное, будут строить новый дом.

Он взглянул на часы и завел мотор.

— Придется поднажать, чтобы успеть до того, как соединят с Будапештом.

Дождь струился по стеклу, и Колльбергу пришлось вести машину осторожно. До кристинебергского управления они ехали молча. Вышли из автомобиля, когда было без пяти семь и уже стемнело.

Телефон зазвонил в семь с точностью, казавшейся сверхъестественной. Это действительно было сверхъестественно.

— Черт возьми, где там застрял Леннарт? — допытывалась жена Колльберга.

Мартин Бек передал трубку и попытался не слушать ответы Колльберга в следующем диалоге:

— Ну да, так я ведь уже скоро приду.

— Ну да, это уже долго не продлится, я ведь тебе говорю.

— Завтра? Ну, понимаешь, не сердись, но это будет трудно…

Мартин Бек сбежал в туалет и не возвращался, пока не услышал, что Колльберг положил трубку.

— Нам нужно завести детей, — заявил Колльберг. — Бедняжка, сидит там одна и ждет меня.

После их свадьбы прошло только полгода, так что со временем это дело можно поправить.

Через минуту дали Будапешт.

— Не сердитесь, что вам пришлось ждать, — сказал Слука, — но в субботу трудно кого-либо найти. Вы были правы.

— Относительно этого паспорта?

— Да. Один бельгийский студент потерял его в гостинице «Ифьюшаг».

— Когда?

— Точно мы это еще не установили. Он приехал в гостиницу двадцать второго утром. Альф Матссон приехал в тот же день вечером.

— В таком случае все, очевидно, сходится.

— Вы думаете? Трудность состоит в том, что этот студент, его фамилия Редер, в Венгрии впервые и совсем не знает, какие здесь порядки. Утверждает, что ему это вовсе не показалось странным, он отдал паспорт и полагал, что получит его, когда будет уезжать. Поскольку он приехал сюда на три недели, он все это время даже не вспоминал о паспорте и начал разыскивать его только в понедельник, другими словами, в тот день, когда мы с вами впервые встретились. Ему понадобился паспорт для того, чтобы проставить там болгарскую визу. Впрочем, это следует лишь из его собственных слов.

— Возможно, это правда.

— Да, возможно. В бюро регистрации мгновенно заявили, что Редер получил свой паспорт утром на следующий день после приезда, то есть двадцать третьего, в тот день, когда Матссон переехал из «Ифьюшага» в гостиницу «Дунай» и исчез. Редер клянется, что паспорт не получал, а в бюро регистрации так же непреклонно уверяют, что положили его паспорт в ячейку для ключа в пятницу вечером и что он, следовательно, должен был получить паспорт в субботу утром, когда спустился в вестибюль.

— Кто-нибудь помнит, что действительно давал ему паспорт в руки?

— Нет. Персонал получает ежедневно около пятидесяти паспортов и приблизительно столько же каждый день возвращает. Кроме того, вечером паспорта раскладывает по ячейкам один человек, а утром их выдает другой.

— Они видели этого Редера?

— Да. Он еще живет в гостинице, и посольство хлопочет, чтобы он мог уехать домой.

— А вы что на это скажете? Думаете, все сходится?

— У него есть усы и борода. В остальном они, правда, не похожи, по крайней мере на фотографии. Но люди, к сожалению, вообще на себя не похожи на старых фотографиях. Этот паспорт ночью кто-то преспокойно мог украсть. Нет ничего проще. Ночной портье дежурит один, иногда ему приходится поворачиваться спиной или вообще уходить. А у паспортного контроля нет времени на изучение лиц, когда границу в обоих направлениях пересекают толпы народу. Если этот ваш соотечественник прикарманил паспорт Редера, он мог по этому паспорту спокойно уехать из Венгрии.

Минуту было тихо. Потом Слука сказал:

— Кто-то ведь это сделал.

Мартин Бек выпрямился.

— Вы в этом уверены?

— Да. Мне сообщили это двадцать минут назад. Вкладыш Редера находится у нас. Паспортный контроль в Хедешхаломе получил его днем двадцать третьего июля. Его отдал пассажир скорого поезда Будапешт — Вена. А этим человеком не мог быть Редер, потому что он еще здесь.

Слука снова замолчал. Потом нерешительно произнес:

— Думаю, необходимо полагать, что Матссон все же из Венгрии уехал.

— Нет, — сказал Мартин Бек. — Его вообще там не было.

XXIV

Мартин Бек плохо спал и рано проснулся. Квартира в Багармуссене выглядела печально, словно после чьей-то смерти, все так знакомые ему вещи казались несущественными и безразличными. Он принял душ, потом побрился, достал из шкафа выглаженный темный костюм и тщательно оделся. Вышел на балкон. Дождь уже закончился. Термометр показывал шестнадцать градусов. Он вернулся в квартиру, приготовил себе спартанский завтрак — чай и сухарик — потом сел и принялся ждать.

Колльберг пришел в девять часов. У него в машине сидел Стенстрём. Они поехали в управление.

— Ну, как твои успехи?

— Так себе, — ответил Стенстрём.

Он полистал блокнот.

— Молин в субботу работал, это проверено. Он был в редакции с восьми часов утра. В пятницу, очевидно, отсыпался дома после пьянки. Насчет этого мы немного поспорили. Он сказал, что якобы не спал, а просто лежал. «Парень, ты не знаешь, что значит лежать, когда рядом с тобой на подушке сидит твоя собственная нечистая совесть. Это хорошо, ты просто создан быть полицейским, так как вообще не понимаешь, о чем идет речь». Это я записал дословно.

— Почему у него совесть нечиста? — спросил Колльберг.

— Непонятно. Мне показалось, что он сам не знает, а что делал в ночь с четверга на пятницу, якобы не помнит. Причем, якобы рад, что не помнит. Он был дерзок и надменен. Упаси меня Господь с такими встречаться.

— Продолжай, — сказал Мартин Бек.

— Так вот, вчера я, к сожалению, ошибся, когда сказал, что Лунд и Кронквист в полном порядке. Оказалось, что к тем девицам на остров Лидингё поехал не Кронквист, а Форс. Да, Кронквист поехал с Лундом в Карлстад, только не в пятницу, а в субботу. Это дело запутанное, но думаю, что Лунд не лгал, когда излагал мне первую версию. Скорее всего, он ничего не помнил. Он и Кронквист из всей компании, очевидно, были самыми пьяными. У Лунда в голове все перепуталось. У Форса память оказалась получше, и когда я наконец нашел его, все сразу выяснилось. Как только они приехали к тем девушкам, Лунд мгновенно вырубился, и в пятницу им уже не удалось поставить его на ноги. Только в субботу утром он позвонил Форсу, тот заехал за ним и они вместе пошли в ресторан, но не в ресторан «У кружки», как думал Лунд, а в «Опера-келларен». Когда Лунд поел и выпил пару кружек пива, он пришел в себя и поехал домой за Кронквистом и своим фотоснаряжением. Тогда Кронквист уже был дома.

— А что он делал до этого?

— Утверждает, что лежал дома, чувствовал себя мерзко и был ужасно одинок. Несомненно лишь то, что он был дома в половине пятого дня.

— Это проверено?

— Да. Вечером они приехали в гостиницу в Карлстаде. У Кронквиста якобы было страшное похмелье. Лунд сказал, что он был слишком пьян и поэтому не чувствовал никакого похмелья. Да, в конце концов у Лунда нет усов и бороды. Это я отметил.

— Ага.

Ну вот, теперь Гюннарссон. Этот запомнил лучше. Он сидел в пятницу дома и писал. В субботу был в редакции, сначала утром, потом вечером и сдавал какие-то статьи.

— Это известно наверняка?

— Нет, утверждать не могу. Это большая редакция, и я не нашел там никого, кто бы уверенно помнил нечто подобное. Но несомненно, какую-то статью он сдал, хотя это могло быть с таким же успехом как вечером, так и утром.

— А что с паспортами?

— Сейчас скажу. Пиа Больт тоже была в полном сознании. Но где она была в ночь на пятницу, сообщить мне отказалась. У меня создалось впечатление, что она с кем-то спала, но не хочет сказать, кто это был.

— Это весьма вероятно, — заметил Колльберг. — Был четверг, и вообще.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Стенстрём.

— Да так, ничего. На этом вряд ли заслужишь признание.

— Продолжай, — сказал Мартин Бек.

— Так вот, в субботу она совершенно точно была с одиннадцати часов утра у матери. Я это деликатно проверил. А теперь, что касается паспортов. Молин отказался показать мне свои паспорт. Сказал, что в собственной квартире не обязан никому предъявлять документы. У Лунда паспорт почти новый. Он фотограф и много ездит. Последний штамп поставлен в стокгольмском аэропорту шестнадцатого июля. Он тогда вернулся из Израиля. Думаю, это сходится.

— Молин отказался показать тебе паспорт? — ужаснулся Колльберг. — И ты стерпел?

— Пиа Больт два года назад провела четырнадцать дней на Мальорке. Больше ничего. У Кронквиста паспорт старый, полнейшая неразбериха, сплошные отметки и обрывки бумаги и так далее. Последний штамп поставлен в мае в Гётеборге, он тогда вернулся из Англии. У Гюннарссона тоже старый паспорт, почти весь заполненный, но в более приличном состоянии. Последние штампы поставлены у нас в Арланде, выезд седьмого мая, приезд десятого мая. Говорит, был на заводе «Рено» в Булонь-Бийанкуре. Французы, очевидно, штампы не ставят.

— Не ставят, это сходится, — сказал Мартин Бек.

— Ну, тогда остальные. Я еще не успел всех обойти. Кристер Шёберг был дома с семьей, он живет в Эльвшё. Мередит — американец и к тому же негр.

— Этого можем исключить, — сказал Колльберг. — Мы все равно не смогли бы арестовать его, потому что волосатики линчевали бы нас.

— Ты снова проявил себя как тупица.

— А я и есть тупица. Кроме того, думаю, ты можешь не продолжать.

— Да, я тоже так думаю, — сказал Мартин Бек.

— Вы знаете, кто это? — спросил Стенстрём.

— По крайней мере, нам так кажется.

— И кто же?

Колльберг смерил Стенстрёма хмурым взглядом.

— Слушай, парень, учись все-таки немножко думать, — сказал он. — Во-первых, действительно ли в Будапеште был Матссон? Думаешь, он таскал бы с собой такие деньги, чтобы купить гашиш, а потом вдруг исчез, а деньги оставил в чемодане в гостинице? Думаешь, он оставил бы ключ от номера на ступеньках управления полиции? Он? Если он должен был обходить за сто шагов каждого полицейского в Венгрии? И вообще, зачем понадобилось Матссону исчезать и к тому же таким импровизированным способом?

— Ну конечно, это ясно.

— Почему Матссон поехал в Венгрию в синем блейзере, серых брюках и коричневых мокасинах, а в чемодане имел точно такую же одежду? Куда исчез серый костюм Матссона? Что было на нем в предпоследний вечер и чего не было в чемодане и нет в его квартире?

— Ну хорошо, значит, это был не Матссон. Но кто это был?

— Некто, у кого были очки Матссона и плащ, некто с бородой и усами. Кто видел Матссона последним? У кого нет до субботнего вечера никакого твердого алиби? Кто из всей этой компании был достаточно трезв и умен, чтобы до всего этого додуматься? Поразмышляй над этим.

Стенстрём задумался. Он не отвечал.

— Мне пришла в голову одна идея, — сказал Колльберг.

Он разложил на столе план Будапешта.

— Смотрите. Вот гостиница, а вот Главный вокзал или как он там называется.

— Будапешт-Нюгати.

— Возможно. Если бы я хотел пойти из гостиницы на вокзал, то я должен был бы идти этим путем, то есть мимо управления полиции.

— Верно, но только ты пришел бы на другой вокзал. Поезда в Вену отправляются отсюда, с бывшего вокзала Остбанхоф.

Мартин Бек вытащил копию плана округа Сольна и кивнул Стенстрёму:

— Поезжай в управление полиции Сольны, — сказал он, — и попроси их перекрыть этот район. Там есть сгоревший дом. Мы туда потом приедем.

— Прямо сейчас?

— Да.

Стенстрём ушел. Мартин Бек порылся в ящике, нашел там сигарету и закурил. Он молча курил и смотрел на Колльберга, сидящего совершенно неподвижно. Потом погасил сигарету и сказал:

— Наверное, нам пора ехать.

Колльберг быстро ехал по пустынным улицам и через минуту они уже были на Вестерброн. Солнце пробивалось сквозь низкие облака, гладь залива волновал легкий ветерок. Мартин Бек с отсутствующим видом смотрел на группу яхт, которые как раз огибали мысок в Роламб-парке.

Они ехали молча и поставили машину на том же месте, что и накануне. Колльберг показал на черную «ланчу», стоящую неподалеку.

— Это его автомобиль, — сказал он. — Следовательно, он наверняка дома.

Они пересекли Свартенгатан и открыли входную дверь. Воздух в коридоре был влажный и липкий. Они молча поднялись по истертой лестнице на четвертый этаж.

XXV

Дверь открылась мгновенно.

Мужчина, стоящий на пороге, был в халате и шлепанцах. Казалось, он невероятно изумлен.

— Извините, — сказал он. — Я думал, что это моя невеста.

Мартин Бек сразу узнал его. Этого человека показал ему Молин в ресторане «У кружки» за день до отъезда в Будапешт. Открытое приятное лицо. Спокойные синие глаза. Достаточно сильная фигура. С бородой и усами, среднего роста, но так же как и у бельгийского студента Редера, это было единственное, чем он походил на Альфа Матссона.

— Мы из полиции. Моя фамилия Бек. А это старший криминальный ассистент Колльберг.

Представление прошло официально и учтиво.

— Колльберг.

— Гюннарссон.

— Не могли бы мы войти ненадолго? — спросил Мартин Бек.

— Конечно. А в чем дело?

— Мы хотели бы поговорить с вами об Альфе Матссоне.

— Вчера здесь был какой-то полицейский и уже разговаривал со мной об этом.

— Мы знаем.

С той минуты, как Мартин Бек и Колльберг вошли и квартиру, они начали вести себя совсем по-другому. Они сделали это оба, причем ни один, ни другой совершенно не отдавали себе в этом отчета.

Какие-либо следы напряженности, неуверенности и подозрительности исчезли, и вместо этого наступило испытанное спокойствие и автоматическая решительность, которая подсказывала им, что произойдет и что они уже сталкивались с подобным раньше.

Они молча прошли по квартире. Она была светлая и просторная, тщательно и продуманно обставленная, однако по какой-то причине выглядела так, что казалось, будто в действительности здесь постоянно еще никто не жил. Бо́льшая часть мебели была новая и выглядела так, словно все еще стояла за витриной мебельного магазина.

Окна обеих гостиных выходили на улицу, окна спальни и кухни — во двор. Дверь в ванную была открыта, и там горел свет. Очевидно, он был там, когда они позвонили. В спальне стояли две широкие супружеские кровати, в одной из них кто-то недавно лежал. На ночном столике у одной из кроватей стояла наполовину выпитая бутылка минеральной воды, бокалы, две коробочки со снотворным и фотография в рамке. Кроме того, здесь еще было кресло-качалка, два низких пуфика и туалетный столик с выдвижными ящиками и поворачивающимся зеркалом. На фотографии была изображена молодая светловолосая женщина. У нее были чистые свежие черты и большие светлые глаза. Никакой косметики, только на шее серебряная цепочка. Мартин Бек подарил своей жене шестнадцать лет назад

точно такую же и знал, что она называется цепочка Бисмарка. Пройдя по квартире, они вернулись в кабинет.

— Пожалуйста, садитесь, — сказал Гюннарссон.

Мартин Бек кивнул и сел на плетеный стул у письменного стола с выдвижными ящиками с двух сторон и явно предназначенного для двоих. Мужчина в халате остался стоять и смотрел на Колльберга, который все еще ходил по квартире.

На столе лежали аккуратные стопки рукописей, книг и журналов. В пишущей машинке торчала начатая страница, а возле телефона стояла еще одна фотография в рамке. Мартин Бек сразу узнал девушку с серебряной цепочкой и светлыми глазами. На этой фотографии она была изображена где-то на природе. Она наклонила голову и улыбалась фотографу. Ветер трепал развевающиеся светлые волосы.

— Чем могу быть вам полезен? — вежливо сказал мужчина в халате.

Мартин Бек перехватил его взгляд. Его глаза по-прежнему были синими, спокойными и уверенными. В комнате было тихо. Слышно было, как Колльберг что-то делает в другом конце квартиры, очевидно, в ванной или кухне.

— Расскажите нам, что произошло, — сказал Мартин Бек.

— Когда?

— В ночь на двадцать третье июля, когда вы с Матссоном ушли из «Опера-келларен».

— Я уже один раз рассказывал это. На улице мы расстались. Я взял такси и поехал домой. Он ехал в другом направлении и подождал другое такси.

Мартин Бек уперся предплечьем в край письменного стола и смотрел на женщину, изображенную на фотографии.

— Вы не могли бы показать мне паспорт? — сказал он.

Мужчина обошел письменный стол, сел и выдвинул ящик. Плетеный стул приветливо заскрипел.

— Пожалуйста. — Мужчина подал ему паспорт.

Мартин Бек перелистал паспорт. Паспорт был старый, потрепанный, и последнее, что в нем было более или менее четко видно, действительно был въездной штамп, поставленный в Арланде десятого мая. На следующей странице, последней, было несколько пометок, несколько телефонных номеров и какое-то коротенькое стихотворение. Внутренняя сторона обложки тоже была густо покрыта пометками. В основном, это были данные об автомобилях или моторах, которые владелец паспорта быстро записал уже давно, чтобы не забыть. Стихотворение было написано по-английски зелеными чернилами, наискосок.

Мужчина с противоположной стороны стола следил за его взглядом и пояснил:

— Это такой детский стишок. Англичане называют это лимерик.

— Да, я вижу.

— Он об Уинстоне Черчилле. Он якобы даже сам написал этот лимерик. Я услышал его в самолете, когда летел из Парижа, и он мне так понравился, что я записал его.

Мартин Бек ничего не говорил. Он внимательно смотрел на стишок. Бумага в этом месте казалась чуть светлее и там стояло несколько маленьких зеленых точек, которым там неоткуда было взяться. Это мог, например, быть оттиск штампа с другой, предыдущей, страницы, однако там никакого штампа не было. Стенстрёму следовало бы обратить на это внимание.

— Если бы вы вышли из самолета в Копенгагене и поплыли в Швецию на пароме, вам не пришлось бы прилагать такие усилия.

— Я вас не понимаю.

Зазвонил телефон. Гюннарссон поднял трубку. В комнату вошел Колльберг.

— Это вас, — сказал Гюннарссон.

Колльберг взял трубку, несколько секунд слушал, а потом сказал:

— Ага. Принимайся за это. Да, только подожди нас там. Мы скоро приедем. Он положил трубку.

— Это Стенстрём. Пожарные сожгли дом в понедельник.

— Наши люди осматривают пожарище в Хагалунде, — сказал Мартин Бек.

— Ну так как? — спросил Колльберг.

— Я по-прежнему не понимаю вас.

Он смотрел все так же уверенно и открыто. Несколько мгновений было тихо, потом Мартин Бек пожал плечами и сказал:

— Идите оденьтесь.

Гюннарссон, не говоря ни слова, направился к двери к спальню. Колльберг последовал за ним.

Мартин Бек остался сидеть. Он снова посмотрел на фотографию. И хотя, казалось, ему должно было быть совершенно безразлично, он почему-то расстроился оттого, что у этого дела такой конец. Он нащупал твердую почву под ногами, как только просмотрел паспорт, но идея с пожарищем была чистейшей догадкой и могла с полным успехом оказаться ошибочной. Конечно, придется попотеть, чтобы объяснить все это дело, особенно, если Гюннарссон и дальше сумеет сохранять такую уверенность. Однако не это было главной причиной, по которой он так расстроился.

Гюннарссон вернулся через пять минут, на нем был серый джемпер и коричневые брюки. Он взглянул на часы и сказал:

— Что ж, можем ехать. Ко мне вскоре должен прийти гость, и я был бы вам благодарен…

Он улыбнулся и не закончил фразу. Мартин Бек остался сидеть.

— Мы вовсе не спешим, — сказал он.

Колльберг вернулся из спальни.

— Брюки и синий блейзер висят в шкафу, — сказал он.

Мартин Бек кивнул. Гюннарссон ходил взад-вперед по комнате. Его движения уже стали более нервными, но лицо по-прежнему выражало невозмутимое спокойствие.

— Может, все это будет не таким страшным, как кажется, — сказал Колльберг. — Вам не стоит так опускать руки.

Мартин Бек быстро посмотрел на своего коллегу и снова перевел взгляд на Гюннарссона. Колльберг, естественно, был прав. Этот человек уже полностью капитулировал. Он знает, что проиграл, и знал это уже в тот момент, когда они вошли в квартиру. Очевидно, он был уверен в поражении и надел на себя какой-то панцирь. Он вовсе не такой уж неуязвимый. И все же предстояло очень неприятное дело.

Мартин Бек сидел на плетеном стуле и ждал. Колльберг тихо и неподвижно стоял в дверях спальни. Гюннарссон остановился в центре комнаты. Он снова взглянул на часы, но ничего не сказал.

Прошла минута. Две. Три. Он снова взглянул на часы. Было видно, что ему мешает это чисто рефлекторное движение. Уже спустя две минуты он снова взглянул на часы, но на этот раз попытался замаскировать маневр и провел по лицу тыльной стороной левой ладони и при этом покосился на запястье. Где-то внизу на улице хлопнула дверца автомобиля.

Он открыл рот и хотел что-то сказать. Это было только одно слово.

— Если…

Он сразу пожалел об этом, сделал несколько быстрых шагов к телефону и сказал:

— Извините, мне нужно позвонить.

Мартин Бек кивнул и внимательно смотрел на телефон. 018. Код Упсалы. Все сходится. Шесть цифр. После третьего гудка трубку подняли.

— Добрый день. Это Оке. Анна-Луиза уже уехала? Ага. Когда приблизительно?

Мартину Беку казалось, что он слышит, как женский голос говорит: «Четверть часа назад».

— Ага. Спасибо. До свидания.

Гюннарссон положил трубку, взглянул на часы и медленно произнес:

— Ну так как, отправимся в путь?

Никто не ответил. Прошли долгие десять минут. Потом Мартин Бек сказал:

— Сядьте.

Мужчина нерешительно подчинился. Хотя он старался сидеть спокойно, стул скрипел. Когда он через минуту снова взглянул на часы, Мартин Бек заметил, что у него дрожат руки.

Колльберг зевнул, чересчур открыто, возможно, из-за того, что нервничал. Трудно сказать почему. Когда прошло еще две минуты, мужчина по фамилии Гюннарссон сказал:

— Чего мы ждем?

Впервые в его голосе появились признаки неуверенности.

Мартин Бек смотрел на него, ничего не говорил и размышлял над тем, что бы произошло, если бы мужчина напротив него внезапно понял, что эта тишина заставляет нервничать не только его, но и их. Наверное, это ему не особенно помогло бы. В определенном смысле все они в одной лодке.

Гюннарссон взял со стола шариковую авторучку и тут же снова положил ее точно на то же место.

Мартин Бек перевел взгляд на фотографию. Потом взглянул на часы. С того момента, как Гюннарссон положил трубку, прошло двадцать минут. В худшем случае в их распоряжении еще около получаса.

Он снова посмотрел на Гюннарссона и поймал себя на том, что размышляет о том общем, что у них было. Огромная скрипящая кровать. Вид из окна. Пароходы. Ключ от номера. Влажная жара с реки.

Сам он уже поглядывал на часы совершенно открыто. Казалось, что мужчину, сидящего напротив, это очень раздражает, очевидно, потому что это напоминало ему об их общих интересах.

Впервые за полчаса Мартин Бек и Колльберг посмотрели друг на друга. Если они правы, развязка наступит вот-вот.

Развязка произошла через тридцать секунд. Гюннарссон перевел взгляд с одного на другого и сказал звонким голосом:

— Ну, хорошо. Что вы хотите знать?

Никто не ответил.

— Да. Вы, естественно, правы. Это был я.

— Что произошло?

— Об этом я не хочу говорить, — сказал он сдавленным голосом.

Теперь он упрямо уставился в столешницу. Колльберг, приподняв брови, наблюдал за ним, потом посмотрел на Мартина Бека и кивнул.

Мартин Бек сделал глубокий вдох.

— Вы должны понять, что раньше или позже мы все равно все выясним, — сказал он. — У нас имеются свидетели, которые вас опознают. Мы также найдем водителя такси, который

вез вас. Он вспомнит, были вы один или нет. Специалисты осмотрят ваш автомобиль и вашу квартиру. То же самое относится к пожарищу в Хагалунде. Если там был труп, то от него наверняка достаточно осталось даже после пожара. Это не имеет значения. Что бы ни случилось с Альфом Матссоном и куда бы он ни исчез, мы найдем его. Вы не сумеете скрыть все это от нас. В любом случае не сможете скрыть главного.

Гюннарссон посмотрел ему в глаза и сказал:

— В таком случае, я не понимаю, к чему вся эта комедия.

Мартин Бек знал, что эту фразу запомнит надолго, возможно, на всю жизнь.

Положение спас Колльберг. Он сухо сказал:

— Наша обязанность сообщить вам, что вы подозреваетесь в убийстве. Во время официальных допросов вы будете, естественно, иметь право воспользоваться помощью адвоката.

— Альф Матссон поехал в такси со мной. Мы поехали сюда. Он знал, что у меня дома есть бутылка виски и уговаривал меня, чтобы мы поехали ее выпить.

— А потом?

— Мы уже достаточно надоели друг другу. Мы поссорились.

— Почему вы поссорились? — спросил Колльберг.

— Он… Я на него разозлился.

— Почему?

Вспышка в синих глазах. Странная и очень опасная.

— Он вел себя… ну, говорил кое-что… о моей невесте. Секундочку, я могу объяснить вам, как это началось. Если вы заглянете в верхний ящик слева… там есть несколько фотографий.

Мартин Бек выдвинул ящик и нашел фотографии. Он осторожно держал их за края кончиками пальцев. Снимки были сделаны где-то на пляже или в подобном месте, это были такие фотографии, какие молодые люди делают на пляже, когда знают, что их наверняка никто не потревожит. Он быстро перебрал фотографии, почти не глядя на них. Последняя фотография была помята и разорвана. Молодая женщина с ясным взглядом улыбалась фотографу.

— Я был в туалете. Когда вернулся, он стоял у стола и рылся у меня в ящиках. Нашел… нашел эти фотографии, попытался одну из них украсть. Я уже и так разозлился на него, но тут я действительно… меня охватила ярость.

Он немного помолчал и сказал, словно оправдывался:

— К сожалению, я плохо помню все эти подробности.

Мартин Бек кивнул.

— Фотографии я забрал у него, хотя он и не хотел отдавать их мне. Потом он начал говорить всякие гадости об… ну, об Анне-Луизе. Я знал, что все это ложь, но не мог его слушать. Он говорил ужасно громко, почти кричал. Мне кажется, я также боялся, что он разбудит соседей.

Мужчина опустил глаза еще ниже. Он посмотрел на собственные руки. Потом сказал:

— Нет, так далеко я не хотел заходить. Наверное, капля переполнила чашу терпения, не знаю. Я хочу вам рассказать…

— Подробности оставим на потом, — сказал Колльберг. — Что произошло?

Гюннарссон не отрываясь смотрел на свои руки.

— Я задушил его.

Мартин Бек подождал десять секунд. Потом потер указательным пальцем основание носа и сказал:

— А потом?

— Я внезапно совершенно протрезвел или по крайней мере думал, что протрезвел. Он лежал здесь на полу. Мертвый. Было почти два часа ночи. Конечно, мне следовало позвонить в полицию. Однако в ту минуту мне это было не так очевидно.

Он немного подумал.

— Пожалуй, это все.

Мартин Бек кивнул и взглянул на часы. Это снова побудило Гюннарссона продолжить.

— Ну вот, я тоже тогда сидел здесь приблизительно четверть часа и обдумывал, что и как. Вот на этом стуле. Я вовсе не хотел примириться с тем, что ситуация безнадежна. Все произошло так… ни с того ни с сего. Мне все это казалось бессмысленным. Я никак не мог осознать, что это сделал я, что внезапно… ну, об этом мы можем поговорить позднее.

— Вы знали, что Матссон должен ехать в Будапешт? — спросил Колльберг.

— Да. У него при себе был паспорт и билет на самолет. Он только хотел заехать домой за чемоданом. Думаю, эта идея пришла мне в голову, когда я увидел его очки. Они упали и лежали на полу, они были какие-то особенные, без них он выглядел совсем иначе. А потом я вспомнил об этой развалюхе там, у нас. До того как переехать, я иногда сиживал на балконе и смотрел, как пожарные приезжают туда на учения; они каждый раз поджигали дом и снова гасили огонь. Каждый понедельник. Они никогда ничего особенно не осматривали, прежде чем поджечь. Я знал, что те остатки, которые там еще торчали, они быстро сожгут дотла. Наверное, это дешевле, чем сносить дом обычным способом.

Гюннарссон быстро посмотрел на Мартина Бека отчаявшимися глазами и торопливо продолжил:

— Потом я взял паспорт, авиабилет, ключ от автомобиля и ключи от его квартиры. Потом…

Он вздрогнул, но тут же взял себя в руки.

— Потом я перенес его вниз в автомобиль, это было самым трудным, но мне… я уже хотел было сказать, что мне повезло. Я поехал в Хагалунд.

— К тому дому, который должны были снести?

— Да, там нигде не было ни души, словно все вымерли. Я затащил Аффе на чердак, это было трудно, потому что от лестницы уже почти ничего не осталось. Там я положил его за перегородку под кучу какого-то хлама, чтобы его никто не нашел. Он ведь уже был мертвый. Ему, собственно, было все равно. По крайней мере мне так казалось.

Мартин Бек беспокойно покосился на часы.

— Продолжайте, — сказал он.

— Начало светать. Я поехал на Флеминггатан за чемоданом, он был уложен, и я положил его в автомобиль Матссона. Потом вернулся сюда, немного прибрал здесь и взял его очки и плащ, который он повесил в прихожей. И тут же поехал обратно. Мне было страшно, хотелось остаться здесь и ждать. Потом я взял его автомобиль, поехал в Арланду и припарковался там.

Мужчина посмотрел на Мартина Бека просительным взглядом и сказал:

— Все шло как по маслу. Я надел очки, но плащ оказался мне маловат. Я перебросил его через руку и прошел паспортный контроль. Не особенно помню, как я добрался, но мне все казалось простым и легким.

— Как вы хотели сразу исчезнуть оттуда?

— Я думал, мне представится какая-нибудь возможность, как-нибудь это получится. Я думал, что лучше всего будет, если я поеду до венгерской границы на поезде, а там попытаюсь перейти нелегально. У меня ведь лежал в кармане мой собственный паспорт, и из Вены я мог вернуться домой по нему. Я там уже был несколько раз и знал, что австрийцы при выезде обычно штампы не ставят. Мне снова повезло. По крайней мере мне так казалось.

Мартин Бек кивнул.

— Там не было мест, но Аффе забронировал себе номера в двух гостиницах, причем в первой на одну ночь. Я уже не помню, как она называлась.

— «Ифьюшаг».

— Да, возможно. Я приехал туда вместе с какой-то группой туристов, они говорили по-французски. Рядом со мной стоял у регистрационной стойки какой-то молодой человек с бородой и усами. Я заметил, что портье положил его паспорт в самый низ, так что он оказался первым снизу в этой стопке паспортов. Я сдал паспорт Аффе, а когда портье повернулся ко мне спиной, мне удалось вытащить из стопки паспорт, принадлежащий тому, с бородой и усами. Он был бельгийский.

Мартин Бек осторожно взглянул на часы.

— А что произошло на следующий день утром?

— Я получил паспорт Аффе… Матссона и поехал в другую гостиницу. Она была большая и роскошная и называлась «Дунай». Я отдал портье паспорт Аффе и позволил отнести в номер его чемодан. Я пробыл там не более получаса. Потом ушел. У меня имелся план города, который я купил до этого, и я пошел на вокзал. По пути я обнаружил в кармане ключ от гостиничного номера. Он был большой и мешал мне, поэтому я бросил его на ступеньки управления полиции, когда проходил мимо. Мне казалось, что это хорошая идея.

— Еще бы, — заметил Колльберг.

Гюннарссон слабо улыбнулся.

До Вены я ехал в международном экспрессе, это заняло только четыре часа. В первую очередь я снял очки Аффе и уложил его плащ. Теперь я уже ехал по бельгийскому паспорту, и все по-прежнему шло гладко. В поезде было полно пассажиров и у паспортного контроля было много работы. К тому же со мной в купе ехала какая-то девушка. В Вене на вокзале Остбанхоф я взял такси, поехал прямо в аэропорт и дневным самолетом прилетел в Стокгольм.

— Что вы сделали с паспортом Редера? — спросил Мартин Бек.

— Порвал и бросил в унитаз в туалете на вокзале Остбанхоф. Очки тоже. Стекла я разбил, а оправу поломал.

— А куда вы дели плащ?

— Повесил его в гардероб в привокзальном ресторане.

— И вечером вы уже снова были здесь?

— Да, я пошел в редакцию сдать кое-какие статьи, которые написал до этого.

В комнате было тихо. Наконец Мартин Бек сказал:

— Вы пробовали постель?

— Где?

— В гостинице «Дунай».

— Пробовал. Она скрипела.

Гюннарссон снова посмотрел на свои руки. Потом очень тихо сказал:

— Я был в ужасно тяжелом положении. Речь ведь шла не только обо мне.

Он быстро посмотрел на фотографию.

— Если бы… если бы не случилось ничего непредвиденного, у нас была бы на этой неделе свадьба. И…

— Да?

Это ведь на самом деле был несчастный случай. Поймите…

Да, — сказал Мартин Бек.

Колльберг за все время так ни разу и не пошевелился. Теперь он внезапно пожал плечами и раздраженно сказал:

— Достаточно, пойдем.

Мужчина, убивший Альфа Матссона, внезапно всхлипнул.

— Да, — сказал он сдавленным голосом. — Извините, я на минутку.

Он быстро встал и пошел в туалет. Двое остальных не пошевелились, но Мартин Бек с сожалением смотрел на закрытую дверь. Колльберг проследил за его взглядом и сказал:

— Там нет ничего, чем он мог бы нанести себе вред. Я забрал оттуда даже стаканчик для зубной щетки.

— На ночном столике у него была коробочка со снотворным. Там было по меньшей мере двадцать пять таблеток.

Колльберг пошел в спальню и тут же вернулся.

— Снотворного нет, — сказал он.

Он посмотрел на закрытую дверь.

— Может быть, нам следует..?

— Нет, — сказал Мартин Бек. — Подождем.

Они ждали не больше тридцати секунд. Оке Гюннарссон вышел сам. Он улыбнулся и сказал:

— Так мы идем?

Никто не ответил. Колльберг пошел в туалет, встал на унитаз, поднял крышку сливного бачка, засунул туда руку и выловил пустую коробочку из-под снотворного. Он вернулся в кабинет и прочел этикетку.

— Веспаракс, — сказал он. — Это опасное средство.

Он посмотрел на Гюннарссона и устало заметил:

— Вам все же не следовало этого делать. Теперь нам придется отвезти вас в больницу. Там на вас наденут длинный фартук аж до самых ног, а в горло засунут резиновую кишку. Завтра вы не будете в состоянии ни говорить, ни есть.

Мартин Бек вызвал по телефону патрульный автомобиль.

Они быстро спустились по лестнице, всех их подгоняло одинаковое желание убраться отсюда как можно скорее.

Патрульный автомобиль уже стоял перед домом.

— Сделать промывание, — сказал Колльберг. — И поскорее. Мы приедем позже.

Когда Гюннарссон уже сидел в автомобиле, Колльберг что-то вспомнил. Он приоткрыл дверцу и спросил:

— Когда вы ушли из гостиницы на вокзал, вы вначале попали на другой вокзал?

Мужчина, убивший Альфа Матссона, посмотрел на него глазами, которые уже начали заволакиваться туманом и приобретать неестественное выражение.

— Да. Откуда вам это известно?

Колльберг захлопнул дверцу. Водитель патрульного автомобиля включил сирену уже на первом же перекрестке.

По пожарищу в Хагалунде между куч пепла и обгоревших балок осторожно передвигались полицейские в серых комбинезонах. За веревочным ограждением собралась небольшая толпа зевак, главным образом воскресных семеек с детскими колясками и пакетами из кондитерской. Было уже больше четырех часов.

Как только Мартин Бек и Колльберг вышли из автомобиля, от группы полицейских отделился Стенстрём и подошел к ним.

— Вы были правы, — сказал он. — Матссон лежит там, но от него уже мало что осталось.

Не прошло и часа, как они снова возвращались в город. Когда они проезжали мимо бывшего налогового управления в Нормальме, Колльберг сказал:

— Через неделю строительная фирма уже сравняла бы там все бульдозером.

Мартин Бек кивнул.

— Он сделал все, что было в его силах, — философски заметил Колльберг. — И сделал немало. Если бы он знал о Матссоне чуточку больше и не поленился посмотреть, что в этом чемодане, и если бы он вышел из самолета в Копенгагене, вместо того чтобы с риском, что кто-то заметит, орудовать ластиком в паспорте…

Он не закончил фразу. Мартин Бек посмотрел на него.

— Ну и что? Думаешь, он выкрутился бы?

— Нет, — сказал Колльберг. — Понятно, что нет.

У Ванадисского плавательного бассейна, где, несмотря на плохую погоду, людей было как мух, Колльберг кашлянул и сказал:

— Не знаю, зачем тебе теперь заниматься этим делом. У тебя ведь в конце концов отпуск.

Мартин Бек взглянул на часы. Сегодня он уже не успеет на островок.

— Высади меня на углу Оденгатан, — сказал он. Колльберг остановился на углу перед кинотеатром.

— Ну, пока, — сказал он.

— Пока.

Они не подали друг другу руки. Мартин Бек остался стоять на тротуаре и смотрел вслед автомобилю. Потом перешел на противоположную сторону, повернул за угол и вошел в ресторан «Метрополь». Свет в баре был приглушенным и приятным, за одним угловым столиком какие-то люди тихо разговаривали. Кроме них, здесь больше никого не было.

Он уселся за стойку бара.

— Шотландское виски, — сказал он.

Бармен был мускулистым верзилой со спокойными глазами и быстрыми движениями. На нем был белоснежный пиджак.

— Со льдом?

— Почему бы и нет?

— Конечно, — сказал бармен. — Это отличная вещь. Дневное виски со льдом. Это что-то исключительное.

Мартин Бек просидел в баре четыре часа. Он ни разу не заговорил, лишь время от времени показывал на бокал. Мужчина в белом пиджаке тоже ничего не говорил. Так было лучше всего.

Мартин Бек смотрел на свое лицо в дымчатом зеркале за рядами бутылок. Когда картинка стала расплываться, он взял такси и поехал домой. Раздеваться он начал уже в прихожей.

XXVI

Мартин Бек вздрогнул и проснулся. Он спал крепко, без сновидений. Он раскрылся, и ему было холодно. Когда он встал, чтобы закрыть дверь на балкон, у него потемнело в глазах. В висках стучало, в горле пересохло. Он пошел в ванную и, пересилив себя, проглотил две таблетки аспирина и запил их стаканом воды. Потом снова лег, накрылся и попытался уснуть. Он спал пару часов, и его мучили кошмары. Потом он встал, долго принимал душ и медленно одевался. Вышел на балкон, облокотился на перила и подпер подбородок ладонями.

Небо было высокое и ясное, в холодном утреннем воздухе уже чувствовалась осень. Он немножко понаблюдал за толстенькой таксой, которая лениво ковыляла между деревьев в редком леске перед домом. Этот лесок назывался зеленым поясом, но своего названия он решительно не заслуживал. Между елями земля была покрыта хвоей, поверх которой валялся самый разнообразный мусор, а редкую травку, пробившуюся в начале лета, уже давно вытоптали.

Мартин Бек вернулся в спальню и застелил постель. Потом какое-то время беспокойно походил по квартире, положил в портфель несколько книг и всякие мелочи и вышел из дому.

В город он поехал в метро. Пароход отплывал только через час, и Мартин Бек медленно шел по набережной к Стрёмброн. У Блазиехольмстранд стоял его пароход с переброшенным на причал трапом. Несколько матросов носили на корму какие-то ящики.

Мартин Бек пошел дальше на Шепсхольмен. В ресторане на палубе старого парусника, используемого шведским туристическим союзом под гостиницу, он заказал чай, после которого ему стало еще хуже.

За четверть часа до отплытия он поднялся на судно; котлы уже разогревали и из трубы шел белый пар. Он пошел на палубу и сел на то же место, где сидел почти четырнадцать дней назад, когда у него начался отпуск.. Подумал, что теперь уже ничто не помешает ему воспользоваться отпуском, однако мысль о праздной жизни на островке теперь уже не вызывала у него ни радости, ни энтузиазма.

Машина заработала, пароход дал гудок и отошел от набережной. Мартин Бек перегнулся через ограждение н смотрел на пенистые буруны. Ощущение летнего отпуска исчезло, и теперь ему все было совершенно безразлично.

Через пару минут он пошел в буфет и выпил бутылку минеральной воды. Когда он вернулся на палубу, на его месте сидел краснощекий мужчина в спортивном костюме и с беретом на голове. Прежде чем Мартин Бек успел незаметно отойти, толстяк уже представился и начал извергать потоки восторженных излияний о красоте залива и островов. Мартин Бек покорно слушал его, а мужчина показывал на один островок за другим и называл те, мимо которых они проплывали. Наконец Мартину Беку удалось прервать этот монолог и сбежать от знатока стокгольмского архипелага в салон на корме.

Остаток пути он провел в полутемном салоне на твердом плюшевом диванчике и смотрел, как в луче света, падающем из иллюминатора, кружится пыль.

Нюгрен сидел в лодке у причала и ждал его. Когда они приблизились к островку, он заглушил мотор и медленно проплыл вдоль причальных мостков, чтобы Мартин Бек мог выпрыгнуть. Потом тут же завел мотор, помахал и исчез за мыском.

Мартин Бек пошел к домику. На подветренной стороне его жена голая лежала на одеяле и загорала.

— Привет.

— Привет. Я не слышала, как ты приехал.

— Где дети?

— Где-то катаются на лодке.

— Ага.

— Ну как там, в Будапеште?

— Очень красиво. Я послал вам открытку. Вы ее получили?

— Нет.

— Значит, она еще придет.

Он вошел в дом, выпил воды из ковшика и уставился в стенку прямо перед собой. Он думал о светловолосой женщине с цепочкой на шее. Возможно, она долго стояла там и звонила, а ей никто не открывал. А может, она пришла так поздно, что в квартире уже было полно полицейских с пинцетами и флакончиками со специальным порошком.

Он слышал, как вошла его жена.

— Как ты, собственно, себя чувствуешь?

— Не очень хорошо, — ответил Мартин Бек.

1

Рауль Валленберг (1912—1947?) — шведский бизнесмен и дипломат, во время Второй мировой войны спас тысячи венгерских евреев. В 1945 г., после того, как в Будапешт вошла Советская армия, был арестован советскими властями по обвинению в шпионаже и увезен в Москву. Его дальнейшая судьба неизвестна. В 1981 г. Конгресс США избрал его почетным гражданином США; до него такой чести удостаивался только сэр Уинстон Черчилль (здесь и далее, если не указано другое, прим. пер.) .

2

Конрад фон Гётцендорф (1852—1925) — выдающийся военный стратег, разрабатывал планы военных кампаний Габсбургов во время Первой мировой войны, начальник генерального штаба австро-венгерской армии.

3

Полиэфирное синтетическое волокно. Основные торговые названия: лавсан, терилен, дакрон, тетерон, элана, тергаль, тесил.

4

Юность *(венг.)*

5

Эмиль Яннингс (1884—1950) — ведущий актер Немецкого театра (Берлин). Снимался в кино. Одна из крупнейших работ — Швейцар в фильме «Последний человек» (1925 г.).

6

Изонцо — река в Югославии и Италии. На Изонцо во время Первой мировой войны в 1915—1917 гг. происходили ожесточенные бои между итальянскими и австро-венгерскими войсками.

7

Пионер *(венг.)*

8

Метро *(венг.)*

9

Хрустящий (шведский) хлебец *(шведск.)*

10

Венгерская степь.

11

Ференц Деак (1803—1876) — венгерский политический деятель, один из лидеров парламентской оппозиции, позднее министр юстиции. В 1865 г. основал и возглавил политическую партию, сыгравшую значительную роль в подготовке и заключении австро-венгерского соглашения 1867 года.

12

Букв. — «обратный хвост» *(англ.)*

13

Петру Гроза (1884—1958) — румынский политический и государственный деятель. Председатель Совета Министров РНР, председатель Президиума Великого национального собрания РНР.

14

Край в Швеции.

15

Аландские о-ва находятся в Ботническом заливе. Принадлежат Финляндии.
